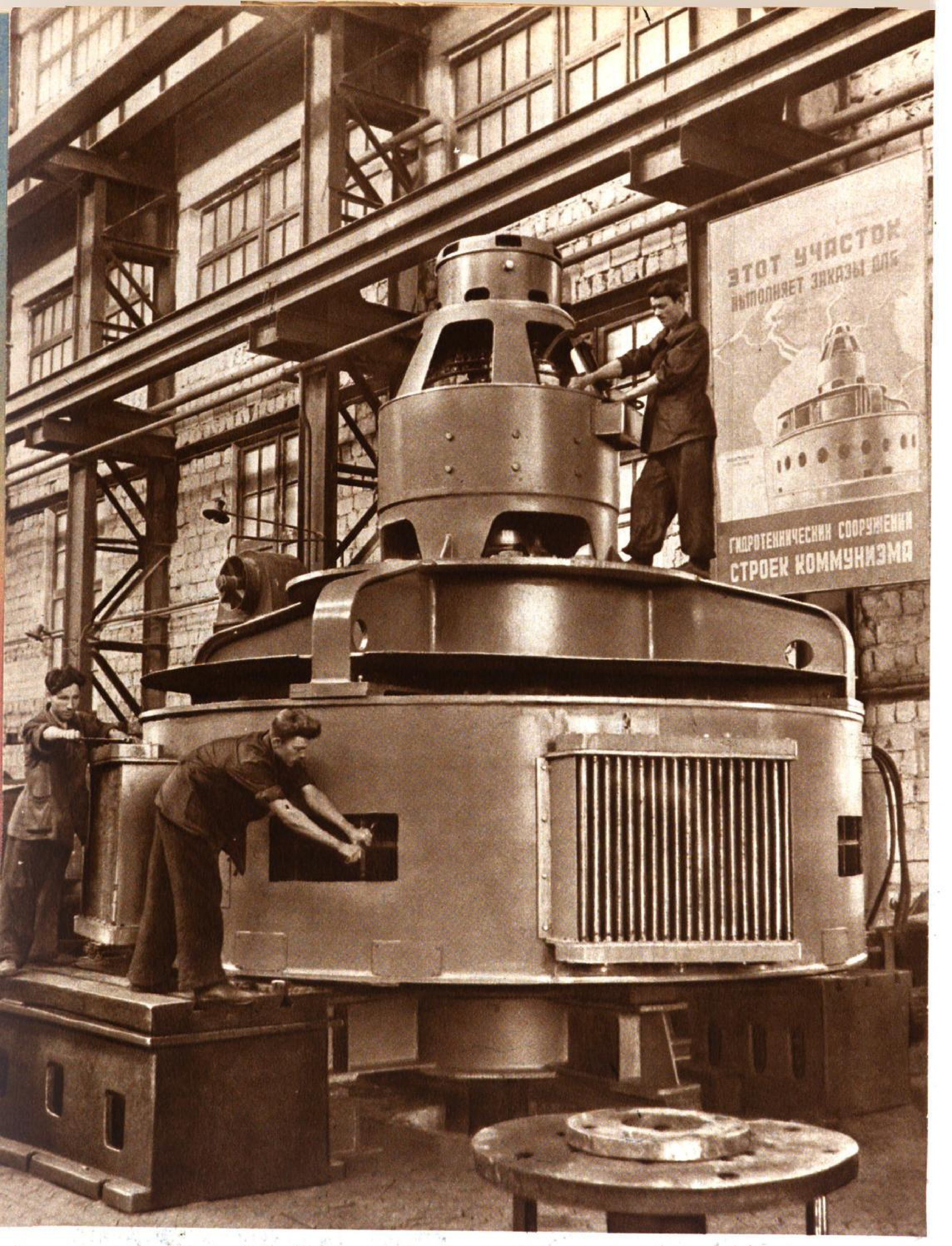

ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПРАВДА

Завод «Уралэлектроаппарат». Монтаж гидрогенератора для великой стройки.

Фото М. Озерского

На первой странице обложки: В нанайском колхозе «Сикау Пакто» («Новый путь»). Село Кондон, Хабаровского края. Известный в округе охотник и рыболов Федор Иванович Самар читает газету. Внимательно слушает его племянник, ученик 7-го класса Женя Самар.

Фото Л. Аркадьева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 43 (1324)

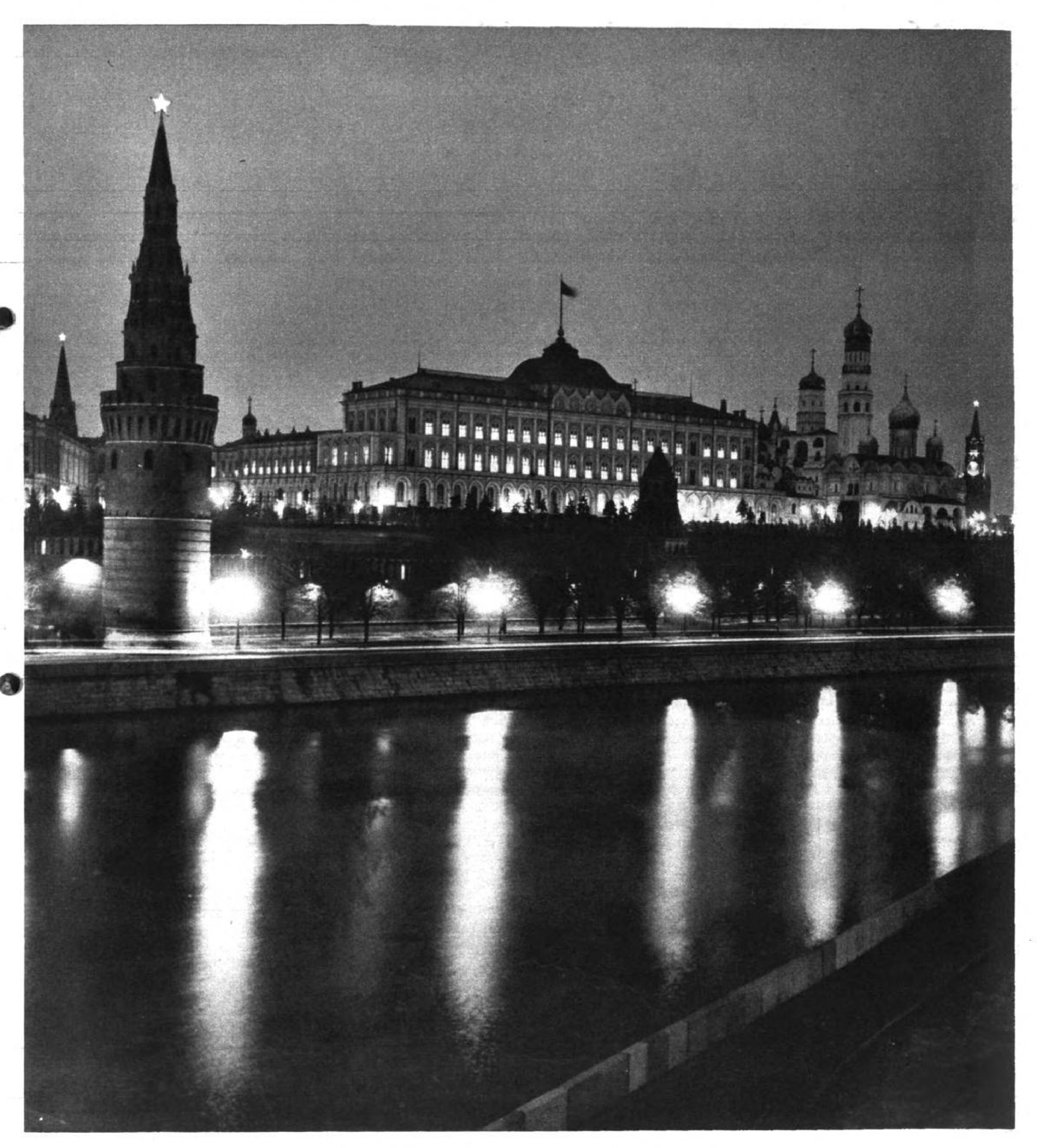
19 ОКТЯБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

14 октября закончил свою работу XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Под руководством Коммунистической партии, под мудрым водительством любимого вождя и учителя товарища Сталина—вперед, к торжеству коммунизма!

КРЕМЛЬ. Снимок сделан в день открытия XIX съезда партии.

Фото А. Гостева

Речь товарища И. В. Сталина

(Появление на трибуне товарища Сталина делегаты встречают бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию. Все встают. Возгласы: «Товарищу Сталину — ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Слава великому Сталину!»)

Товарищи!

Разрешите выразить благодарность от имени нашего съезда всем братским партиям и группам, представители которых почтили наш съезд своим присутствием или которые прислали съезду приветственные обращения,— за дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие. **(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию).**

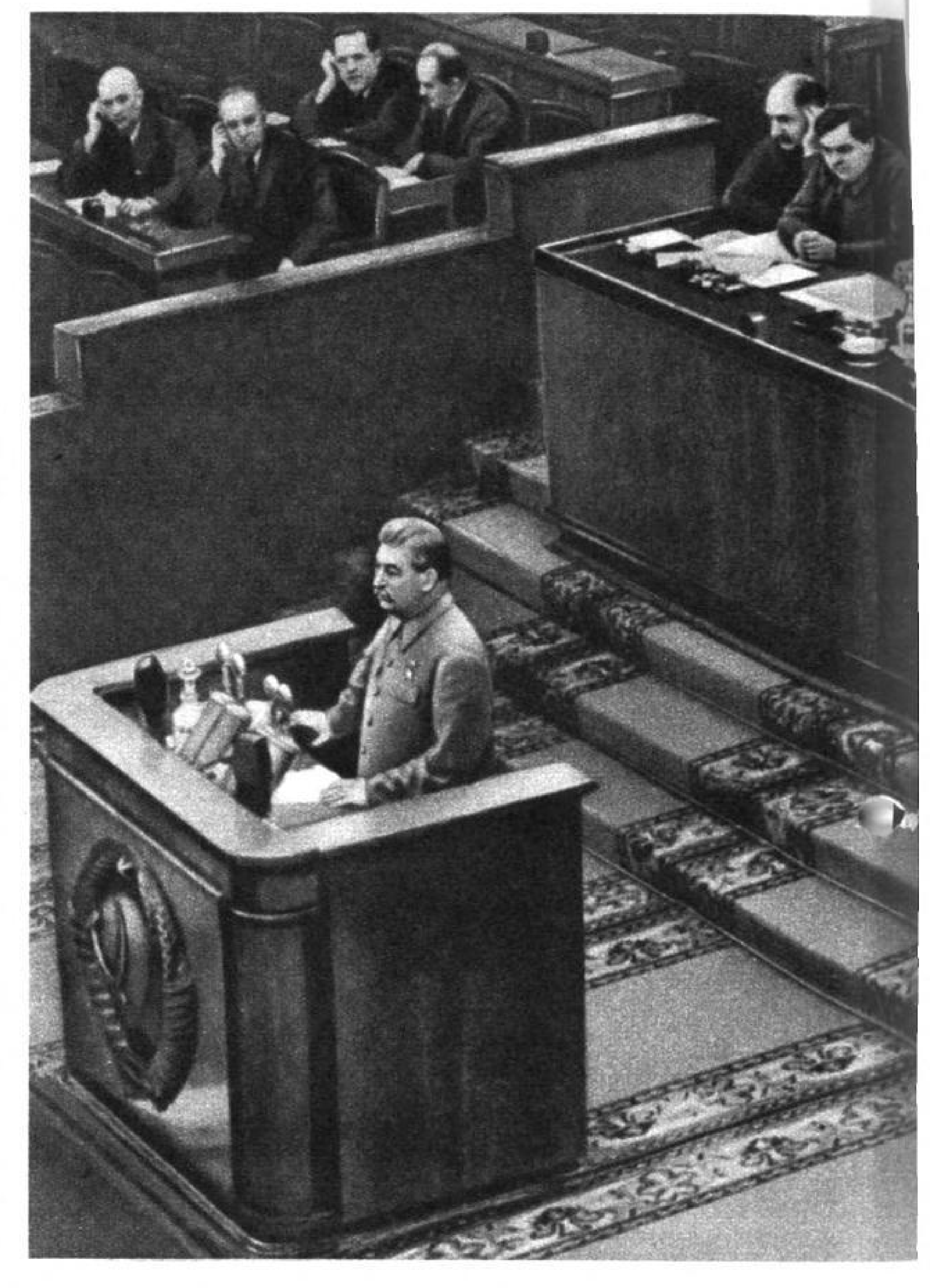
Для нас особенно ценно это доверие, которое означает готовность поддержать нашу партию в её борьбе за светлое будущее народов, в её борьбе против войны, в её борьбе за сохранение мира. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Было бы ошибочно думать, что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и в поддержке братских народов за рубежом.

Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Когда английские рабочие в 1918—1919 годах, во время вооружённого нападения английской буржуазии на Советский Союз организовали борьбу против войны под лозунгом «Руки прочь от России», то это была поддержка, поддержка прежде всего борьбы своего народа за мир, а потом и поддержка Советского Союза. Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза **(бурные аплодисменты)**, то это есть поддержка, прежде всего поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии, борющихся за мир, а потом и поддержка миролюбивых стремлений Советского Союза. Эта особенность взаимной поддержки объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. **(Бурные аплодисменты).** Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всём мире.

Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. **(Бурные аплодисменты).** После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнёта, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «Ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнётом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства. **(Бурные аплодисменты).**

Конечно, очень трудно было выполнять эту почётную

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ.

роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь — совсем другое дело. Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран,— теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые ещё не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов. Им, конечно, труднее работать. Однако им не столь трудно работать, как было трудно нам, русским коммунистам, в период царизма, когда малейшее движение вперёд объявлялось тягчайшим преступлением. Однако русские коммунисты выстояли, не испугались трудностей и добились победы. То же самое будет с этими партиями.

Почему всё же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода?

Потому, во-первых, что они имеют перед глазами такие примеры борьбы и успехов, какие имеются в Советском Союзе и народно-демократических странах. Следовательно, они могут учиться на ошибках и успехах этих стран и тем облегчить свою работу.

На снимке (слева направо): в президиуме товарищи **Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Д. С. Коротченко, Ж. Шаяхметов, О. В. Куусинен**; во втором ряду: **Н. С. Патоличев, А. Б. Аристов, А. И. Ниязов, В. М. Андрианов и М. Д. Багиров**. На трибуне товарищ **И. В. Сталин**.
Фото Ф. Кислова и А. Устинова.

Потому, во-вторых, что сама буржуазия,— главный враг освободительного движения,— стала другой, изменилась серьёзным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. Понятно, что это обстоятельство должно также облегчить работу революционных и демократических партий. **(Бурные аплодисменты)**.

Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности»,— права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменён принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять. **(Бурные аплодисменты)**.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. **(Бурные аплодисменты)**.

Так обстоит дело в настоящее время.

Понятно, что все эти обстоятельства должны облегчить работу коммунистических и демократических партий, не пришедших ещё к власти.

Следовательно, есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала. **(Бурные аплодисменты)**.

Да здравствуют наши братские партии! **(Продолжительные аплодисменты)**.

Пусть живут и здравствуют руководители братских партий! **(Продолжительные аплодисменты)**.

Да здравствует мир между народами! **(Продолжительные аплодисменты)**.

Долой поджигателей войны! **(Все встают. Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Товарищу Сталину ура!», «Да здравствует великий вождь трудящихся мира товарищ Сталин!», «Великому Сталину ура!», «Да здравствует мир между народами!» Возгласы: «ура»)**.

Избрание Пленумом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза исполнительных органов ЦК

16 октября 1952 года состоялся Пленум вновь избранного Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

1) Пленум избрал ПРЕЗИДИУМ ЦК в следующем составе: т.т. Сталин И. В., Андрианов В. М., Аристов А. Б., Берия Л. П., Булганин Н. А., Ворошилов К. Е., Игнатьев С. Д., Каганович Л. М., Коротченко Д. С., Кузнецов В. В., Куусинен О. В., Маленков Г. М., Малышев В. А., Мельников Л. Г., Микоян А. И., Михайлов Н. А., Молотов В. М., Первухин М. Г., Пономаренко П. К., Сабуров М. З., Суслов М. А., Хрущев Н. С., Чесноков Д. И., Шверник Н. М., Шкирятов М. Ф.

Кандидаты в члены Президиума: т.т. Брежнев Л. И., Вышинский А. Я., Зверев А. Г., Игнатов Н. Г., Кабанов И. Г., Косыгин А. Н., Патоличев Н. С., Пегов Н. М., Пузанов А. М., Тевосян И. Ф., Юдин П. Ф.

2) Пленум избрал СЕКРЕТАРИАТ ЦК в следующем составе: т.т. Сталин И. В., Аристов А. Б., Брежнев Л. И., Игнатов Н. Г., Маленков Г. М., Михайлов Н. А., Пегов Н. М., Пономаренко П. К., Суслов М. А., Хрущев Н. С.

3) Пленум ЦК утвердил председателем Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС тов. Шкирятова М. Ф.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ

16 октября 1952 года состоялось заседание Центральной Ревизионной Комиссии Коммунистической партии Советского Союза.

Центральная Ревизионная Комиссия избрала председателем Комиссии тов. Москатова П. Г.

Делегат XIX съезда партии В. Блаженов беседует с товарищами по депо.
Фото Дм. Бальтерманца

ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА В СВОЕМ ДЕПО

Свежих газет в депо еще не было. Поэтому, когда у своего паровоза появился машинист Виктор Григорьевич Блаженов, делегат XIX съезда партии, его тотчас окружили машинисты, кочегары, слесари.

Все уже знали, что на заключительном заседании съезда выступил товарищ Сталин. И, естественно, каждый прежде всего говорил об этом.

— Ты слышал Сталина?

— Да,— отвечал Блаженов.

— Расскажи, — деповские рабочие плотнее окружили Блаженова.— Расскажи все по порядку.

— Я сидел во втором ряду, все хорошо видел и слышал. Когда председательствующий объявил, что слово предоставляется товарищу Сталину, такая радость всех нас охватила! Мы, делегаты, ожидали, что он выступит.

— И мы ожидали,— заметил машинист Иван Бурцев.

— Товарищ Сталин,— продолжал Блаженов,— поднялся со своего места и пошел к трибуне, все мы встали. Загремела овация. Какая — словами передать вам не могу. Товарищ Сталин стоял на трибуне, а овация не утихала. Хотелось вложить в аплодисменты все наши чувства, нашу любовь и преданность дорогому вождю и учителю. После овации сразу наступила тишина, и мы услышали голос Иосифа Виссарионовича. Он благодарил зарубежные братские партии и группы, которые оказывают нашей партии доверие и поддержку. Говорил он и о том, что наша партия, в свою очередь, оказывает им поддержку.

Конечно,— продолжает Блаженов,— когда мы разгромили немецких и японских фашистов, тем самым мы помогли труженикам всего мира. Буржуазия продает права и независимость своей нации за доллары. Теперь только коммунистические и демократические партии могут отстаивать интересы своих народов.

Затем разговор заходит о директивах XIX съезда, связанных с новым пятилетним планом. Железнодорожники с удовлетворением говорят о том, что в новой пятилетке большое внимание уделяется дальнейшему развитию транспорта. Блаженов напоминает товарищам, что успех во многом будет зависеть от железнодорожников: ведь одна из важных задач, поставленных съездом,— увеличить пропускную способность железных дорог.

— Надо подумать,— говорит машинист Александр Жаринов,— что еще можно сделать в нашем депо, чтобы увеличить вес грузовых поездов, ускорить оборот вагонов.

— На транспорт все время прибывает новая техника,— вступает в разговор Иван Бурцев.— В директивах съезда ясно сказано: приступить к производству новых мощных паровозов, электровозов и тепловозов, в том числе газогенераторных. Вот Александр Иванович,— Бурцев обращается к Жаринову,— работает на новом паровозе. Надо познакомиться с опытом Жаринова, чтобы, когда и мы получим новые машины, уже знать, что к чему.

— Я обратил внимание,— говорит машинист А. Соколов,— что предстоит увеличение сети электрифицированных дорог. Будущее транспорта связано с электричеством!

Так идет разговор о материалах XIX съезда. Эти материалы посвящены самым жгучим вопросам сегодняшнего дня и в то же время устремлены в наш завтрашний день. Они раскрывают прекрасные перспективы грядущих побед советского народа.

— Чем больше вчитываешься в директивы съезда,— говорит опытный машинист Степан Никитич Никитин, — тем больше тебя охватывает желание работать, работать много и плодотворно, чтобы скорей на нашей советской земле наступил коммунизм!

Реки Полесья будут служить народу

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к секретарю Полесского обкома партии Герою Советского Союза тов. В. Е. Лобанок с просьбой ответить на некоторые вопросы, связанные с решением полесской проблемы.

— Предпринимались ли в прошлом попытки преобразовать Полесье?

— Такие попытки были еще при царизме, но очень робкие. Тогда вопрос об освоении земель и не мог ставиться в таких масштабах, как сейчас. В конце XIX века в Полесье была снаряжена экспедиция генерала Жилинского. Но она ограничилась немногим: выяснить возможности сплава леса по полесским рекам и в меру сил оказать помощь ежегодно затопляемым помещичьим землям. Меньше всего, конечно, беспокоились о крестьянских землях.

— Каков должен быть первый шаг в решении полесской проблемы?

— Первый шаг уже сделан. В Полесье осушены большие массивы болотистых земель. Легенда о том, что наша полесская земля была и будет неплодородной, что здесь нельзя добиться высоких урожаев, ныне развеяна героическим трудом колхозников. Они добились уже немалых успехов и черпают новые силы в таком замечательном документе, как решение советского правительства об осушительных работах в Полесской низменности. Белорусский народ видит в этом решении отеческую заботу товарища Сталина о процветании нашей республики и, в частности, Полесской низменности.

— Что делают ученые Белоруссии для быстрейшего преобразования природы Полесья?

— Трудно в короткой беседе дать полный обзор деятельности Академии наук Белоруссии в этом направлении, тем более, что наша Академия занимается вопросами Полесья в течение многих лет. Но скажу о главном. Если вы приедете в Мозырь, то увидите там и географов, и мелиораторов, и инженеров, и ботаников. В Полесье сейчас работает экспедиция Болотного института под руководством профессора Денисова. Она изучает вопросы урожайности на осушенных землях.

В свое время в Мозыре состоялась выездная сессия президиума Академии наук, на которой было заслушано около пятнадцати докладов ученых и практиков, в том числе колхозников. Материалы сессии, можно с уверенностью сказать, сыграют важную роль.

— Что предстоит сделать в ближайшее время, кроме осушения болот?

— Партия хочет видеть Полесье богатым и плодородным краем. Для этого придется провести большие гидростроительные работы в бассейне Припяти, создать водохранилище и каналы, построить электростанции.

У нас в области, к сожалению, бывает так: весной и осенью воды больше, чем надо, а летом земля сохнет из-за недостатка влаги. Множество рек и речушек впадает в Припять, и она не может впитать огромные потоки воды. В результате затопляются болота и луга. Нам предстоит исправить эту ошибку природы, создав систему гидротехнических сооружений. Задача заключается в том, чтобы четыреста рек и речек текли так быстро, как это надо нашим колхозам, освобождая полесские земли от избыточной влаги.

— Какое значение будет иметь осуществление этих работ для колхозников Полесья?

— Весной, когда разливается река, поля оказываются под водой, и порой случается так, что посевы, в которые был вложен огромный труд, погибают. До революции, когда погибал урожай, крестьяне бросали земли и уходили в город на заработки. Теперь советские люди изучают законы природы, изучают, чтобы поставить их на службу народу. Товарищ Сталин указывает: «...люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества».

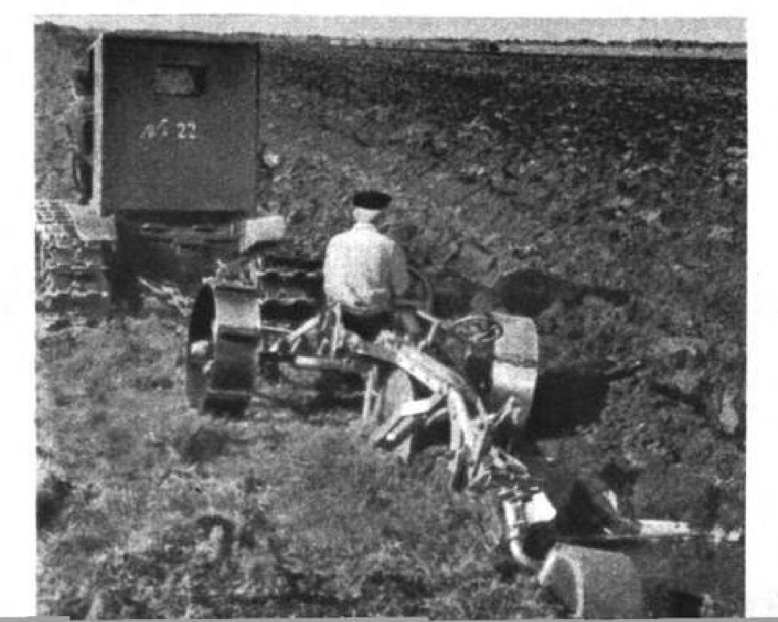
В нынешнем году на полях полесских колхозов в широком масштабе начались осушительные работы. Сюда прибыли канавокопатели, кусторезы, тракторы и другие машины.

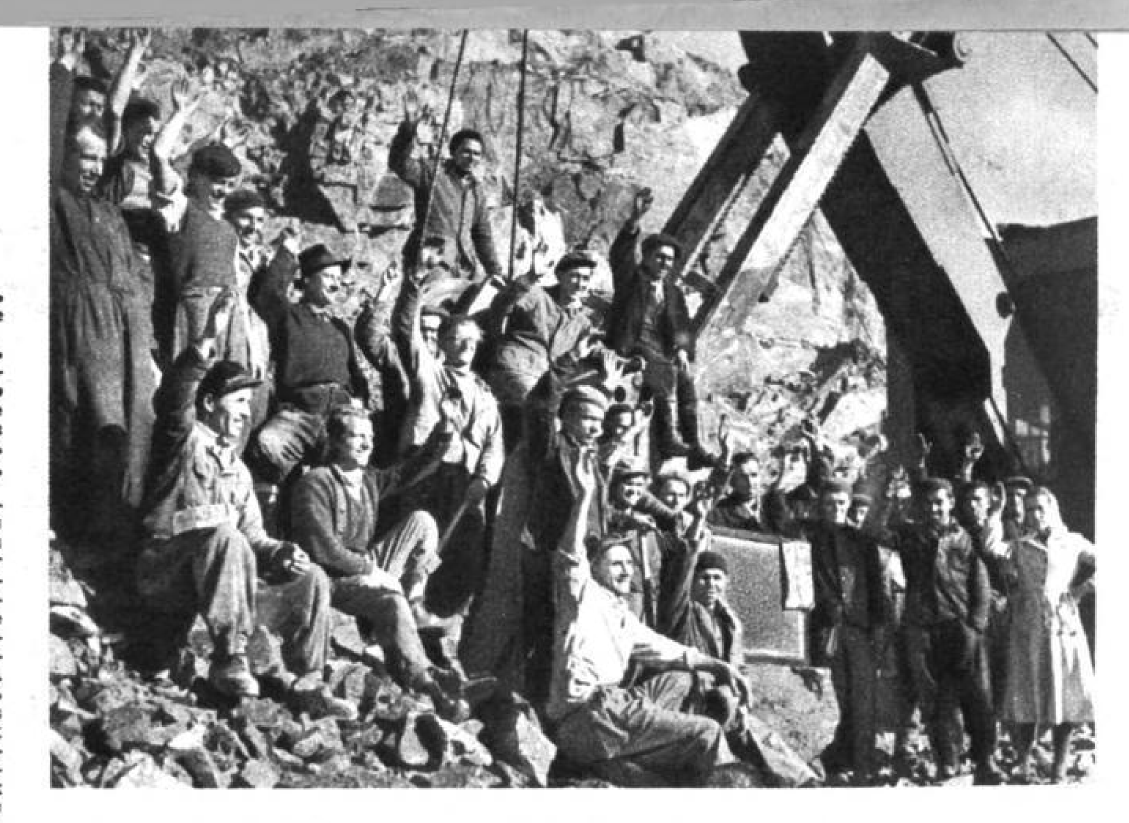
— Как встретили колхозники Полесья решения XIX съезда партии?

— В колхозах нашей области, в райкомах и местных советах люди изучают материалы XIX съезда, радуются нашей растущей силе. Колхозники Белоруссии всей душой верят в прекрасный завтрашний день Полесья. Они знают, что Коммунистическая партия слов на ветер не бросает, что раз начатое дело она всегда доводит до конца. Вот почему белорусский народ верит, что благодаря заботе и вниманию товарища Сталина миллионы гектаров полесских земель превратятся в цветущий сад.

Болотный плуг поднимает целинные торфяники в колхозе имени Жданова, Василевичского района, Полесской области.

Фото У. Мезина

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ — В ЧЕСТЬ XIX СЪЕЗДА

«Весть о созыве XIX съезда ВКП(б) и опубликование документов к съезду вызвали и у нас, в Чехословакии, необычайно широкие отклики. Сотни тысяч наших трудящихся в городе и деревне приняли в честь XIX съезда ВКП(б) большое количество социалистических обязательств, которые с успехом выполняются».

Так говорил в своем приветственном выступлении на XIX съезде партии председатель Коммунистической партии Чехословакии тов. Клемент Готвальд.

Во всех странах народной демократии XIX съезд был отмечен высоким подъемом, новыми хозяйственными достижениями.

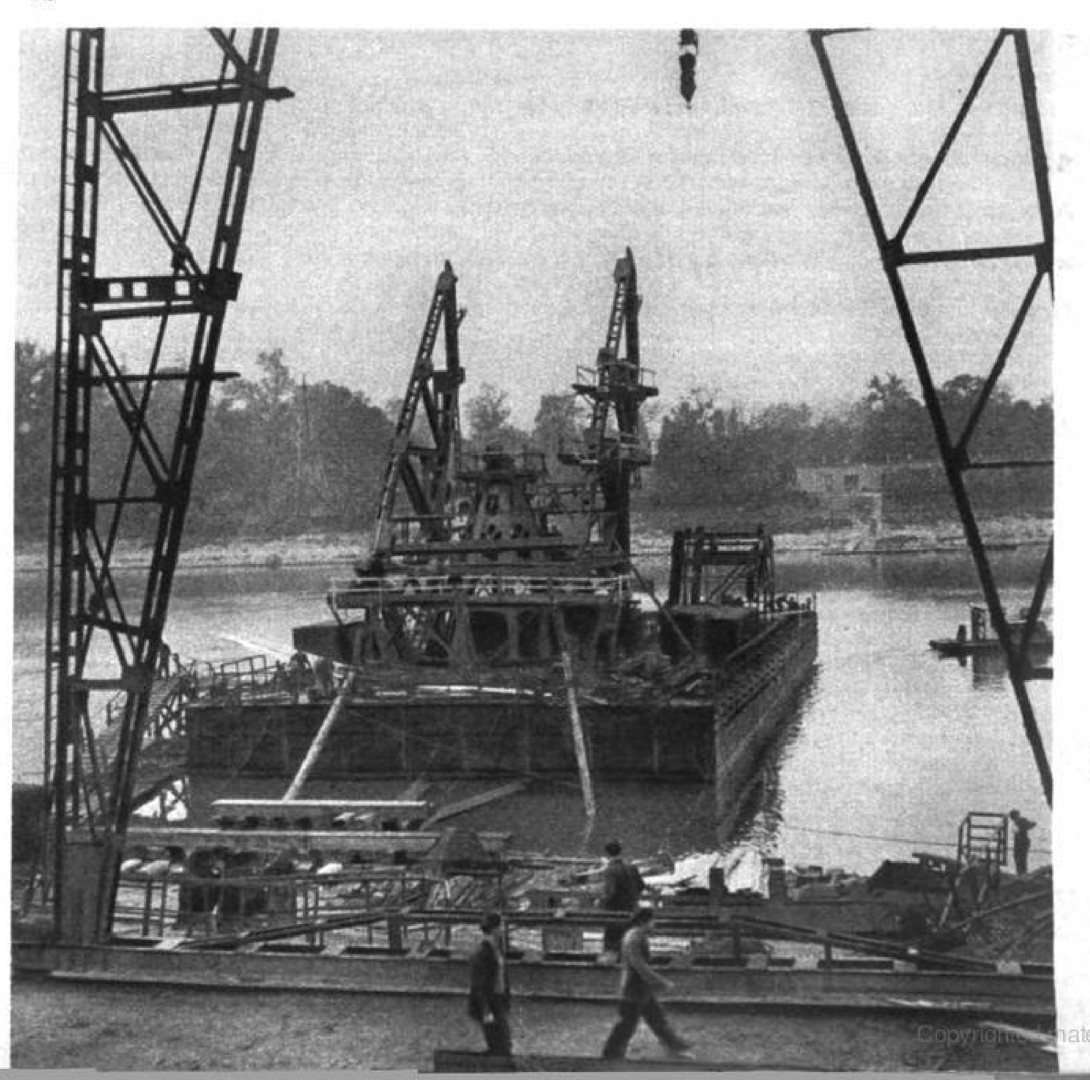
В Моравии, недалеко от Кружберка, в долине реки Моравица, чехословацкие рабочие сооружают сорокаметровую плотину. Могучая бетонная дамба задержит воды горной реки; образуется озеро, которое будет снабжать водой стальное сердце республики — новые металлургические заводы имени Клемента Готвальда в Кунчицах — и город Остраву.

Недавно каменоломщики решили в честь XIX съезда ВКП(б) сократить сроки сооружения плотины.

Новыми трудовыми обязательствами отметил XIX съезд ВКП(б) коллектив Будапештского судостроительного завода имени Георгиу-Деж. Досрочно был спущен на воду стотонный плавающий подъемный кран. Вслед за тем началось соревнование за скорейшее завершение всех работ на подъемном кране.

Н а с н и м к а х (сверху вниз): каменоломщики Моравии голосуют за новые обязательства; стахановец Ромулус (справа) бухарестского завода «Вулкан» в дни съезда выполнял ежедневно до двух норм; подъемный кран, изготовленный на заводе имени Георгиу-Деж, спущен на воду.

Николай Петрович Щеглов с одним из своих учеников.
Фото В. Байдалова

КАМЕНЩИК ИЗ КОМСОМОЛЬСКА

С. РОСЛЫЙ

От Шумилина бригадир Николай Петрович Щеглов ушел в тяжелом раздумье. Секретарь предложил такое, над чем надо было основательно поразмыслить.

На исходе рабочего дня, когда Щеглов со своей бригадой завершал кладку пятого этажа школы, к нему поднялся прораб Шматченко и сообщил, что надо срочно явиться к секретарю партийного бюро.

Николай Петрович не удивился вызову. Мало ли зачем мог вызвать секретарь партийного бюро! С тех пор как Щеглова избрали депутатом городского и краевого Советов депутатов трудящихся, ему частенько приходилось бывать на срочных совещаниях и обсуждать самые различные вопросы.

На этот раз Шумилин вел себя как-то необычно, начал беседу издалека. Сначала он расспросил о делах в бригаде, хотя знал их отлично. Потом справился об участке. И это Щеглову показалось странным. Секретарь был превосходно осведомлен, достаточно ли на стройке каменщиков, как обстоит дело с материалом. Что-то непонятно. Наконец Шумилин осведомился, сколько Щеглов подготовил квалифицированных строителей.

— Считать не пришлось,— подумав, ответил бригадир.— Пожалуй, с полста человек, не меньше.

Наступила пауза. Видно было, что Шумилин не решается прямо сказать что-то.

— Есть предложение, Николай Петрович,— секретарь встал из-за стола, прошелся по кабинету, опять сел. И снова пауза. Николай Петрович насторожился.— Предложение такое,— медленно продолжал Шумилин,— нам необходимо усилить темпы строительства города, улучшить качество работ. Такую задачу нельзя решить без квалифицированных строителей. Быстрее и лучше тебя никто не сумеет подготовить молодежь для самостоятельной работы. Не возьмешь ли ты человек пятнадцать выпускников из школы ФЗО? С управляющим трестом мы согласовали.

— Но ведь моя бригада укомплектована,— возразил Щеглов.

— В этом-то вся суть, Николай Петрович. Ты принимаешь новую бригаду...

— А куда же старую девать?

— Надо подумать. Грунин не потянет? По-моему, вполне...

Щеглов от неожиданности как-то сник, долго молчал, не находя ответа, потом тихо, с трудно скрываемой обидой спросил:

— Выходит, мне больше не доверяют?

— Вот это зря! Что ты! Наоборот! — оживился секретарь.— Мы передаем тебе замечательных ребят. Сделай из них строителей! Ты знаешь, им нужен не только учитель. Как бы тебе сказать... Понимаешь, им отец нужен, настоящий отец.

— Знаете, товарищ Шумилин, что вы мне предлагаете? Оторвать кусок сердца. Нет, не могу!

— Не можешь?

Щеглов отрицательно замотал головой.

— Да-а! — протянул Шумилин.— Ну, что ж... Говорят, мудрость нетороплива, а партийная мудрость тем более. Не спеши с ответом, Николай Петрович. Хорошенько обдумай. Я согласен ждать.

У порога бригадир задержался и еще раз ответил:

— Нет, не могу...

* * *

Такого предложения Николай Петрович никак не ожидал.

Медленно он шагал по аллее Труда, мимо Дома Советов, Дворца культуры, потом свернул на боковую улицу к Пятнадцатому кварталу. Мысли неотступно следовали за ним. Слова Шумилина все еще не укладывались в сознании. Расстаться с бригадой, на организацию которой отдано столько лет труда, энергии, изобретательности?! А главное — отдать бригаду в другие руки?! Ведь каждого человека бригады он, Николай Щеглов, поднимал со ступеньки на ступеньку к вершинам мастерства, вместе с бригадой он и сам рос!

Вот и Пятнадцатый квартал. Здесь зарождалась бригада и ее слава. Николай Петрович словно впервые увидел дома, которые сам закладывал и которые давно уже примелькались, а теперь вдруг будто бы обрели другие качества: засверкали новыми, теплыми, близкими сердцу красками.

Бригадир повернул за угол дома. Открылась широкая, светлая улица. На стене углового дома табличка: «Улица имени бригады Н. П. Щеглова».

Все здесь знакомо, все близко сердцу Николая Петровича. На строительстве того вон дома он установил рекорд — девять норм за смену. Сколько книг пришлось перевернуть! Щеглов избегал все библиотеки города, изучая передовой опыт кирпичной кладки лауреатов Сталинской премии ленинградца Андрея Куликова, сибиряка Семена Максименко и многих других выдающихся каменщиков страны.

Каждый дом рождал воспоминания. На площадке того вон дома Николай Петрович познакомился с Алексеем Груниным и уговорил его перейти в свою бригаду. А вот здесь возникла мысль сделать новую, утяжеленную кельму. Когда ее применили, производительность труда каменщиков чуть ли не наполовину увеличилась.

Чем ближе подходил Николай Петрович к своему дому, тем медленнее становился его шаг. Бригадир словно прощался с прошлым. На строительстве дома, в котором живет его семья, родилась идея заменить скороподъемник для подачи раствора краном «Пионер». Сколько времени тогда выиграли от этого простого дела строители!

Может ли он распроститься с людьми, которые стали ему дороги, как надежные и верные товарищи? Он стал перебирать имена: Василий Усачев, Екатерина Стодоля, Анна Кирик, Иван Зайцев... С ними на Пятнадцатом квартале Щеглов первым среди строителей Дальнего Востока организовал комплексную хозрасчетную бригаду.

Дома он был неразговорчив, не шутил, как обычно, с женой, не играл с дочкой-малышкой.

— Что это ты такой скучный сегодня? — спросила за обедом жена.

Николай Петрович отделался невеселой шуткой. Он никогда не открывал своих чувств и мыслей, прежде чем они не созрели окончательно. У него было такое состояние, когда решение уже возникает где-то в подсознании, но полной ясности еще не приобрело.

— Ну, я пошел, Нина,— коротко бросил Николай Петрович, встав из-за стола.

— Отдохнул бы, куда ты сразу? — забеспокоилась жена.

Она все никак не могла привыкнуть к его внезапным отлучкам, хотя и понимала, что муж покидает дом всегда ради важных дел. И сейчас она успокоилась, когда Николай Петрович сказал:

— Есть дело.

Правда, он не объяснил, куда и зачем идет, и на этот раз жена так и не узнала, чем вызвано необычное настроение Николая Петровича.

Часто, возвращаясь с работы, Щеглов проходил мимо дома, который возводили практиканты школы ФЗО, но ни разу ему не удавалось приглядеться к подросткам. Теперь он сожалел об этом.

Мастер группы практикантов Михаил Иванович Лаптев, немолодой, на вид угрюмый человек, тепло, но не без удивления встретил Щеглова.

— Чем обязан таким вниманием? — спросил он, поднимая брови так, что лоб его превратился в гармошку.

— Шел мимо, решил заглянуть,— схитрил Щеглов.— Как дела? Все с ребятами воюете?

Учащиеся с любопытством смотрели на пришедшего. Многие из будущих каменщиков узнали в нем знаменитого мастера скоростной кладки и уже не могли оторвать восхищенного взора от этого невысокого, щуплого на вид, еще молодого человека, со светлым чубом на

лбу и светлыми спокойными глазами. В кинотеатре они не раз подолгу простаивали около его портрета.

Бригадир присматривался к работе практикантов. От его зоркого глаза не могли ускользнуть их еще нерешительные движения. Он наблюдал и думал о своем, вспоминал слова секретаря партийного бюро: «Мудрость нетороплива... Подумай хорошенько».

Щеглов, еще молодой, как он сам считал, коммунист, был горячим и страстным поборником нового. Когда он смотрел, как работают практиканты, сама собой возникала мысль: а правильно ли он поступил, что отказался принять молодежь для обучения новым методам труда? Нет ли тут эгоистического стремления сохранить за собой право на спокойную жизнь?

— Что ж воевать,— услышал он запоздалый ответ Лаптева,— многие уже самостоятельно ведут кладку. Присмотритесь вон к тому пареньку,— мастер указал на высокого худощавого практиканта, с лицом задумчивым и грустным, как показалось Щеглову.— Петр Локтев. Очень серьезный мужчина, самостоятельный. Без отца рос: отец без вести пропал на фронте.

Щеглов залюбовался спокойными, ритмичными движениями юноши. «У этого уже наметился свой прием»,— подумал бригадир.

— Рядом с ним,— продолжал мастер,— его тезка, тоже Петр, фамилия другая только — Прожеев. Тоже способный, но озорник, непоседа. Больше на шалости растрачивает свою энергию.

— Суетлив,— с досадой замечает Щеглов и подходит к Прожееву.— Разреши-ка мастерок?

Прожеев протянул инструмент и взглянул на Лаптева, будто спрашивая: можно ли? Щеглов стал в привычную рабочую позу. Один за другим на «постель» ложились ровными рядами кирпичи, а Прожеев стоял рядом, смущенный и растерянный. Мастер остановил увлекшегося Щеглова:

— Николай Петрович, костюм испачкаете.

Только сейчас бригадир заметил, что на нем нерабочий костюм.

Если бы спросили Николая Петровича, когда и почему пришло к нему решение, совершенно противоположное тому, которое он принял в кабинете секретаря партийного бюро, он бы, наверно, не смог ответить. Сейчас отрицательный ответ секретарю казался уже ошибкой. «Погорячился, не сдержал самолюбие». А что сейчас делать? Коммунист обязан проверить принятое сгоряча решение, исправить ошибку, если ее понял, найти в себе силы переступить через самолюбие.

Со стройки он возвращался, уже не ощущая на душе прежней тяжести. Он решил заглянуть к своему товарищу и заместителю Алексею Грунину.

— Замечательные, чудесные ребята! — воскликнул он, входя в квартиру и улыбаясь.

— Какие ребята? — не понял Грунин.

Николай Петрович рассказал о своей беседе с Шумилиным, о своем отказе и посещении стройки, где работают практиканты из школы ФЗО.

— Готовься, дружище, принять от меня бригаду. И держись, будем соревноваться!

* * *

Полгода спустя Щеглов напомнил Грунину о своем предупреждении. Это было нынешним летом на стройке четырехэтажных жилых домов Двадцать третьего квартала. Бригада Щеглова пережила период становления. Все молодые каменщики повысили квалификацию на один разряд и перевыполняли норму.

И вот обе бригады стали соседями, начали работу на двух заложенных рядом зданиях. На одном — бригада Николая Щеглова, на втором — Алексея Грунина. Бригадиры частенько наведывались друг к другу. Грунин ревниво следил за ростом «малышей». Он хорошо помнил предупреждение Щеглова и знал, что тот не бросает слов на ветер. Теперь, когда строительные площадки находились рядышком и Грунин мог ежедневно наблюдать работу своих «соперников», у него не оставалось никаких сомнений, что Щеглов всерьез готовился к соревнованию с ним.

— Скоро дадим вам бой,— полушутя, с юным озорством сказал как-то Щеглов.

Грунин ухмыльнулся, но шутку своего учителя намотал на ус. С Петровичем шутки плохи. Возьмется за дело — не отступится.

У Грунина была одна слабость. Сам он — превосходный каменщик щегловской школы — как организатор был слабее учителя. Щеглов, с понятной всем заботливостью следивший за своей бывшей бригадой, не раз упрекал своего выученика:

— Алеша, не ослабляй вожжи. Замечаю, у тебя рассыпаются звенья. Каждый сам по себе норовит работать. Кустари-одиночки, да и только! Этак, брат, мы побьем вас без труда.

Грунин «натягивал вожжи».

Однажды он спросил у Щеглова:

— Петрович, почему это люди тебя без слов понимают, а у меня так не получается? Нет ли тут секрета какого? Присматриваюсь: недавно ты с «малышами», и, знаешь, они мне начинают нравиться. Ты вроде с ними и разговариваешь мало, мастерком больше действуешь, а ладно все получается.

— А знаешь, надо так сделать, чтоб язык мастерка они понимали,— ответил Николай Петрович.

Секрет. А существует ли вообще такой секрет, узнав который, можно безошибочно влиять на людей? Щеглов обладал каким-то особым обаянием. Он, сам того не подозревая, с первой встречи располагал к себе людей. Очевидно, в его характере была скрыта прирожденная педагогическая жилка, и в работе с молодежью она раскрылась во всем своем богатстве.

Долго в тот день беседовали бригадиры. Щеглов рассказал Грунину, как он принимал юную бригаду, как обучал. На стройке «малышей» приняли в торжественной обстановке, на самых лесах. С ними пришли директор школы Лапченко и мастер Лаптев. Выпускники были в новеньких, с иголочки, форменных костюмах. Щеглов им дал первое напутствие. Молодые каменщики ответили ему обещанием трудиться, не жалея сил. Бригадир разбил выпускников попарно, поставил на кладку и потом ежедневно в течение недели внимательно следил за каждым: кто на что способен, кому можно поручить самостоятельную работу, а кому — под руководством. Определить способности «малышей» ему удалось почти безошибочно. Например, Толе Полынскому, Саше Меньшикову и Васе Якименко вполне можно доверить кладку проемов, перемычек, а Пете Локтеву — даже несущий угол. Зато Александрова, Баранова, Карасева и Туруша еще рановато оставлять без присмотра. Они хотя и выпущены из школы наравне со всеми — по четвертому разряду, — но тягаться в умении с Локтевым, например, не могут.

Первых четырех Николай Петрович назначил звеньевыми, а под свое непосредственное руководство взял самых слабых. Первые шаги молодых каменщиков были робкими, подчас неверными. Как-то во время рабочего дня Локтев вдруг заявил, что он не желает работать в одном звене с Чечулиным. Спокойный и, пожалуй, самый дисциплинированный из ребят неожиданно взорвался.

— Почему же не хочешь? — спросил его Николай Петрович.

Локтев мялся, но причины так и не объяснил.

После работы бригадир решил обсудить поведение Локтева вместе со всей бригадой.

— Он, этот Чечулин...— начал под напором ребят объяснять Локтев,— Чечулин этот и шибко не бежит и лежмя не лежит. Шевелится, лишь бы день до вечера.

Все от души расхохотались, а потом взяли под обстрел Чечулина. Смех оказался самым сильным лекарством. Чечулин не смог ничего сказать в свое оправдание.

* * *

Третий месяц шло соревнование бригад. Силы были почти равные. Щегловцы следовали за груницами по пятам, а потом наступило время, когда они пошли рядом, плечо к плечу.

— Держись, Алеша, обгоню! — подзадоривал Щеглов Грунина.

Но обогнать бригаду Грунина не довелось. И не потому, что Щеглов не хотел или его ученики не могли. На городской партийной конференции Николая Петровича Щеглова избрали делегатом краевой партийной конференции, а вскоре комсомольчане узнали, что их земляк едет делегатом на XIX партийный съезд.

Провожать Николая Петровича в Москву пришли все молодые каменщики, Алексей Грунин, секретарь партбюро Шумилин.

— Надеюсь, ребята, не подкачаете без меня? — спросил Щеглов каменщиков своей бригады.— Побьете Грунина?

— Будьте уверены! — раздались дружные голоса.

— Ну, что ж, Алеша, вернусь — поспорим.

— Поспорим, Петрович.

Комсомольск-на-Амуре.

ЖЕНЩИНА-УЧЕНЫЙ ИЗ КОМИ

А. С. Кривощекова.

Фото Ф. Будкевича

Заседает Ученый совет факультета народов Севера Ленинградского университета имени А. А. Жданова. С защитой кандидатской диссертации выступает Антонина Семеновна Кривощекова. Тема ее диссертации — «Словарный состав и словоизменения в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка».

Для Антонины Семеновны это родной язык. Коми по национальности, она окончила Кудымкарское педагогическое училище, а затем была принята в Ленинградский университет. Война прервала учение. Студентка добровольно ушла на фронт медицинской сестрой.

Пять лет назад А. С. Кривощекова получила диплом. Она изучила удмуртский, мордовский и коми-зырянский языки, написала большую научную работу. Этот труд молодой лингвистки привлек внимание профессуры, часть его была напечатана в «Ученых записках» университета. Кривощекову оставили в аспирантуре.

Изучать и совершенствовать язык своего родного народа — вот что поставила целью своей жизни девушка из Коми. Она вернулась к себе домой. Здесь Антонина Семеновна прислушивалась к разговорной речи, вникала в каждую деталь, сопоставляла и обдумывала.

Величайшим событием в жизни ученого коми-пермяцкого народа было опубликование трудов товарища Сталина по вопросам языкознания. В свете этих трудов стало ясно значение местных диалектов. С новыми силами А. С. Кривощекова принялась за научную работу, которая и послужила темой диссертации.

Ученый совет высоко оценил исследование молодой лингвистки, признав, что она начала большое дело — изучение родного национального языка и улучшение его грамматики.

Первая женщина-ученый коми-пермяцкого народа, кандидат филологических наук А. С. Кривощекова вернулась в Кудымкар.

О. МАРКОВА

Молодые леса

С. КАНЕВСКИЙ

В 1924 году, предвидя решительное улучшение культуры земледелия в нашей стране, товарищ И. В. Сталин писал: «Колчак научил нас строить пехоту, Деникин — строить конницу, засуха учит строить сельское хозяйство. Таковы пути истории. И в этом нет ничего неестественного».

Шли годы созидания. Усилиями советского народа, руководимого коммунистической партией, наше сельское хозяйство было поднято на научно-техническую высоту, недосягаемую для капиталистических государств. По урожайности льна, хлопка, зерна, сахарной свеклы и картофеля Советский Союз занимает первое место в мире. И все же суховеи, проникающие из знойных пустынь Азии, попрежнему угрожают нашим полям.

Засуха 1946 года еще раз напомнила об этой пока не уничтоженной опасности. Коварный удар, нанесенный стихией вслед за войной, требовал быстрых ответных действий. И вот осенью 1948 года началось наступление на засуху. Был обнародован великий план преобразования природы на плацдарме в 120 миллионов гектаров.

Враги предрекали провал великого замысла. «Вашингтон стар» писало: «Все это звучит великолепно... на бумаге».

Прошло всего четыре года. И то, что красиво выглядело на бумаге, в действительности оказалось еще красивей, ярче, значительней. Советские лесоводы идут намного впереди плана. В степной и лесостепной зоне Советского Союза молодые лесные полосы заняли уже 2,6 миллиона гектаров — поднялись десятки миллиардов деревьев и кустарников.

Шесть государственных лесных полос наполовину готовы. Закладка двух государственных полос: Камышин — Сталинград, Белгород — река Дон — в основном завершена, хотя на это предположительно отводилось 15 лет.

Северный Донец воскресает

Когда едешь дорогой вдоль Северного Донца, явственно видишь, какой чудовищный ущерб причинил здесь природе человек, безрассудно уничтожив когда-то леса.

На правом крутом берегу сорван почвенный покров, и обнаженными лежат мертвые пласты. Овраги глубоко вгрызлись в тело земли. Картина разрушений особенно мрачна весною: бурные воды, низвергаясь в балки и овраги, вымывают из почвы питательные вещества, и мутные потоки уносят их в реку.

Слева, по низкому берегу, пойма на всю ширину в 3—5 километров занесена песком. Песчаные отмели и дюны сопровождают Северный Донец до самого впадения в Дон.

Только деревья могут спасти и спасут реку от непрерывного обмеления и медленной смерти. Если обсадить балки и овраги, если закрепить пески, если вытянуть вдоль берегов лесные полосы, корни сдержат разрушительный напор. Могучий заслон принудит уйти с поверхности в грунт вешние и дождевые воды. Конечно, и под землею они найдут выход в Северный Донец, но будут просачиваться медленно, прорываясь к реке родниками и ручейками, никому не причиняя вреда.

В этом, собственно, и заключается основной стратегический замысел государственной лесной полосы, которая пролегла двумя лентами по 30 метров шириной вдоль обоих берегов реки. В сочетании с защитной сетью на колхозных полях государственная полоса на Северном Донце преградит путь и суховеям. Возникнув у Белгорода, она вьется вдоль реки, то отдаляясь от берегов, то приближаясь к ним. Фактическая ее длина — 700 километров. На треть больше того, что намечалось прежде!

На трассе работают 9 лесозащитных станций. Все они справляются с делом хорошо, но лучше всех показала себя Чугуевская станция. Она и самая крупная здесь: ее участок — 200 километров.

Директор Чугуевской ЛЗС Юрий Антонович Любченко объясняет нам устройство полосы.

— Каждая сторона, — говорит он,— имеет свои особенности. На левом берегу, применительно к песку, мы сажаем преимущественно сосну. На правом, высоком,— дуб.. Эти дубки, которые недавно поднялись из лунок, растут пока медленно. Такова их биологическая особенность — затяжной рост в юности. Но, встав на ноги и окрепнув, дуб покажет, что он действительно «царь леса».

Прекрасный дубочек!.. Состояние полосы проверяют директор Чугуевской лесозащитной станции Ю. А. Любченко, лауреат Сталинской премии инженер А. М. Беляев и автор проекта полосы лесовод С. И. Федоренко (слева направо).

Юрий Антонович рассказывает нам о борьбе с вредителями — насекомыми и грызунами.

— Задача оказалась несколько проще, чем мы думали раньше,— признается он.— Прежде всего нам изрядно помогает химия. Выручают также скворцы и синички. Мы выставили на полосе в нашей зоне тысячи две скворечен. И все они, представьте, заняты скворцами. Факт весьма отрадный. Пара заботливых скворцов-супругов за «лётный» день в состоянии уничтожить 500—600 гусениц...

Зоологи пугали степных лесоводов «гнездовым консерватизмом» перелетных птиц. Известно, что скворцы, пеночки, славки — все эти перелетные лесные птицы гнездятся только там, где родились. Откуда же, спрашивается, возьмутся птицы на молодой полосе в степи? А вот взялись, хотя никакой «массовой работы» среди скворцов чугуевские лесоводы не вели. Прилетели они стаями и выгнали воробьев, которые без спроса успели занять «жилплощадь» до появления хозяев.

Бросовые земли колхозов — под лес!

Государственная полоса составляет лишь небольшую часть работы станции — всего 581 гектар. Между тем станция за короткое время существования успела облесить до 5 тысяч гектаров песков, оврагов и балок — бросовых земель в колхозах.

По подсчетам чугуевцев, в их зоне можно облесить машинами еще примерно 4 тысячи гектаров бросовых земель. Словом, работы для здешней станции хватит года на три, и — все.

— А дальше что?

— Пока не знаем,— задумался Юрий Антонович.— Ну, конечно, государство не оставит наш коллектив без дела. В стране сажают леса ежегодно в среднем по миллиону гектаров. В директивах XIX съезда по новой пятилетке записано: произвести за пять лет около пяти миллионов гектаров лесных посадок.

Персонал Чугуевской ЛЗС опытный, заслуженный. За успешную творческую разработку методов лесопосадок правительство удостоило Сталинской премии первого директора — организатора Чугуевской станции — А. И. Кочеткова, старшего инженера А. М. Беляева, звеньевую Зою Гончарову, тракториста Алексея Додивана.

* * *

В недалеком будущем на необъятных пространствах страны, у берегов каналов и рек, прудов и степных морей, на границах колхозных полей и садов вступят в действие безотказные естественные «машины климата». Гася и ломая порывистые горячие ветры, взрослые деревья будут испарять в атмосферу мельчайшую водяную пыль — миллиарды тонн влаги. К тому же астрономические количества влаги будут испаряться в воздух с поверхности искусственных водохранилищ и каналов.

Климат станет мягким и благодатным. Навсегда угаснет засуха, перед которой в ужасе трепещут сердца хлеборобов почти всего земного шара. Чарующую панораму преобразованных степей и пустынь увидят люди и того поколения, которое в молодости бесстрашно ходило в штыки против пехоты Колчака, клинками рубило деникинскую конницу.

Чугуевская лесозащитная станция.

Свершилось! Намного раньше срока закончена закладка государственной защитной лесной полосы Белгород — река Дон.

Теперь лесоводы борются за сохранение жизни каждого деревца. Тщательная обработка почвы спасает нежную лесную поросль от натиска сорных трав. Снимки сделаны на участке Чугуевской лесозащитной станции.

Полное впечатление, что мы в преддверии пустыни. А в действительности это пески в долине Северного Донца, заснятые вблизи Чугуева.

Хищническое истребление лесов, безжалостное использование почвы превратили некогда тучные земли в мертвые пески. Посадка сосен закрепит пески и постепенно вернет земле былую силу плодородия. На практике доказано: на облесенных песках можно собирать обильные урожаи фруктов, овощей, пшеницы и других ценных культур не меньше, чем на черноземе.

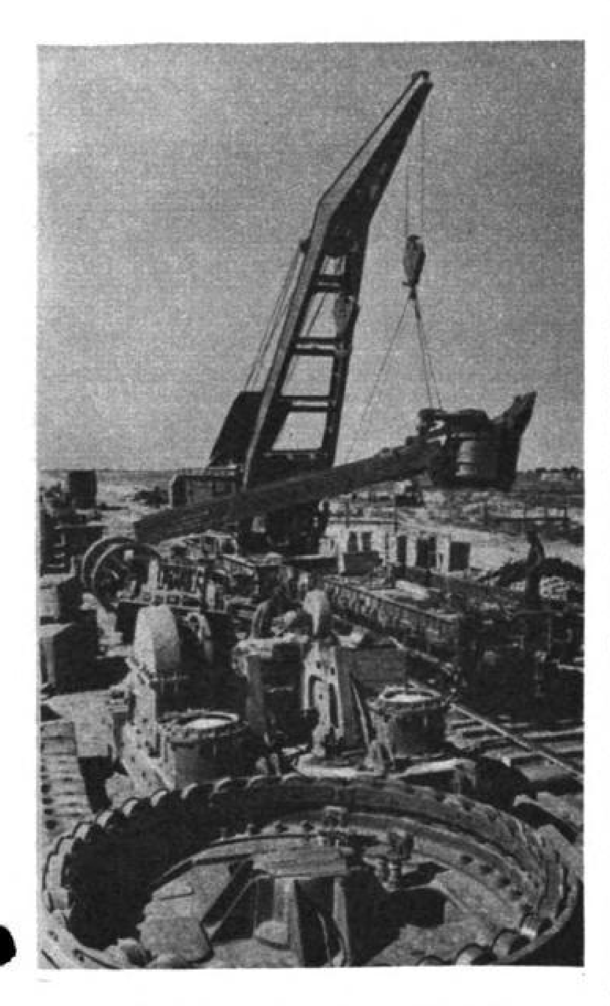
Мало того! Посадки сосны помогут бороться и против обмеления реки, куда бурные потоки вешних вод смывают огромные количества песка. Лес, схватив своими цепкими корнями песок, удержит его на месте.

Пройдет еще несколько лет, и лесные полосы, которые сегодня вьются живописными лентами вблизи берегов Северного Донца, окрепнут и встанут надежной защитой земли от суховеев и реки от обмеления. На 700 километров от Белгорода, пересекая поля Харьковщины и Донецкую степь, до самого Дона протянется эта зеленая защита изобилия.

Из 9 лесозащитных станций, работающих над созданием государственной лесной полосы Белгород — река Дон, особенно выделяется Чугуевская ЛЗС. На снимке: комсомолец-тракторист этой станции Иван Донской. В 1952 году он уже выработал три нормы.

Фото В. Евграфова

СЕГОДНЯ НА АМУ-ДАРЬЕ

Мыс Тахиа-Таш — исходный пункт наступления на пустыню. Отсюда строители, вооруженные могучей советской техникой, начали движение вглубь песков. Все больше техники направляется на строительную площадку гидроузла. **На верхнем снимке:** разгрузка прибывшего в Тахиа-Таш эшелона с оборудованием. Железнодорожный кран снимает с платформы стрелу и ковш экскаватора.

Два года назад здесь гуляли лишь ветры да среди кустиков полыни бродили дрофы. Сейчас на равнине вырос город. Первые кварталы улицы пересекли песчаный пустырь на берегу Аму-Дарьи. В Тахиа-Таше много жителей. В этом году строители получили подарок — новый летний кинотеатр на 500 мест (**снимок внизу**).

Фото А. Устинова

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Встреча В. И. Ленина и И. В. Сталина по возвращении В. И. Ленина в Петроград. 8 (21) октября 1917 года.

Рисунок П. Васильева

В Советах Петрограда и Москвы прочно укрепились большевики. Они завоевали большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов почти всех крупных индустриальных центров: Харькова, Киева, Минска, Екатеринбурга, Ростова, Самары, Царицына...

Революция сделала еще шаг вперед на пути к победе. Меньшевики и эсеры попрежнему призывали народ «претерпеть» до созыва Учредительного собрания. Однако рабочие, крестьяне и солдаты терпеть больше не хотели. Широкой рекой разливалось в стране крестьянское восстание.

Наряду со все возрастающим подъемом революционных сил активизировалась и контрреволюция. В. И. Ленин в обращении «К рабочим, крестьянам и солдатам», написанном им в октябре 1917 года, указывал, что «Керенский ведет опять переговоры с корниловскими генералами и офицерами, чтобы **вести войска против Советов** рабочих и солдатских депутатов, **чтобы не дать власти** Советам!»

Большевики вели решительную борьбу с врагами революции, с корниловщиной, объединяя и сплачивая трудящиеся массы вокруг партии.

По всей стране гремел лозунг «Вся власть Советам!»

20 (7) октября В. И. Ленин по решению Центрального Комитета партии нелегально переехал из Выборга в Петроград. На следующий день он встретился с товарищем Сталиным и в течение нескольких часов обсуждал с ним план восстания.

В написанных в этот день «Советах постороннего» В. И. Ленин подчеркивал, что теперь необходимость перехода власти к Советам не вызывает сомнений. Сейчас надо особо обратить внимание на то, что еще не всем ясно, а именно: переход власти к Советам теперь на практике означает вооруженное восстание, при этом бесспорно, что новой, революционной власти обеспечена поддержка всех трудящихся.

Ссылаясь на Маркса, который указывал, что «восстание, как и война, есть искусство», В. И. Ленин перечисляет основные и главные условия успеха восстания:

«1) Никогда **не играть** с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо **идти до конца**.

2) Необходимо собрать **большой перевес сил** в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей **решительностью** и непременно, безусловно переходить **в наступление**. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться **ежедневно** хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «**моральный перевес**».

Применяя эти правила к России и к Октябрю 1917 года, В. И. Ленин разработал общий план вооруженного восстания.

23(10) октября состоялось историческое заседание Центрального Комитета партии большевиков, на котором было принято решение — в ближайшие дни начать вооруженное восстание.

Выступивший с докладом на заседании ЦК Владимир Ильич Ленин указал: международная обстановка и положение внутри страны таковы, что вынуждают партию к решительным действиям.

Политически дело совершенно созрело для перехода власти в руки Советов. Большинство народа поддерживает большевистскую партию, будет бороться за власть Советов.

Политическая обстановка в стране сложилась теперь таким образом, что надо говорить лишь о технической стороне восстания.

Центральный Комитет партии по докладу В. И. Ленина принял резолюцию, в которой признает, что вооруженное восстание вполне назрело.

Всем организациям партии Центральный Комитет дал директиву в своей деятельности исходить из неизбежности восстания и руководиться этим при разрешении всех очередных практических вопросов.

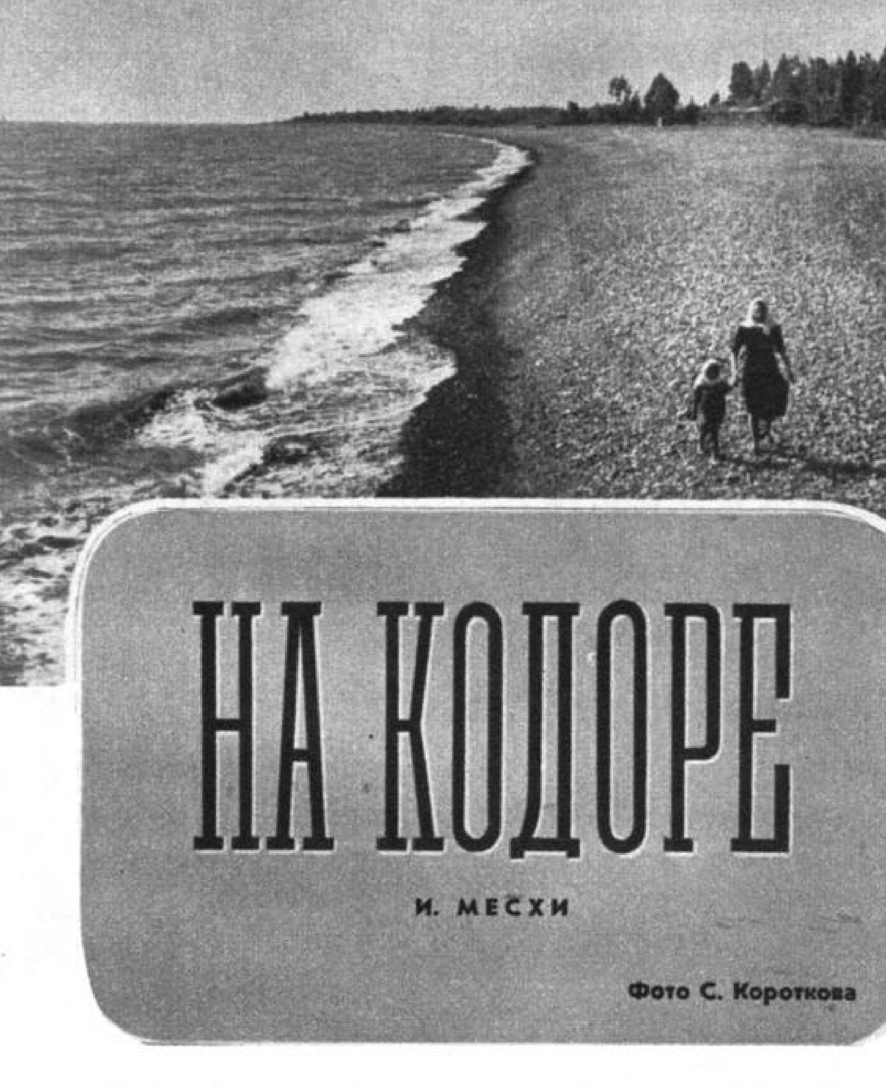
Ленин «видел своим ясновидящим взором,— писал впоследствии товарищ Сталин,— что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистической войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всем мире».

24 (11) октября открылся съезд Советов Северной области, который превратился в генеральный смотр революционных сил.

Съезд Советов, проходивший под руководством партии большевиков, признал, что в результате хозяйничания коалиционного правительства, возглавляемого Керенским, страна дезорганизована, обескровлена и истерзана, что терпение народных масс истощилось. Съезд заявил, что только единодушным и решительным выступлением всех Советов можно спасти страну и революцию от гибели и решить коренным образом вопрос о создании центральной власти. Время для этого наступило.

Съезд предложил всем местным Советам создать по примеру Петрограда военно-революционные комитеты.

Вслед за съездом Советов Северной области стали проводиться съезды Советов и в других областях. Все они проходили под руководством партии большевиков, под знаком готовности к борьбе за власть Советов.

Шестьдесят лет назад тут проходил Алексей Максимович Горький. Места эти описаны в рассказе «Рождение человека». На снимке: ученики Кодорской начальной школы на экскурсии.

НА КОДОРЕ

И. МЕСХИ

Фото С. Короткова

Миновав село, которое и не приметишь сразу — так хитро оно укрылось за густыми деревьями,— мы вышли на тропу, в орешник.

Жарко. Наш спутник Александр Петрович Григолая поминутно вытирает со лба крупные капли пота. Это старый учитель из Варчэ, села, которое мы только что проходили. В райкоме партии его отрекомендовали как знатока горьковских мест на Кодоре. Он водит по этим местам своих ребят, сельских учеников.

И нам нужно на Кодор. С нами томик Горького, и в нем рассказ «Рождение человека».

«Это было в 92-м, голодном году, между Сухумом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря...»

Так начинается рассказ. А дальше Горький пишет, как он шел по этим местам, что видел, о чем думал, как остановил его стон родящей женщины и как стал он акушером.

Тропа кончилась. Ноги увязают в раскаленном песке. Справа море, слева река.

— Здесь,— говорит Александр Петрович.— Думаю, что это было здесь. Читайте: «Дорогу тянет к морю, она, извиваясь, подползает ближе к песчаной полосе, куда вбегают волны...»

Мы садимся над рекой и читаем весь рассказ, от начала до конца.

Разговорившись, Александр Петрович показывает, где раньше проходила дорога, что сейчас в этих местах — какие села, фабрики, заводы, больницы, школы. Как и подобает учителю начальной школы, он говорит громко, внятно. Может быть, кажется ему, что это не ромашки качаются на песчаном берегу Кодора, а его детвора собралась вокруг, слушает, любопытно вытягивает шеи, вертится, глядя по сторонам.

Ромашки похожи друг на друга, а приглядишься — каждый цветок разный. Так и дети. Будто сродни характером, а на самом деле очень различны. Александр Петрович подсчитал как-то: у него в школе за партами сидели дети тринадцати национальностей. Дети грузин и абхазцев — коренных жителей этих мест; сыновья и дочери родителей, поселившихся здесь в давние времена: армян, теснимых турками, эстонцев, прошагавших от Балтики до Черного моря в поисках угожей землицы, и даже потомки негра, завезенного сюда для забавы некиим князьком. Разные, все они сейчас вместе, потому что посчастливилось им родиться в такое время, о котором здесь, на Кодоре, так страстно, так жгуче мечтал Горький, принимая в свои руки только что появившегося на свет человека.

От воды веет прохладой. Река, наработавшись где-то там, наверху, идет к морю, как в свой родной дом, спокойно, неторопливо. Пожалуй, можно сейчас нам позавидовать. Разве каждому выпадает такое: сидеть на тех самых камнях между морем и рекой, где сидел великий человеколюбец, и смотреть, как «белая стружка, шурша, бежит на берег, гонимая ветром, влажным, теплым и пахучим, как дыхание здоровой женщины»! Он ходил тогда по земле и радовался, что она так хороша, страдал от того, что солнце напрасно трудится и люди не умеют получать его дары, учил людей понимать, что они люди.

* * *

У него очень здоровый цвет лица. Он так плотно сбит, будто вытесан из одного круглого речного валуна. Вызвавшись показать нам Кодор, он прежде всего повел нас на лесокомбинат. Скоро мы поняли, почему его так привлекало это место. Наш новый знакомый — директор комбината Шалва Иосифович Кавтарадзе. Правда, его здесь никто так не зовет. По старому обычаю народа — оставлять за человеком до седых волос кличку юности — называют Шалву Иосифовича просто Бондо.

Бондо — «хозяин Кодора». Он вырос на этой реке, рубил и сплавлял лес, строил завод, а потом электростанцию. Знают его на Кодоре все, и он каждого знает в лицо. Когда нужен лес, бегут к Бондо; если стул сломался, ругают Бондо...

Бондо едет в верховья Кодора на старом, видавшем виды «газике». Позади бессонная ночь: вызывали в Сухуми, а до этого заседал в райкоме. У здорового человека, когда он устал, сон крепкий. Бондо спит сидя. Глаза закрыты. Но вот появился кто-то на дороге, и Бондо чуть ли не весь высовывается из машины, энергично приветствует и кричит что-то веселое и деловое.

А дорога прелесть как хороша! С высоких уступов свисают, как кисти праздничной скатерти, темнозеленые лианы. В ложбинах — деревни. Впереди и сзади толпятся горы. В одном месте землю разорвало так сильно, будто какие-то великаны приподняли, как крышку рояля, огромный пласт, чтобы послушать музыку недр, и, зачарованные, застыли сами. А люди, недолго думая, забрались наверх и распахали покатое поле. Не пропадать же такому куску земли, когда ее тут не так уж много — все леса и леса!

Село Ажара стоит в лесу. Это самый высокогорный на Кодоре сельсовет. Здесь живут сваны, переселившиеся из Верхней Сванетии незадолго до Октябрьской революции. Маленькие деревни вокруг. Среди них знакомое нам по повести Георгия Гулиа селение Сакен. Его не видно за густой чащей. В каждой деревне, как она ни мала, даже в десять — двенадцать дворов, есть своя школа. В Ажарском сельсовете тринадцать школ.

Гостеприимные сваны угощают нас чудесной форелью, и потом мы идем смотреть, как по канатной дороге через бурную реку переплавляют массивные стволы бука. Бук тяжелый, сплавлять его нельзя, и буковую древесину возят на машинах.

← Тяжелые бревна переправляются через Кодор по канату.

Главную заботу о лесе все же берет на себя Кодор. Вот он, красавец! Вода прозрачная, голубая, холодная. А вокруг много горячего, доброго солнца. По Кодору идет сплав. Загорелые, сильные люди, стоя по пояс в воде, толкают огромные бревна. Это бригада мастера сплава Владимира Адамия — человека малого ростом, но жилистого и цепкого, как корни самшита. Двадцать лет, с тех пор, как построили внизу комбинат, гоняет он по реке лес. Старая пихта с каштаном уходят вниз нехотя, цепляясь за островки и мели, задерживаясь подле разливов на берегах. Адамия со своими молодцами провожает их до самого комбината. Там из них сделают столы и стулья, шкафы и шифоньеры, настелют полы в домах у переселенцев, покроют пихтовой дранкой колхозные сараи для сушки табака. И еще сколотят из них ульи, и пихта снова попадет наверх.

Вдоль дороги в верховьях выстроились друг за дружкой десятки колхозных пасек. Пчелы собирают в ульи мед, тот самый, который раньше они брали из цветов азалии и прятали от человека в дуплах старых буков и лип. То был пьяный мед. Теперь они берут взяток у цветов каштанов и лип. Мед получается темный и очень ароматный.

А цветы азалии спускают с гор к морю, и на Бабушарском эфиро-масличном заводе гонят из них масло. Мы были на этом заводе. Он стоит у моря, недалеко от Кодора. Сезон здесь еще не начался, но от пустых перегонных кубов исходил острый, пряный запах герани, базилика, эвкалипта, лавра, запах, сохранившийся еще с прошлого года. Все пропитано этим запахом: аппаратура, стены и даже люди. Эфирные масла, которые делают здесь, идут в парфюмерию и на лечебные цели. Для того, чтобы получить флакончик масла, нужно переработать огромное количество зеленой массы. Целая трехтонка, груженная геранью, входит в ворота, а из ворот вместо этой громады потом вывозится трехлитровая бутыль с душистыми соками кодорской земли.

Есть на Кодоре цветы для меда, есть для масла, есть, наконец, просто для радости. У самого устья, почти в русле, примостилось цветочное хозяйство ленинградцев. Попасть в него можно лишь по шаткому висячему мосту, перекинутому через рукав Кодора. Здесь растут гиацинты, тюльпаны, лилии, нарциссы, гладиолусы. Отсюда их отправляют в Ленинград: сначала, по весне, срезки, а позже, к осени, луковицы. И цветут кодорские гиацинты в холодном, зимнем Ленинграде, отдавая людям то, что они успели забрать от солнца на морском берегу.

Нет, не напрасно сейчас трудится солнце для человека!

...На Кодоре, недалеко от моря, расположен колхоз имени Берия. Это — большое хозяйство, известное во всей округе славными делами табаководов, чаеводов и особенно своими плодовыми питомниками, в которых выращиваются десятки сортов всевозможных деревьев. Когда-то, лет семьдесят — восемьдесят тому назад, здесь поселились люди, пришедшие издалека. Сами рубили чащу, воевали с лесным зверьем, гибли от лихорадки.

А недавно, три года тому назад, в этом селе появилась новая улица, на которой выстроились в ряд новые дома. Их приготовили для тех, кто должен переселиться сюда. И люди переселились, потому что на Кодоре стало не хватать людей: много дел, большой размах, широкие планы.

И есть в этом колхозе родильный дом. Он создан на средства колхозников и назван: «Кодорский колхозный родильный дом имени Алексея Максимовича Горького».

Подобных домов в нашей стране многие тысячи. Но оттого, что стоит он в тех местах, где Горький столько доброго пожелал человеку, все в нем приятно и полно особого смысла. И эти аккуратно заправленные койки, и маленькая лаборатория, и стены, сверкающие голубой краской... Наверно, очень славно начинать свою жизнь в таком чистом, светлом доме, где люди уже с первого часа твоего появления на свет заботятся о тебе, хотят, чтоб ты вырос здоровым, полезным человеком.

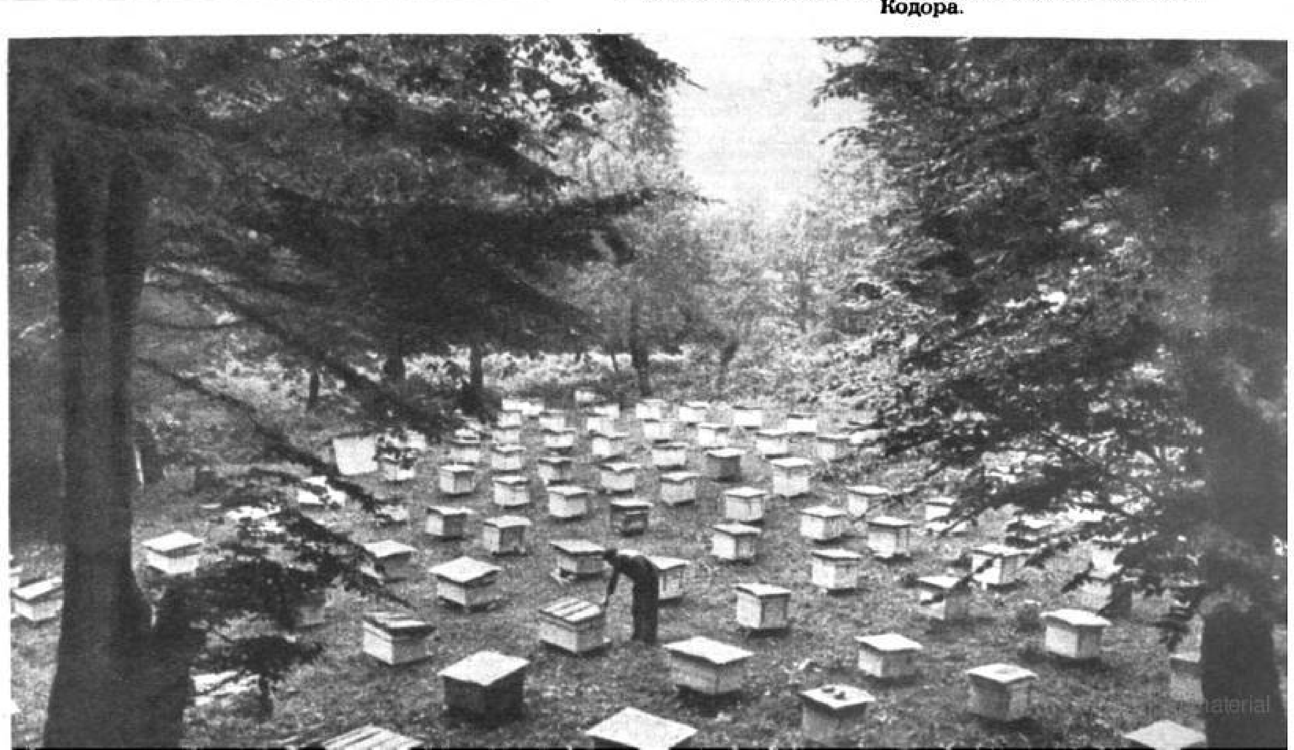
Здесь рождаются маленькие кодорцы. И то, что не смогли еще сделать их родители, будет сделано новыми жителями страны Советской.

Хорошо было сказано когда-то высоким путником, посетившим эти места:

— Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного...

Широко раскинулось селение Ахалдаба. Сейчас на этих землях растут субтропические культуры, табак, чай, плодовые сады.

В годы войны у двухлетнего мальчика Гени Никитина родители погибли в Ленинграде. Геню усыновила семья колхозника Дадина Киута. Сегодня в семье праздник: Гене исполнилось 12 лет.

Много колхозных пасек расположено в долине Кодора.

ПЕКИН 1 ОКТЯБРЯ

1 октября весь китайский народ торжественно отпраздновал третью годовщину со дня образования Китайской Народной Республики. По площади Тяньаньмынь в Пекине в этот день прошли сотни тысяч трудящихся. Они рапортовали руководителям партии и правительства о своих трудовых достижениях, демонстрировали непреклонную волю к миру.

На снимке: на трибуне площади Тяньаньмынь. Слева направо: премьер Государственного административного совета Чжоу Энь-лай, премьер-министр Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбал, председатель Центрального народного правительства Мао Цзэ-дун, главнокомандующий Народно-освободительной армией генерал Чжу Дэ, заместитель председателя Центрального народного правительства Сун Цзин-лин, заместитель председателя Центрального народного правительства Ли Цзи-шень.

Слева: пекинские рабочие пришли на площадь, чтобы рапортовать любимому вождю Мао Цзэ-дуну о выполнении своих патриотических обязательств ко дню великого праздника.

Дети нового Китая несут голубей мира.

←

Военный парад. Перед трибунами проносятся мотоциклисты.

АРТЕМ ГАРМАШ

Глава из романа

Андрей ГОЛОВКО

Рисунки О. Верейского

События, изображаемые в романе Андрея Головко «Артем Гармаш», развертываются на Украине месяц спустя после Великой Октябрьской революции, когда буржуазно-националистическая Рада всеми силами стремилась подавить Советы. Под Славгородом, небольшим промышленным городком, гайдамаки разоружают саперный батальон и арестовывают председателя батальонного комитета, депутата Совета солдатских депутатов большевика Кузнецова. Попытка большевиков добиться решения об освобождении Кузнецова на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов проваливается эсерами. Славгородская большевистская организация решает отбить у гайдамаков оружие, сложенное в казармах. Инициатор этого дела молодой большевик Артем Гармаш создает боевую группу из местных рабочих.

Посидев немного с матерью и наскоро перекусив — ведь с самого утра и крошки во рту не было,— Артем ушел из дому.

Первым делом Артем направился на заседание Совета. Он хоть и так был уверен, что ничего это заседание не даст, но все же решил убедиться в этом воочию. Тем более, что нет нужды сидеть там до самого конца: по началу можно будет и о конце судить. Но уже в вестибюле городской думы, где шло заседание, из разговоров в курилке он случайно узнал об аресте Кузнецова. Чтобы не попасться и самому в ловушку, Артем немедленно же убрался оттуда и, не теряя больше времени, зашагал по Троицкой улице прямо в глухой Калюжный переулок, где в маленьком домике у одного из товарищей был назначен сбор боевой группы.

Никого из ребят еще не было. Сам хозяин, Гаврюша Костюк, только-только с дежурства возле казармы, продрогший насквозь, сидел у печки, прихлебывал чай из кружечки.

— Прогреваю себя,— пошутил он,— со всех сторон: и снаружи и изнутри.

Гаврюшина сестра Поля предложила и Артему чаю. Но он отказался: его, дескать, пока еще кровь греет, да и некогда. Полю Артем хорошо знал: она часто бывала у Тани Бондаренко, с которой вместе работала на табачной фабрике,— поэтому не очень таился от нее. Тут же при ней рассказал Гаврюше, что надумал на целый час раньше начать «тактические занятия». Так что пускай он поскорее допивает свой чай, отогревается, да и бегом к Валдису — предупредить его об этом. А сам Артем к Рябошапке смотается. Гаврюша вполне согласился с Артемом: конечно, пропустить такую погодку было бы непростительной глупостью. Правда, гайдамаки тоже «сделали поправку» на темень и непогоду — вместо одного часового сейчас спаренный караул стоит у ворот. Значит, придется теперь и нам удвоить число бойцов, выделенных против этих часовых. Артем уже по гаврюшиным глазам видел, к чему тот ведет. Однако и на этот раз вынужден был отказать ему. На такое дело, брат, надобно людей покрепче. Да и потом, где еще отыщешь другие такие золотые руки для подвальных замков? (Лучшего слесаря, чем Гаврюша, во всей боевой группе не было.) Напомнил ему, чтобы не забыл захватить свои инструменты. На что Гаврюша, огорченный, но вместе с тем утешенный высокой оценкой его мастерства, отвечал с усмешкой:

— На чорта мне эти причиндалы! Самый мудреный замок я пальцем отомкну. Недаром же по материнской линии я родом из тех самых туляков, из которых и Левша был, что английскую. стальную блоху подковал.

— Смотри мне, смотри! — в тон ему остерег Артем.— Подведи только нас! Я тебя тогда подкую — на все четыре...

Докурив цыгарку, он собрался уже было идти, как вдруг на пороге вырос старый Костюк. Возвращался он с работы, а на вокзале артиллеристы из проходящего эшелона схватились с гайдамаками. То ли жандарма, то ли городового опознал кто-то среди полубатьковцев. С этого и началось. Такую там бучу подняли — дым коромыслом! Затащили к себе в вагон: «Поедет с нами на фронт».

— Ну, и чем же кончилось? — спросил Артем.

— Не дождался конца,— ответил старик.— А чем оно может кончиться? Ничем. Они и сами не доедут ни до какого фронта. Какой теперь фронт, раз Ленин мир объявил? Дураков нет!

Но Артема занимало не то, доедут или не доедут они до фронта. Его занимало другое: эшелон тот сейчас на станции или уже ушел?

— А как же он уйдет, когда ни одного паровоза исправного нет в депо? А ихний пока еще почистят... Хорошо, если заполночь...

Этого только Артему и надо было. Изменив Гаврюше задание: к Валдису пусть Поля сходит, а он, Гаврюша, к Рябошапке,— Артем, не теряя ни минуты, простился с Костюками и через каких-нибудь четверть часа был уже на вокзале.

Через главный вход он не решился войти. Обошел стороной и через калитку за багажным складом выбрался на перрон.

Метель — света не видно! Пусто на перроне. Гайдамацкий эшелон стоял на том же месте — на первом пути,— где и утром стоял, когда Артем прибыл из Харькова. Из-за него смутно выплывали из вьюжной карусели товарные вагоны второго состава. По искрам из дымоходных труб над вагонами Артем догадался, что это, должно быть, и есть тот самый артиллерийский эшелон. Приготовился уже было нырнуть под вагон, но тут в нескольких шагах от себя разглядел группу солдат, поодиночке выползавших из-под вагона на эту сторону, к перрону. Не иначе как из того эшелона. Вместе с ними, ничем не выделяясь, в такой же потрепанной шинели, в старой шапке, прошел на вокзал и он.

Шумно на вокзале. Но того «дыма коромыслом», о котором говорил Костюк, уже не было. Вражда между артиллеристами и гайдамаками — это видно было по всему — не унялась, а только притаилась. И открывалась она Артему на каждом шагу: в презрительно-вызывающем поведении артиллеристов по отношению к гайдамакам, в ответной петушиной заносчивости и подавленной ненависти гайдамаков. Хоть и не было между ними особенного раз-

личия в форме, их, однако, никак нельзя было смешать. Артиллеристы — в старых потрепанных шинелях, в стоптанных башмаках с обмотками. А гайдамаки — все, как один, в новеньких, только со склада, шинелях, в добротных сапогах, многие даже в хромовых. Да и обличьем несхожи: красномордые, видно, на добрых харчах.

Особенно бросались в глаза молодчики, под шинелями которых так и угадывалась если не студенческая куртка, так блуза гимназиста-старшеклассника. Эти с особенным рвением выполняли приказ по куреню: не вступать ни в какие отношения с «анархически настроенной солдатней». И не только по приказу, но и осторожности ради: повидали уж, на что способна эта «солдатня». Потому-то и держались поодаль группами, никак не отвечая на вызывающие остроты и насмешки артиллеристов. С подчеркнутым чувством превосходства разговаривали только между собой, щегольски отчеканивая украинские фразы, густо пересыпанные иностранными словами. Это, конечно, давало артиллеристам повод для новых насмешек, а то и для брани:

— Ишь ты, как отщелкивает! Не иначе — гимназию прошел.

— А ты думал, в пастухах этак напрактиковался?.. А деньгами, деньгами-то швыряются...

И правда, желая, должно быть, утвердить и здесь свое превосходство, гайдамаки из «маменькиных сынков» сгрудились у буфета и, шелестя неразрезанными листами керенок, брали подряд, что попало.

Артиллеристам буфет был не по карману. Они толпились у стойки с громадным, как паровик, самоваром. Не то, чтобы у себя в теплушке у них не было этого добра, но одно дело — чай из котелка и совсем другое — из самовара. Да еще за столиком, да еще застланным, пусть и грязной, а все-таки скатерткой. Убогая иллюзия почти забытого за годы войны домашнего уюта.

Артем взял и себе стакан чая, чтобы не выделяться. Отошел от стойки на несколько шагов и остановился у столика, за которым сидела группа артиллеристов; среди них прапорщик в очках и солдат-грузин с орлиным профилем. Еще в очереди к самовару Артем узнал, что первый — это командир дивизиона, а второй — председатель дивизионного комитета. Вот их-то ему и надо. Прихлебывая чай, Артем выжидал подходящей минуты, чтобы обратиться к ним.

Что-то, видно, интересное рассказывал прапорщик. Все за столиком внимательно слушали его. Только один сосредоточенно и явно через силу допивал свой стакан.

— Девять! — сказал он, поставив на блюдце пустую посудину, и, вытерев рукавом шинели лицо, обратился к грузину: — Что, кацо, еще пить или будет?

— Лопнешь! — лаконично ответил ему грузин, не поворачивая головы.

— Да. Хватит! — подумав, согласился солдат. И вдруг увидел: в двух шагах от него стоит другой солдат со стаканом чая в руках. Очень не хотелось подниматься, но солдатская солидарность в конце концов победила: — Что ж ты, браток, стоя чаевничаешь? Садись!

Артем поблагодарил и сел на освободившийся стул. За столиком сразу замолчали. Вдруг грузин, внимательно приглядевшись к нему, спросил:

— А ты, товарищ, с какой батареи?

— Я не из вашего эшелона,— ответил Артем.

— То-то я и смотрю,— незнакомое лицо. А из какой части?

— Да я сейчас и сам не знаю. С прошлой ночи я, так сказать, солдат-сирота.

— Как сирота? — удивился грузин.

И все за столиком с любопытством глянули на незнакомого солдата.

— Один, сам по себе остался,— объяснил Артем и принялся рассказывать о разоружении гайдамаками минувшей ночью саперного батальона, мытарствах саперов на станции Ромодан, об аресте Кузнецова.

— Председатель батальонного комитета. Ну да, большевик! На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов должен был выступать. И сам он депутат Совета. А его на пороге и схватили. Чтобы рот заткнуть.

Рассказ Артема возмутил артиллеристов.

— На вас вся надежда, товарищи! Для этого-то я и пришел сюда к вам. Непременно нужно освободить! И немедленно.

— Ну, так за чем же дело стало?! — первым откликнулся усатый солдат, полтавец, судя по выговору.— Надо так надо!

— Я тоже считаю, товарищ Смирнов, что необходимо вмешаться,— сказал грузин.

— Расплатись, Петренко, за чай,— кивнул прапорщик, которого звали Смирновым, усатому солдату и, не говоря больше ни слова, встал из-за стола.

Сидевшие за столиком, как по команде, поднялись следом. Заметив это, покинули свои столики и остальные артиллеристы. Все столпились вокруг командира. И все уже знали, в чем дело. С интересом поглядывали на незнакомого солдата-сапера.

— Вы, товарищ, тоже пойдете с нами? — обратился к нему командир дивизиона.

— Если можно, с охотой,— сказал Артем и уже двинулся было вслед за прапорщиком и грузином.

Но тут кто-то дернул его за шинель, и не успел он опомниться, как сильные руки уже сжимали его. От неожиданности Артем даже оторопел. Повернув голову, увидел бородатое лицо артиллериста. И вдруг обрадованно выдохнул всей грудью:

— Остап? Ты это или не ты?

Одно мгновение вглядывался в родное лицо, сильно измененное бородой, в карие, как у матери, глаза, которые светились сейчас радостью встречи. Потом рванул за плечи, и оба замерли в крепких братских объятьях.

— Ну скажи, пожалуйста! Так встретиться негаданно! — с радостным изумлением говорил Остап, расправляя смятую широкую бороду и не сводя с брата любовного взгляда.— А ты это куда путь держишь?

— Никуда. Я здесь, в Славгороде,— ответил Артем.— Сейчас и мать тут.

— Мать?! Да что ты!

— У дяди Федора. И раз у вас задержка с паровозом...

— Ну беспременно ж! Хоть на полчаса забегу.

— Солдат-сирота! Сапер! — громыхнул на весь зал басовитый голос с порога.

Артем направился к выходу. Остап шел рядом, крепко держа брата за руку, чтобы в толкотне не разъединили их, и жадно расспрашивал:

— Ну, а дома как? Все ли ладно?

— Мотря лежит в сыпняке.

— Ой, беда! — горестно вскрикнул Остап.— А дети?

Командира дивизиона и грузина, окруженных артиллеристами, Артем догнал уже на перроне.

У штабного вагона был выставлен усиленный караул. А сейчас, при виде толпы солдат, двигавшейся от вокзала к вагону, еще несколько гайдамаков присоединилось к страже. Загородили вход в вагон. Старший из них крикнул: «Стой!» — и все ощетинились штыками.

— Мы к командиру куреня,— обратился Смирнов к старшему караульному.

— У атамана совещание. Приказано никого не пускать.

— Совещание? С кем? Со шлюхами? — крикнул кто-то из солдат, стоявших у неплотно прикрытого шторой окна и заглядывавших в вагон.— Одна, две...

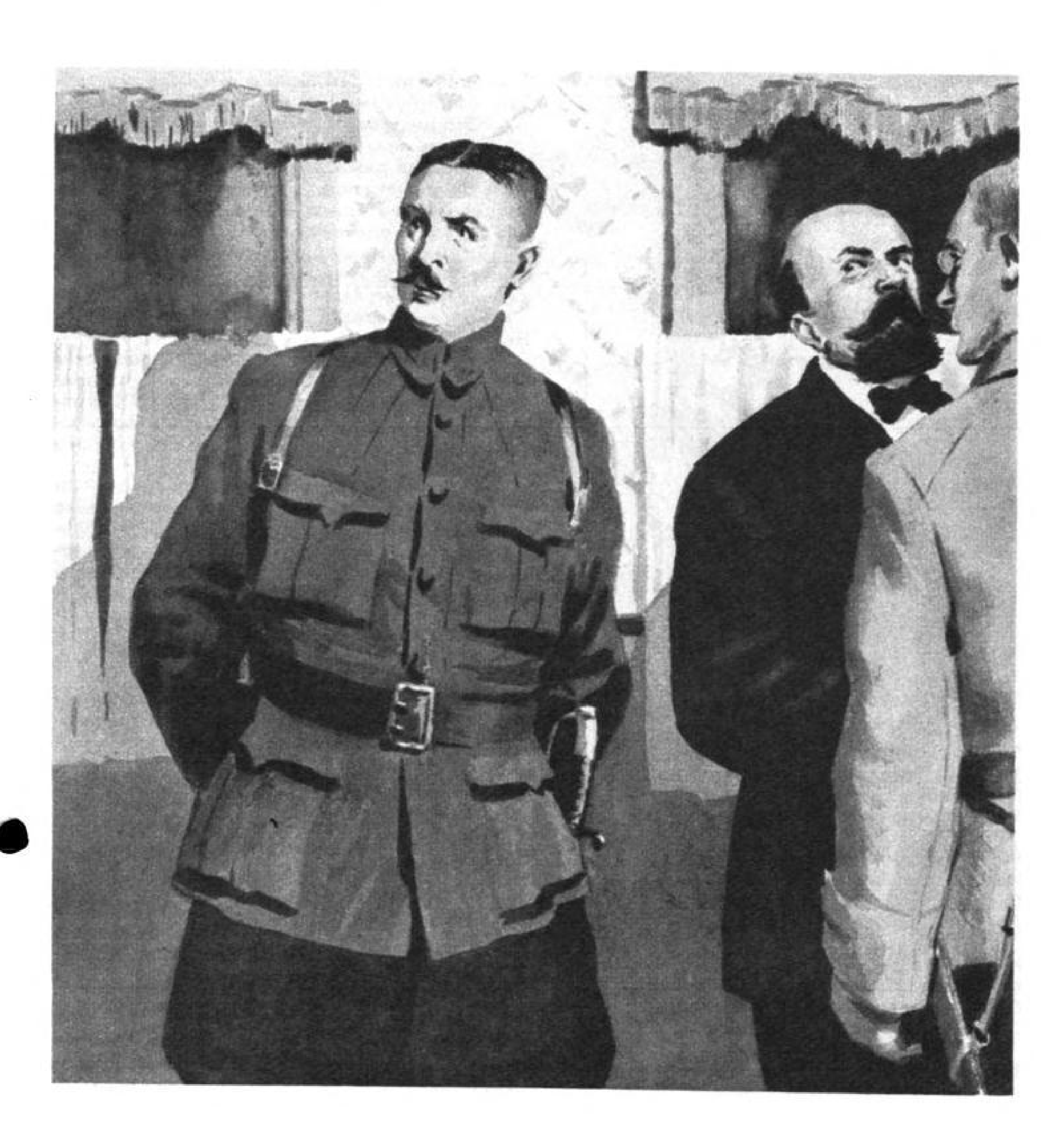
— Да, так воевать можно! До победного конца. Тыловые крысы!

— Эх! Дать раз прямой наводкой...

— Гляди, гляди: ручку целует.

Затюкали, забарабанили кулаками и прикладами в стенку вагона.

На этот шум выбежал из вагона адъютант.

Злющий. Но как только распознал в толпе грузина и командира дивизиона, с которыми уже имел дело час тому назад, сразу остыл и вежливо спросил, в чем дело.

— Хорошо, я доложу атаману.

— Зачем? — спокойно возразил грузин. — Мы люди простые, можем и без церемоний.— С этими словами он рукой отвел штык часового, дал пройти в вагон командиру дивизиона, потом солдату-саперу, а за ними и сам поднялся по ступенькам в тамбур.

В салон-вагоне было пять офицеров куреня и двое штатских. Один даже в смокинге. Две дамы, сильно декольтированные, при появлении посторонних выпорхнули из салона в купе. Мужчины тоже поднялись с мест. А сам атаман, ротмистр Щупак, мягко ступая по ковру, рассыпая малиновый звон шпор, остановился посреди салона.

— Чему обязан?

— Только своим действиям,— ответил прапорщик Смирнов.— Действиям против революционной демократии города. Точнее говоря — контрреволюционным.

— Овва! Ну, знаете... это еще вопрос, кто из нас лучший и более последовательный поборник дела революции: вы или я.

— Нет, это не вопрос,— сказал грузин.

— У нас в таких случаях говорят,— вставил Артем,— видно пана по холявам!

Ротмистр сверкнул глазами на этого дерзкого солдата, но встретился с таким уверенно твердым взглядом, что только стиснул челюсти. Одна щека у него нервно задергалась. Пришлось даже помять ее пальцами.

— Ну-с, так давайте ближе к делу. Какие же именно мои действия вам не нравятся?

Командир дивизиона напомнил о разоружении саперного батальона.

— Ах, это! Ну, вы ведь, прапорщик, тоже в некотором роде военный человек. И даже командир части. Должны знать, что мы только винтики в машине, именуемой армией. Я просто выполнил приказ своего командования. В данном случае — Генерального секретариата военных дел.

— Это не меняет дела. И ни в коей мере не снимает с вас ответственности.

— А арест Кузнецова? — спросил Гармаш.— Разве и на это у вас был личный приказ Петлюры?

— Да, арест Кузнецова нас тоже интересует,— сказал прапорщик Смирнов.— На каком основании?

Атаман повернул лицо к адъютанту. Тот ответил четко, как по-писаному:

— Рядовой саперного батальона Кузнецов задержан патрулем, как бездокументный. Что касается его депутатства, то, поскольку батальон этот не дислоцируется сейчас здесь, в городе, мандат механически утратил силу.

— Ну, эту софистику вы приберегите для кого-нибудь другого! Нам она ни к чему. Мы категорически требуем освободить из-под ареста товарища Кузнецова. И немедленно.

— Вон как! Это что, почти ультиматум?

— Почти.

— Тогда, может быть, потрудитесь ответить: а как же будет с моим казаком, захваченным вами?

— Это вы о том бывшем жандарме? — спросил грузин.

— А это еще не доказано.

— Тем меньше у вас оснований беспокоиться о его судьбе. И на этом будем считать вопрос исчерпанным.

У атамана снова задергалась щека. Нет, это уже выше его сил. Какой дерзкий, оскорбительный тон! И подумать только: несколько месяцев назад этот нижний чин, да еще инородец вдобавок, стоял бы перед ним смирно и «ел» бы глазами его, блестящего уланского офицера. На миг ротмистр почти утратил самообладание. В горле уже клокотала ярость, готовая вырваться окриком: «Вон, хам!» Но топот ног и гомон под окнами вагона отрезвили его. А тут еще в мозгу назойливо билась фраза из рапорта дежурного офицера — на двух платформах, в голове и хвосте артиллерийского эшелона, с орудий сняты чехлы, и орудийная прислуга непрерывно дежурит в полной боевой готовности.

— Адъютант! — решил вдруг ротмистр.— Выдайте ордер на освобождение этого... Как его?

Потом вынул из заднего кармана галифе портсигар и закурил. Все время, пока адъютант стучал на машинке, жадно затягивался папиросой, словно стараясь унять этим свою ярость. Зато, когда, получив ордер, посетители вышли из вагона, сразу дал ей волю:

— Какие хамы! — Он опрокинулся в кожаное кресло и жестом пригласил присутствующих сесть.— Только благодаря моим стальным нервам я не погнал их из салона в три шеи.

Штатский в смокинге витиевато выразил свое восхищение самообладанием пана атамана. На что другой штатский по простоте душевной заметил:

— Под жерлами орудий... хошь не хошь...

— Пустое! — спесиво перебил его атаман.— Они и выстрела не успели бы сделать, подай я только команду. Однако не обошлось бы без жертв. А я не могу разбрасываться своими казаками по всякому пустяку. Тем более теперь, накануне решительных боев с ними. С этим... отечественным интернационалом хамов. Ну, да хватит! Довлеет дневи злоба его. А что ж это я не вижу наших милых дам?

Адъютант щелкнул шпорами:

— Я сейчас попрошу их.

— Погодите,— остановил его атаман.— А об этом сапере... Кузнецове, вы напомните мне завтра.

— Пан атаман,— вмешался в разговор один из офицеров, поручик Чумак,— тот, третий, что был с ними, тот, что о холявах, он тоже местный. Гармаш по фамилии. Я его хорошо знаю. Большевик и вообще очень ненадежный тип. Это он, должно быть, и подбил их.

— Хорошо, напомните мне завтра и о нем тоже.

Тем временем Артем Гармаш тут же, на перроне, жал руки прапорщику Смирнову и Киквидзе — только теперь он узнал фамилию грузина — и горячо благодарил их за помощь, намереваясь тотчас отправиться в город, в комендатуру. Но Киквидзе задержал его, покуда не вернется посыльный от дежурного по станции.

— А то может случиться так,— сказал он,— вместо того, чтобы товарища выручить, вы сами к нему в камеру сядете.

— А чего ж я и тороплюсь так,— признался Артем.— Чтоб не дать им времени опомниться. Чтоб не успели расставить ловушку.

Но тут как раз вернулся Петренко от дежурного по станции. Паровоз будет готов никак не раньше, чем часа через три. Тем лучше.

Охотников сопровождать Гармаша в комендатуру набралось немало — десятка два. Чем задыхаться в продымленной теплушке или в прокуренном вокзале, не лучше разве пройтись по незнакомому городу! А что метель,— им ли, фронтовикам, привыкать к непогоде! Весело разговаривая, шумной толпой прошли через вокзал и направились в город.

Как только спустились со ступенек подъезда, Остап сразу же потянул брата за рукав — отстанем, дескать. Так свободней поговорить, без посторонних.

— Вот так новость ты мне, брат, сказал,— возобновил Остап разговор, прерванный четверть часа назад. — И не зря у меня коломутно было на душе, когда проезжали станцию Князевку. Прямо хоть с поезда прыгай!

— А отчего тебе и в самом деле, Остап, не отпроситься у командира? На несколько деньков завернул бы домой. Человек он, видать, у вас неплохой.

— Душа-человек. Даром, что... Да какой он и офицер? Прапорщик запаса. Конечно, пустил бы. Но подумай: чем я ей помогу? Ей

На западной границе

Дебора ВААРАНДИ

Рослый, статный, с искоркой во взоре,
Пограничник видит с высоты,
Как внизу отсвечивает море,
Розовеют вереска кусты.

Глядя на причал с высокой башни
И маяк за лесом, на мысу,
Вспоминает степь, родные пашни,
Чернобровой девушки красу,

По степи широкой, словно море,
Так же волны ходят ходуном.
Там гуляют кони на просторе
Быстроногим, резвым табуном.

...К пристани баркас пришел с уловом,
Скоро вспыхнет первая звезда.
Из-за леса, ставшего лиловым,
Мирно возвращаются стада.

Заглушив прибоя ропот мерный,
К берегу подвозит напрямик
Полные горючего цистерны
И рыбачьи сети грузовик.

Погоняя стадо, вдоль причала
Девушка прошла невдалеке.
По-родному песня зазвучала,
Хоть и не на русском языке.

Ветер всколыхнул передник белый,
Растрепал пушистый лен волос.
О Катюше милой песню пела
Девушка, взбираясь на откос.

Мгла спустилась на море и сушу.
Все бледней заката полоса.
Отзвенела песня про Катюшу.
Пограничник смотрит в небеса.

Молодому парню запад мглистый
Кажется холодным, как стекло.
А суровый берег каменистый
Пахнет можжевельником тепло.

Над волнами поднятый высоко,
Этот берег — часть родной страны,
Чьи границы, как зеницу ока,
Мы беречь от недруга должны.

Перевела с эстонского В. ПОТАПОВА

ктор нужен. А я только растревожу ее. Мо-т, еще хуже сделаю. Да и отстать от оей части легко, а попробуй в такой не-зберихе найти ее после.

Артем немного удивился. Не смог удержать-, чтоб не подшутить над братом:

— Да ты, вижу, служакой стал. Вон какой триот своей части!

— Не в том дело, что патриот,— серьезно ветил Остап.— А только что ж я за дурень ıл бы! Три года провоевал, день в день, а перь, когда вот-вот мир установится, демо-илизация начнется, а я не при своей части, кой-то беспризорный солдат-побирушка в ıаной шинели, с торбой за плечами. Нет, это дело. По-другому должно быть.

Артем не понял, как это «по-другому». стап охотно пояснил ему:

— А мы уже все имущество дивизиона за-дя промеж собою распределили. Понятно, йком от командира и от комитета.

— Как распределили? — от изумления Ар-м даже остановился.

— Ну, не пушки ж, известное дело,— усмех-лся Остап.— Пушки пускай уж ржа ест. За-ужили они этого. Сколько за войну людско-мяса накрошили! Понаделали сирот да ов...— сказал и сразу же поправился: — Хо-правда, зачем же — ржа? И пушки можно полезное дело пустить. В переплавку на за-д. Как поп когда-то в церкви читал: «Перекуют мечи на орала». Ну, да про это начальство пускай думает, а мы — о том добре, что каждому может пригодиться в мирной жизни, в хозяйстве. Перво-наперво тягло, известно. А кони у нас какие! Не кони — паровозы! И порядочно их. Из расчета на каждого солдата, которые из селян, как раз по паре приходится, без одной восьмой. Я всю войну на коренных ездовым. Теперь уже так и считаю, что они мои.

— Как это твои? А одна восьмая? Хвост уж определенно кто-нибудь с полным правом может отрезать. Даже с репицей.

— Договоримся как-нибудь,— в тон ему ответил Остап. Потом, помолчав, важно, с некоторым даже укором: — А ты, братуха, зря смеешься. Я этим нынче, можно сказать, только и живу. Знаю: нарежут земли, не пойду с поклоном к тому же Гмыре или Шумиле: вспаши, мол, сделай милость, хоть исполу. Сам себе хозяин! Теперь понятно тебе?

— Глупостями вы занимаетесь, хлопцы! — сказал Артем.— Это от безделья в эшелоне, должно быть.

— Отчего глупостями? — насторожился Остап.

— Не в те времена мы живем, чтоб мечи на плуги перековывать. Без меча и плугом нечего будет нам делать. Нечего пахать. Никто земли нам просто так не отдаст, без борьбы. Вот видел на вокзале — гайдамаки? Как ты их понимаешь?

— А бес их знает! Балакают по-нашему, сказать бы, по-украински.

— Это неважно. Ты в корень смотри.

— Дезертиры большей частью. С которыми разговаривал даже. Осточертело им на фронте на одной чечевице, да и дома не усидишь — солдатки глаза колют. Вот и нашли себе теплое место — одевают, кормят, еще и деньги платят. Да из дому каждую неделю жена мешок с салом и кнышами привозит. Видал, какие морды нагуляли?

— Нет,— возразил Артем.— Это одиночки. Не в них дело.

— Хозяйских сынков немало,— продолжал Остап.— Вольноперы и всякие, видно, студенты, семинаристы... А что это за Щупак? Поглядеть бы хоть. Когда-то, небось, и генерал-губернатор с такой охраной не ездил. Что это за цаца?

— Прохвост! — коротко ответил Артем. Он еще днем заинтересовался этой неожиданно появившейся на славгородском горизонте фигурой и кое-что разузнал из вполне достоверных источников. Поэтому, когда Остап не удовольствовался этой слишком скупой характеристикой, он смог удовлетворить его любопытство полнее. — Ротмистр уланского полка. Сын управляющего одного из имений сахарозаводчика Терещенко.

— Знаю Терещенко. Еще смолоду одно лето проработал в его экономии. На Екатеринославщине.

— А этот с Полтавщины. Тоже украинец, как видишь. И тоже по-украински говорит. Хоть и с натугой. Не удивительно: все время служил в Петербурге. После Октябрьской революции вынужден был бежать из Петрограда. Пробирался на Дон к Каледину, да вот задержался на Украине. Мигом сориентировался. По поручению Генерального секретариата Центральной рады и на деньги полтавских помещиков и фабрикантов набрал из добровольцев гайдамацкий курень. Вот эту самую помещичье-кулацкую гвардию. Одним словом, он еще себя покажет!

Остап поправил карабин на ремне и некоторое время шел молча, погрузившись в раздумье.

— Вон оно что,— отозвался он вдруг.— Выходит, что и тот жандарм не такая уже случайная птица среди них?

— А ты думал! Ворон ворону глаз не выклюет!

За разговором и не заметили, как очутились в самом центре города, возле городской думы. А через квартал от нее, на той же главной Николаевской улице, помещалась и комендатура. Пять минут ходу — и они были уже на месте.

Остап не стал тут задерживаться: времени и так в обрез,— попрощался с братом и подался на Гоголевскую к Бондаренко. Но остальные артиллеристы, все как один, вслед за Артемом вошли в помещение комендатуры. И это, собственно, решило дело. Комендант был стреляный воробей, как оказалось. Не довольствуясь ордером, он связался по телефону со штабом куреня в эшелоне. Там, должно быть, поинтересовались, кто именно принес ордер. На что комендант после некоторой заминки — разговор происходил при всех — приглушенно ответил: «Да их тут целый взвод будет. Человек двадцать». И лишь после этого, получив, видимо, распоряжение, повесил трубку и приказал дежурному привести арестованного Кузнецова.

Только на улице Кузнецов весело спросил Артема:

— Не твоя ли это работа, а?

Артем ответил:

— Вот кого благодари! А без них я и с ордером ничего не сделал бы. Разве что разделил бы с тобой арестантскую камеру.

Тут же, возле комендатуры, и стали расходиться кто куда. Самые молодые пустились бродить по городу, а остальные, те, кто посолидней и политически посознательней, пошли в городскую думу на заседание Совета.

Но у Артема уже не оставалось свободного времени. Еще когда они были в комендатуре, на думской башне пробило десять. Он попрощался с Кузнецовым, с артиллеристами и, дойдя с ними до угла, завернул в переулок.

Перевела с украинского Т. СТАХ

А. К. Саврасов (1830—1897). ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ. 1871 год.

Государственная Третьяковская галерея.

А. К. САВРАСОВ

Иван Николаевич Павлов, известный художник-гравер, любил вспоминать о том, как в далекие детские годы жил он в деревне Строгино, что на Москве-реке. Вечерами на высоком речном берегу Павлов часто видел старика в длинной серой блузе, с седой бородой. Мальчик однажды спросил его:

— Что ты тут, дедушка, делаешь?

— Я, милый, наблюдаю природу... Понимаешь ты? После я напишу картину...

— А кто же ты такой будешь? — продолжал любопытствовать мальчик.

— Я художник Саврасов... Учись и ты наблюдать природу...

«Учись у природы, наблюдай ее!» — в этом весь Саврасов, певец русской природы.

В том, что русская пейзажная школа второй половины XIX века заняла первенствующее положение в мировом искусстве, немалая заслуга А. К. Саврасова.

Алексей Кондратьевич Саврасов родился в 1830 году в небогатой московской торговой семье. Родители, как водилось, полагали чуть ли не с детских лет приобщить мальчика к делу. Но, как ни хотелось отцу, чтобы сын стал с ним рядом в гончарном ряду, Саврасов поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Учился он отлично и двадцати лет от роду за картину «Вид Кремля при закате луны» и этюд «Камень у маленького ручья» получил в 1850 году звание неклассного художника. Можно предположить, что работы юноши произвели ошеломляющее впечатление. В архивах хранится любопытное свидетельство за подписями трех профессоров, заверяющих, что представленные произведения Саврасова «действительно писаны им самим, без другого личного пособия».

Показанный в Третьяковской галерее на юбилейной саврасовской выставке в 1947 году пейзаж «Вид на Кремль в ненастную погоду» и есть, очевидно, та картина, за которую в молодости получил автор звание художника.

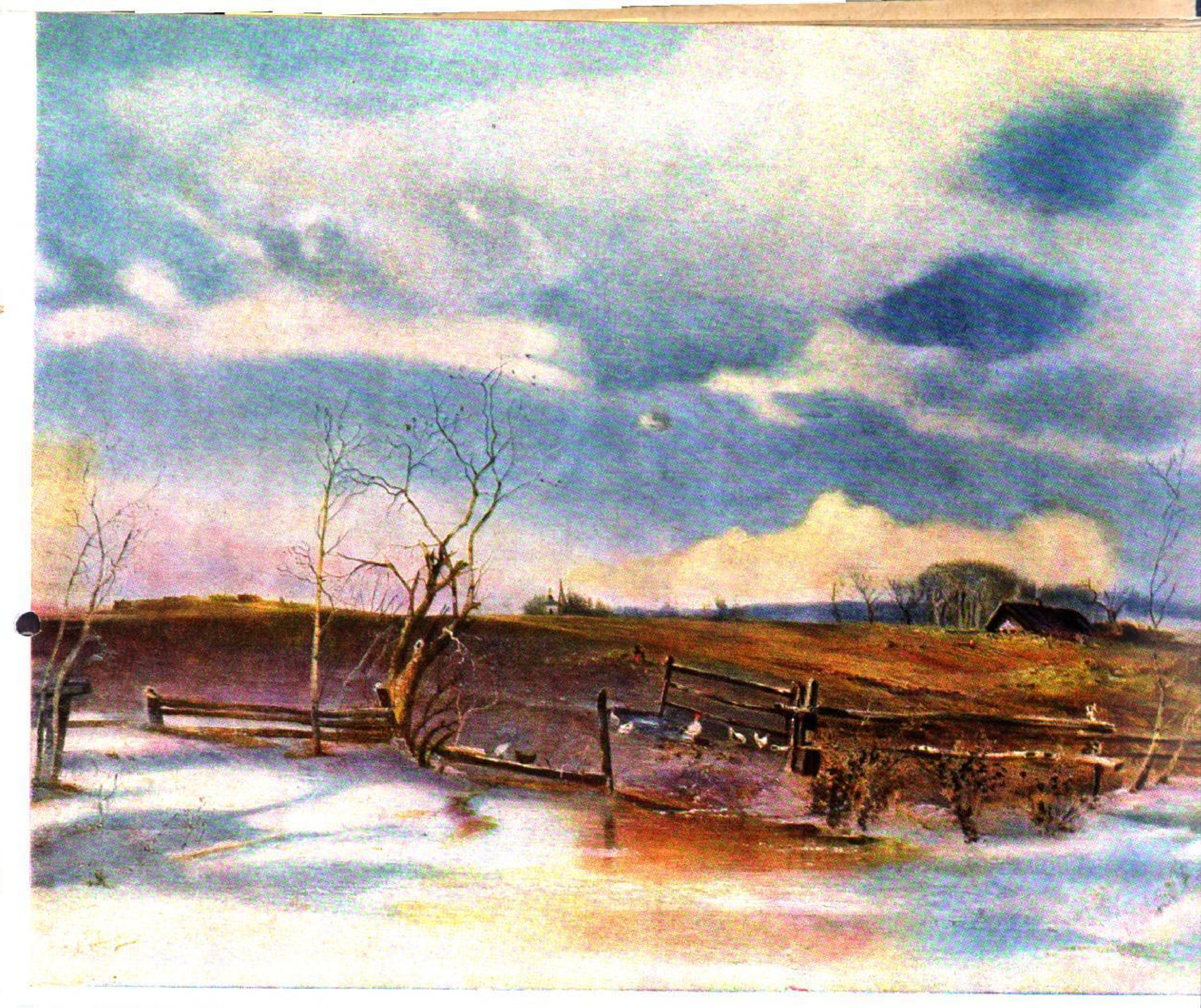
В 1854 году двадцатичетырехлетний Саврасов за картину «Вид в окрестности Ораниенбаума» и другие картины удостаивается почетного звания академика.

Саврасов много и плодотворно работает. Одна за другой появляются его картины, в обыденных, простых сюжетах которых художник стремится передать красоту родной природы. «Лосиный остров» (1869 год), «Печерский монастырь под Нижним-Новгородом» (1870—1871 год) — крупнейшие достижения художника этого периода. В последней картине, переданной Третьяковской галереей в собрание Горьковского музея, Саврасов дает широкую панораму типично русского ландшафта. Картина дышит спокойствием, уверенностью, силой, глубоко реалистична и вместе с тем эпична. В ней еще нет той проникновенной саврасовской лирики, которая берет начало с его знаменитых «Грачей». Интересно отметить, что перед отправкой картины в Петербург на конкурс в ней, по совету П. М. Третьякова, другом Саврасова Перовым делались исправления.

В 1871 году открылась первая выставка Товарищества передвижников. Среди членов — учредителей Товарищества был и Саврасов. Он

А. К. Саврасов. ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОД НИЖНИМ-НОВГОРОДОМ. 1871 год. Горьковский Государственный художественный музей.

А. К. Саврасов. ВЕСНА.

Молотовская художественная галерея.

дал на первую выставку картину «Грачи прилетели», ознаменовав ею начало новой русской пейзажной живописи.

«Пейзаж Саврасова «Грачи прилетели» есть лучший, и он действительно прекрасный, хотя тут же и Боголюбов... и барон Клодт, и И. И. (Шишкин). Но все это деревья, вода и даже воздух, а душа есть только в «Грачах», — писал Крамской.

Появление «Грачей» приветствовал Стасов. Добрым словом помянул их в своей статье Салтыков-Щедрин, скупой обычно на похвалы. На выставке перед картиной Саврасова всегда толпились посетители.

А изображена-то на сравнительно небольшом холсте всего-навсего окраина небольшого села! Скромная церквушка. Тающий снег. Легкие и зябкие березки, стая грачей. Это первый приход весны: темнеет, оседает снег, плавится в лужах корочка льда, буреют поля, шумен птичий грай. А воздух чистый и свежий, бодрый... Еще никому, нигде и никогда не удавалось так просто и обаятельно рассказать о весне.

За «Грачами» последовали «Проселок», «Перелет птиц», «Могила на Волге», «Радуга», «Иней», «Волга» и многие, многие другие картины.

Одновременно с творческой деятельностью Саврасов ведет пейзажную мастерскую в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. «Мастерская Саврасова,— вспоминал позднее Нестеров,— окружена была таинственностью, там, видимо, священнодействовали, там уже писали картины. Ученики мастерской всех очень интересовали, и среди них надежды всей школы были обращены на троих...»

Эти трое были братья Коровины и Левитан.

В мастерской Саврасова жизнь била ключом. «Саврасов умел воодушевлять своих учеников, и, охваченные восторженным поклонением природе, они, сплотившись в дружный кружок, работали, не покладая рук, и в мастерской, и дома, и на натуре. С первыми весенними днями вся мастерская спешила вон из города и среди тающих снегов любовалась красотою пробуждающейся жизни. Расцветал дуб, и Саврасов, взволнованный, вбегал в мастерскую, возвещая об этом, как о целом событии, и уводил с собою молодежь опять туда, в зеленеющие рощи и поля. Общее одушевление не давало заснуть ни одному из учеников мастерской, и все Училище смотрело на эту мастерскую какими-то особенными глазами», — так писалось о первом творческом периоде Левитана, который именуют саврасовским. Нетрудно проследить и дальнейшее влияние Саврасова на русских художников, и по сегодняшний день не потерявшее своего значения: кроме Левитана — Архипов, Бакшеев, Бялыницкий-Бируля, Юон, Грабарь, Мешков, Ромадин, Грицай, Щербаков,— все эти художники в большей или меньшей степени находились или находятся под воздействием Саврасова.

Сам Алексей Кондратьевич — признанный воспитатель молодого поколения художников — всегда настаивал на самом широком художественном образовании.

Умер он в 1897 году. Левитан посвятил его памяти полный чувства некролог, в котором писал:

«Да, покойный Саврасов создал русский пейзаж, и эта его несомненная заслуга никогда не будет забыта».

А. РЫБАКОВ

А. К. Саврасов. СЕЛЬСКИЙ ВИД. 1867 год.

Государственная Третьяковская галерея.

НАРОДЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В БОРЬБЕ ЗА МИР

«Единство народов — решающий фактор предотвращения войны. Народы имеют право и обладают силой, достаточной для того, чтобы самим определить свою судьбу».

Эти слова выдающегося борца за мир профессора Го Мо-жо как нельзя лучше объясняют стремление делегатов стран Азии и Тихого океана, съехавшихся в Пекин, столицу нового Китая, на Конгресс сторонников мира.

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к некоторым делегатам Пекинского конгресса с просьбой рассказать о борьбе за мир в их странах.

Ниже мы публикуем ответы делегатов.

КОЛУМБИЯ

Мануэль Сопата Оливелья, врач

Я много езжу по стране, часто бываю в селах, лечу крестьян и батраков. Я хорошо знаю, о чем они думают, на что надеются, во что верят. И я хочу рассказать об их борьбе за мир.

Колумбия — единственная страна Южной Америки, которая по приказу своих американских хозяев послала войска в Корею. Правительства других латиноамериканских стран получили такой же приказ, но послать солдат в Корею они все-таки не смогли, потому что народы воспрепятствовали этому. Очевидцы мне рассказывали, что жители Кубы стащили солдат с парохода, направлявшегося в Корею, и отправили их по домам.

Мануэль Сопата Оливелья.

Законы нашей страны запрещают посылку солдат за границу. Лишь в исключительных случаях, когда этого требуют интересы нации, парламент может решить вопрос о посылке войск. Но у нас в Колумбии фашистская диктатура, парламент у нас закрыт. Вот и судите, насколько законна была посылка колумбийских солдат в Корею.

Правительство, снаряжая первую воинскую часть к берегам Кореи, обещало солдатам, что их поездка будет легкой и веселой.

— Вас ждут слава, красивые корейские женщины и американские ордена! — так говорили солдатам американские агенты.

Солдаты не имели ни малейшего представления о событиях в Корее. Они не знали о победах Народной армии и китайских добровольцев: ведь в колумбийской армии чтение газет строго запрещено. Некоторые солдаты, узнав правду о Корее, убегали за несколько дней до отправки, захватив с собой оружие.

Да, тот, кто мог бежать, бежал. Из двух тысяч солдат бежало около четырехсот. Этих солдат-беглецов надежно укрыл народ.

Прошло немного времени после отправки колумбийских солдат в Корею, и наш народ узнал правду об этой войне. С фронта прибывали раненые и больные.

Солдаты, вернувшиеся из Кореи, ищут и не могут найти работу. Я не говорю уже о тех, кто лишился глаза или руки. Для них работа — несбыточная мечта. «Свобода», которую они якобы «защищали» в Корее, не обеспечила им у себя на родине места в жизни. Да что там свое место! Такая, с позволения сказать, «свобода» не дает им даже права поведать родным и друзьям о своем горе. За такие рассказы приходится жестоко расплачиваться.

После всего этого, естественно, новую партию «добровольцев» сколотить было еще труднее. Солдат собирали силой. Им даже не сказали, куда их везут. Им не сказали, когда они вернутся. Им ничего не сказали. Не было уже ни сладких речей, ни грома оркестров. Многим солдатам не разрешили даже попрощаться с родными. Их ночью погрузили на корабль и вывезли в океан.

Возмущение обманутых солдат и их родных росло с каждым часом. Многие писали письма в газеты. Некоторые из этих писем были нелегально опубликованы и пошли по рукам — из дома в дом, из села в село.

Раньше, бывало, придет наш товарищ в бедный дом и начнет говорить о Пакте Мира, а его спрашивают: «Зачем нам это? У нас сегодня нечего есть». А теперь люди сами ищут сборщиков подписей под обращением за Пакт Мира.

КОСТА-РИКА

Оскар Бакит, художник

— Меня привело в Пекин убеждение, что каждый уважающий себя человек должен бороться за мир. Мы боремся за мир, не думая о тех преследованиях, которыми грозят нам поджигатели войны.

Мы думаем, что этот конгресс нанесет новый удар врагам мира. Наш народ ожидает, что Пекинский конгресс еще больше объединит народы в их справедливой борьбе.

Как художнику мне легче выражать мысли кистью, чем словами. Вот почему я рисовал и буду рисовать плакаты, призывающие к борьбе за мир.

— Не можете ли вы назвать имена героев — сборщиков подписей?

— Каждый гражданин Коста-Рики мог бы назвать эти славные имена. Несмотря на преследования и угрозы, тюрьмы и пытки, люди, о которых я расскажу вам, остались верными борьбе за мир и сегодня продолжают свой опасный и благородный труд. Эдгар Кампос, краснодеревщик, был схвачен полицией, когда собирал подписи под Обращением о заключении Пакта Мира. В день, когда он вышел из тюрьмы, избитый и раненый, он снова пошел по домам, предлагая людям поставить подпись под этим документом. Энрике Мора собрал четыреста подписей. Был арестован. И, оказавшись на свободе, снова продолжал сбор подписей. Ему помогала в этом его невеста.

Всего в Коста-Рике мы собрали пятьдесят тысяч подписей.

Честность, верность своему долгу и мужество таких людей, как Энрике Мора и Эдгар Кампос, вдохновляют всю молодежь, весь народ Коста-Рики на борьбу за мир и дружбу народов.

ЭКВАДОР

Хорхе Энрике Адум, член комитета защиты мира в городе Кито

Как-то вскоре после моего возвращения из Чили на родину, в 1948 году, я проходил по крутому берегу океана. Знакомый рыбак подозвал меня.

— Посмотри вниз,— сказал он.

Я увидел в воде машины, походные кухни и множество другого снаряжения.

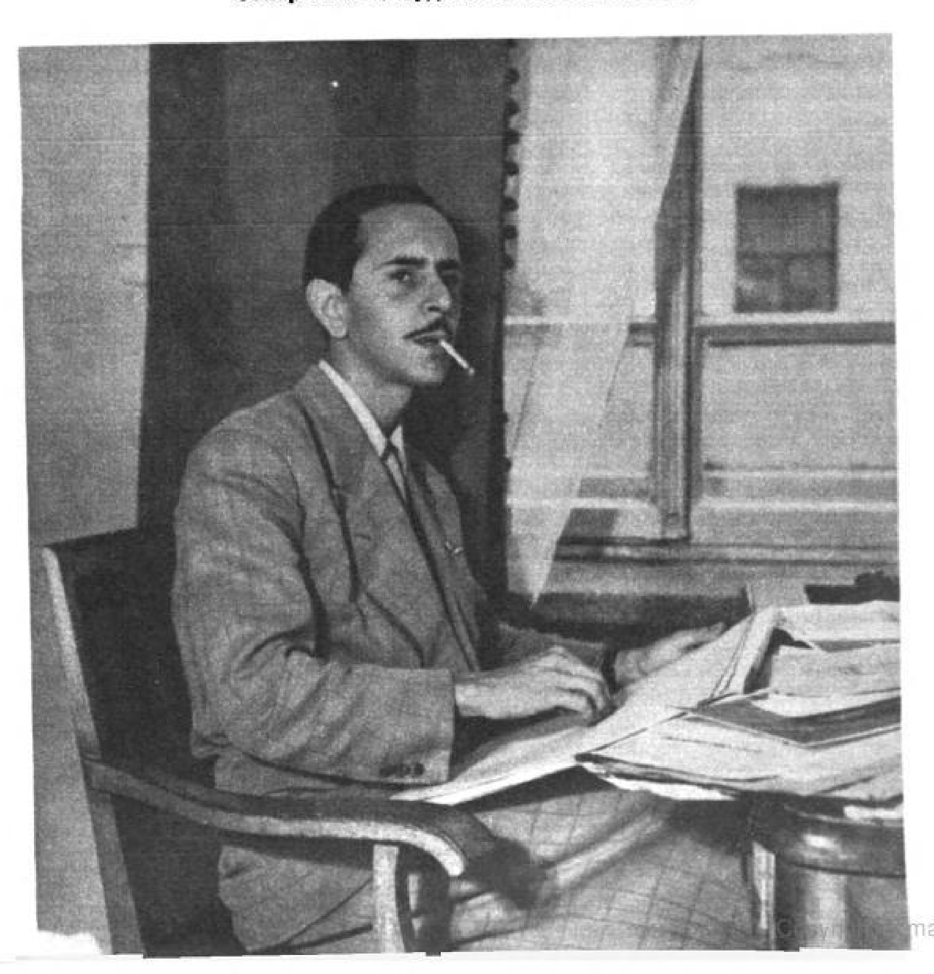
— Что это? — спросил я.

— Американцы ушли и все, что они не смогли захватить с собой, выбросили в море.

Как известно, в годы войны США, по существу, оккупировали Эквадор. Американские солдаты вели себя нагло, на каждом шагу унижая нас, эквадорцев. Тотчас по прибытии американских войск в нашей маленькой стране появились большие зоны, куда эквадорцы не могли ступить ногой. Война окончилась, но американское правительство не собиралось отозвать свои войска. Народ требовал этого долго, настойчиво, в течение нескольких лет, пока наконец добился своего.

Американцы не раз публично изъяснялись в своей дружбе и любви к Эквадору, но это не мешало им поддерживать агрессивную политику Перу, с которым мы, как известно, граничим. Есть у нас на границе спорный район. Давно, конечно, можно было справедливо решить его судьбу, но США упорно поддерживают вражду между Перу и Эквадором, потому что это им выгодно.

Оскар Бакит, художник из Коста-Рики.

Американские компании запретили Эквадору торговать с другими странами. Они закупают все продукты в стране, но не по тем ценам, которые нам кажутся приемлемыми, а по ценам, которые сами назначают.

Все это было прямым результатом прошедшей войны.

Правительство Эквадора не решилось направить в Корею солдат,

Надпись на плакате художника Бакит: «Подписывайтесь за Пакт Мира».

но оно послало на корейский фронт около миллиона килограммов риса.

Выступая на митингах в защиту мира, люди доброй воли говорили о том, что этот миллион килограммов был украден у голодных индейцев. Из трех миллионов жителей Эквадора свыше миллиона — индейцы.

Протесты следовали один за другим. «Рис нужен нам самим!» — кричали голодные люди. Когда же стало известно о подготовке военного пакта между Эквадором и США, возмущению не было предела.

Власти были изрядно напуганы этим всенародным протестом и заявили, что Эквадор не собирается заключать никаких военных договоров с США. Но это был лишь маневр. Военный пакт был подписан. Мы, сторонники мира в Эквадоре, оценили его как позорное предательство национальных интересов.

Против военного пакта поднялись все прогрессивные организации. Прошло довольно много времени после подписания договора, но вопрос о его ратификации правительство боится поставить в повестку дня. Президент, выступая в августе на заседании национального конгресса, не обмолвился о пакте ни словом.

Накануне моего отъезда из Эквадора, 8 сентября, началась национальная неделя борьбы против военного пакта. Сторонники мира издали тысячи листовок, плакатов, провели десятки митингов. Депутаты конгресса получили множество писем с требованием не ратифицировать пакт с Соединенными Штатами.

В эти же дни по селам и городам Эквадора пошли караваны мира. Сторонники мира призывали крестьян подписать Обращение о заключении Пакта Мира.

— Как выглядели эти караваны?

— Группа сторонников мира — среди них сборщики подписей, певцы и танцоры — на машинах, украшенных плакатами и лозунгами, выезжала в села и маленькие города. Тотчас вокруг машин собирались люди. Мы говорили крестьянину: вот мачете[1]; если начнется война, железо и сталь станут дороже и дороже станет твоя мачете. Как ты будешь работать в поле?

У нас в стране из трех — четырех человек только один грамотный. Многим приходилось во время этих бесед о войне и мире объяснять самые элементарные вещи. Но мы это делаем без устали, потому что перед нами стоит благородная цель.

ГВАТЕМАЛА

Хосе Гутьерос,

член Комитета защиты мира

Недавно к нам в Гватемалу прибыла необычная посылка. Когда мы раскрыли ее, то увидели, что это фильм, о котором мы все слышали и который с нетерпением хотели увидеть. Это была документальная картина о бактериологической войне, снятая на месте преступления американских интервентов.

Просмотрев фильм, мы решили провезти его по стране. В маленьком городе Эскуинтла на первый просмотр собралось немного людей. Некоторые из них скептически отнеслись к предстоящему просмотру. Но в фильме все было просто, просто и страшно — ни у кого не оставалось сомнений в том, что американцы применили в Корее бактериологическое оружие.

[1] Мачете — широкий нож, применяется для расчистки дорог в джунглях, при сборе сахарного тростника и т. п.

Скульптурная карикатура полицейского. Такие статуэтки-сатиры колумбийские патриоты изготовляют в подполье с риском для жизни.

На каждый следующий сеанс приходило втрое — вчетверо больше зрителей. И каждый раз, когда мелькал последний кадр и зажигался свет, мы видели на глазах людей слезы гнева.

— Мы не хотим, чтобы такое же страшное горе обрушилось на землю Гватемалы,— говорили они.

Далеко от нас Корея, а страдания ее близки народу, и неграмотные люди прикладывали свой палец к Берлинскому воззванию. Они теперь знали, какое значение это имеет.

В нашей маленькой стране уже собрано сто двадцать пять тысяч подписей за Пакт Мира. Если учесть, что шестьдесят пять процентов населения неграмотно, то станет ясно, что это совсем немало.

МЕКСИКА

Альберто Лоера,

крестьянин, сборщик подписей под Обращением за Пакт Мира

Я приехал из района Торреон, где почти все взрослое население подписало Обращение о заключении Пакта Мира. Я один собрал около тысячи подписей.

— Подвергались ли вы при этом какому-нибудь риску?

— Да, как всякий сборщик подписей. Если полиция видела человека с Берлинским воззванием, его арестовывали. В нашем районе было арестовано девяносто человек, в том числе около шестидесяти женщин. Но это, конечно, не могло запугать народ.

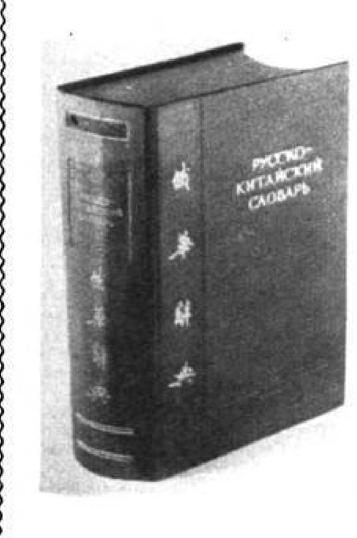
Для нас, мексиканских крестьян, борьба за мир — это борьба за землю, которую у нас хотят отнять помещики и американские компании.

В последнее время крестьянин нигде не может получить кредита, чтобы хоть как-нибудь поправить свои дела. Помещики и местные власти лишают нас воды. Они просто не пускают ее на наши поля. А на земли помещиков вода по каналам идет беспрепятственно.

Только огромными усилиями нам иногда удается добиться небольшого количества воды для своих земель. А ведь крестьяне платят за эту воду!

В районах Лагуна, где выпало мало дождей и где крестьяне остались без воды, земли теперь пустуют. Крестьяне ушли в города, на поиски заработков. Некоторые подались в США. Но их оттуда просто вышвырнули. Совсем недавно, в сентябре, около десяти тысяч крестьян собралось в городе Торреоне, голые, раздетые, голодные, со своими больными и истощенными детьми. Крестьянские организации Мексики обратились к властям с предложением вложить капитал в покинутые крестьянами земли, чтобы вернуть их к жизни. Власти не дали ответа. Они предложили голодным крестьянам — этим истощенным и оборванным людям — строить дорогу за нищенскую плату...

Крестьяне Мексики собрали деньги на мою поездку в Пекин. Они поручили мне выступить на конгрессе от их имени. Решения Пекинского конгресса помогут нашему народу поближе познакомиться с другими народами Тихого океана и стран Азии. Они укрепят нашу дружбу, помогут в борьбе мексиканских крестьян за мир, землю и воду.

ПЕРВЫЙ РУССКО-КИТАЙСКИЙ СЛОВАРЬ

Перед нами объемистая, в плотном переплете книга. Страницы ее испещрены китайскими иероглифами, рядом — русский текст. Это русско-китайский словарь, выпущенный впервые в СССР Государственным издательством иностранных и национальных словарей.

Интерес к словарю и у нас и в Китайской Народной Республике огромный. Первое издание, вышедшее недавно стотысячным тиражом, разошлось в очень короткий срок. Сейчас печатается и скоро увидит свет второе издание тиражом в 200 тысяч экземпляров.

В течение нескольких лет над словарем работала группа составителей и редакторов — Чэнь Чан-хао, А. Г. Дубровский, А. В. Котов, Б. С. Исаенко, А. И. Мелналкснис.

Словарь включает около 26 тысяч наиболее употребительных слов современного русского и китайского языков и охватывает преимущественно общественно-политическую, экономическую и отчасти бытовую лексику и фразеологию. Он рассчитан главным образом на советских людей, изучающих китайский язык и занимающихся переводом с китайского на русский язык общественно-политической литературы. Им широко пользуются также десятки тысяч наших друзей в Китае, овладевающих русским языком и работающих над переводами книг с русского на китайский язык.

«Этот словарь,— пишут студенты Северо-Восточного университета Китая,— способствует укреплению культурных, экономических и политических связей Китая и СССР, а также передаче новому Китаю передового опыта советских братьев в деле социалистического строительства».

Издательство иностранных и национальных словарей подготовило к печати и китайско-русский словарь, еще более пространный. Он содержит около 50 тысяч слов. Словарь этот выйдет в конце текущего года.

УОЛЛ-СТРИТ, 23

Джозеф КЛАРК

Рисунок Бор. Ефимова

Пять лет тому назад в роскошно убранных комнатах дома 23 на Уолл-стрите встретилась небольшая группа джентльменов. Разговор шел о выдвижении генерала Дуайта Эйзенхауэра на пост президента США.

Надо сказать, что люди, проявившие столь удивительную «прозорливость» — на целое пятилетие вперед,— были не политиками в обычном смысле слова. Да и дом 23 на Уолл-стрите не был штаб-квартирой какой-либо политической партии. В этом здании расположился штаб совсем иного характера: Уолл-стрит, 23, — это адрес дома Морганов, или, точнее говоря, фирмы «Дж. П. Морган и К°».

Одним из участников памятной встречи на Уолл-стрите, 23, был человек по имени Томас Дж. Уотсон. Сейчас он состоит председателем моргановской компании «Интернэйшнл бизнес машинз», так же как и банка Моргана «Гаранти траст». Что касается кандидатуры Эйзенхауэра, то в этом деле на Уотсона была возложена некоторая особая миссия. Дело в том, что, помимо своей руководящей деятельности в крупнейших моргановских концернах, Уотсон является еще одним из опекунов Колумбийского университета.

Как известно, американский народ испытывает антипатию к военным людям на высших государственных постах. И уже в 1947 году на эту тему было немало сердечных бесед между Уотсоном и Эйзенхауэром. В итоге родился план, который и был приведен в исполнение в июне 1948 года: генерал Дуайт Эйзенхауэр стал ректором Колумбийского университета. Это должно было придать некоторый «гражданский колорит» биографии человека, который всю жизнь был профессиональным военным. Помимо того новый пост давал возможность Эйзенхауэру приблизиться к крупнейшим банкирам и промышленникам, главным образом моргановской группы, которые заседают в совете опекунов университета.

Когда дело дошло до съезда республиканской партии в июле 1952 года, за восходящей звездой Эйзенхауэра вырисовывалось уже целое созвездие наиболее влиятельных и крупных бизнесменов Америки.

Американская история знает немало примеров того, как интересы дома Моргана бесцеремонно вторгались в дело выдвижения кандидатов в президенты от республиканской партии. Вспомним хотя бы 1896 год, когда Морганы вместе с Рокфеллерами и прочими финансовыми магнатами помогали Мак-Кинли обосноваться в Белом доме во славу «Стандарт ойл» и «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Но на этом параллель и кончается.

В 1896 году все это братство банкиров и промышленников дружно и яростно воевало против кандидатуры демократа Вильяма Дженнингса Брайана, поддержанного прогрессивной партией «популистов». Что же касается 1952 года, то дом Моргана, столь заботливо пекущийся о кандидатуре Д. Эйзенхауэра, странным образом удовлетворен и кандидатурой его «противника» — Э. Стивенсона. Те же банкиры и трестовики, которые избрали своим фаворитом «Айка», явно ничего не имеют и против «Эдлая».

Орган Уолл-стрита журнал «Бизнес уик» откровенно утверждал, что «большой бизнес» все равно не останется в убытке, «независимо от того, кто будет нашим новым президентом». А моргановская «тройка» иллюстрированных журналов — «Лайф», «Тайм» и «Форчюн» — уже с января с одинаковым усердием делала рекламу обоим — и Эйзенхауэру и Стивенсону.

Правда, моргановские финансисты и трестовики не столь открыто связывают себя со Стивенсоном, как с Эйзенхауэром. Зато сам Стивенсон в достаточной мере и достаточно давно связан с Морганом. Отец Стивенсона управлял хэрстовскими газетами, равно как и другими предприятиями семьи Хэрстов. А Хэрсты, как известно, всегда имели тесные дела с Морганами, да и с Рокфеллерами тоже. Но самые прочные нити связывают Стивенсона с «людьми Моргана» в сфере международной политики.

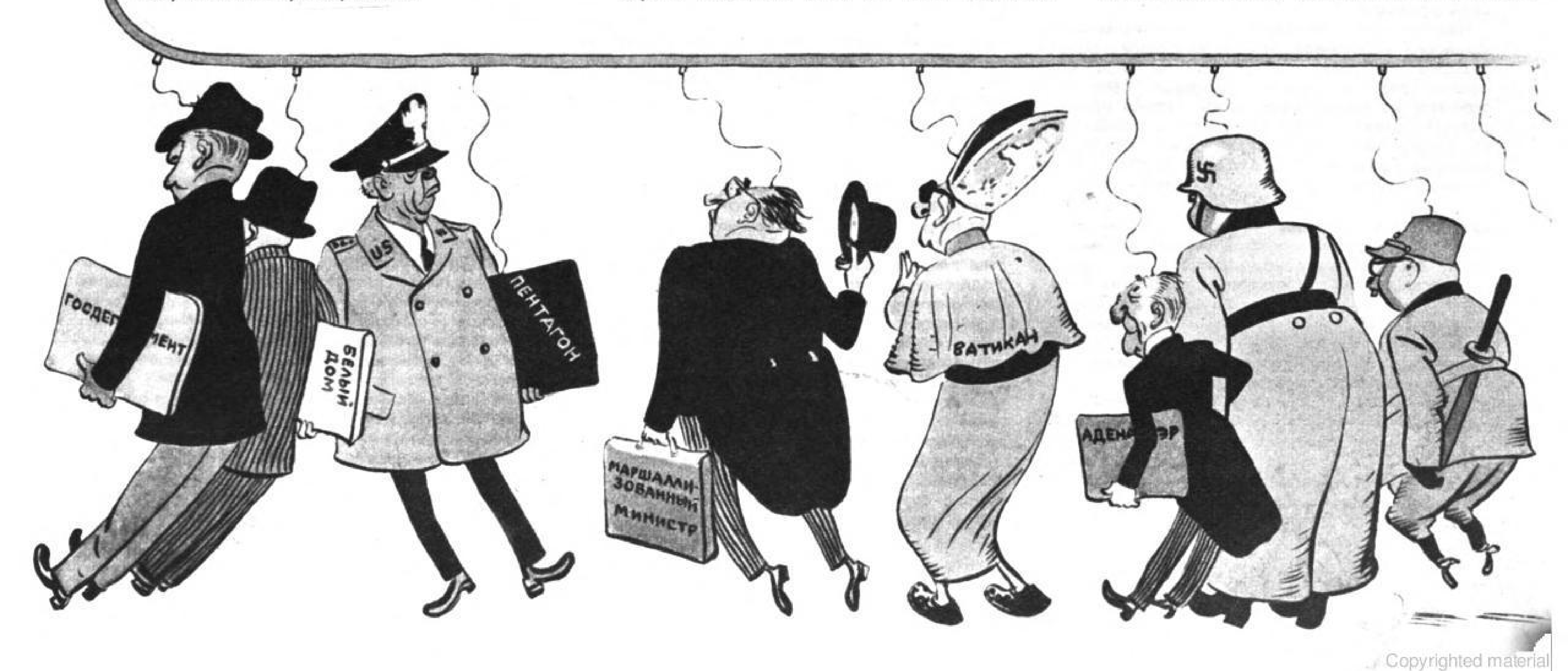
В 1945 и 1946 годах Стивенсон был специальным помощником сначала государственного секретаря Эдуарда Стеттиниуса, а потом его преемника — Джеймса Бирнса. Как известно, Стеттиниус, сын одного из главных компаньонов Моргана, был председателем контролируемого Морганом промышленного гиганта «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Бирнс же после ухода в отставку стал директором моргановской «Ньюмонт майнинг компани». Стивенсон имел прямое касательство к выработке политики «холодной войны», зачинателем которой был Стеттиниус, а продолжателем Бирнс.

Итак, влияние дома Моргана распространяется вплоть до назначения президентов Соединенных Штатов. Однако дом Моргана означает и нечто большее как во внутренней, так и во внешней американской политике.

* * *

В наши дни дом Моргана — «Дж. П. Морган и К°» и «Фэрст нэйшнел бэнк» — олицетворяет собой высшую власть Уолл-стрита в Соединенных Штатах. Это спрут, щупальцы которого охватывают финансовые корпорации с активами, измеряемыми 55 миллиардами долларов.

В финансовую империю Моргана входят 51 из 250 крупнейших корпораций, господствую-

щих в американской экономике. Среди контролируемых, прямо и косвенно, банком Моргана компаний известны: 32 промышленных объединения, 14 железнодорожных, 14 крупнейших компаний, владеющих электрическими и газовыми централями в городах, 5 банков, 3 страховых общества. Косвенно моргановский «Фэрст нэйшнел бэнк» контролирует еще 5 700 миллионов активов в других монополиях.

В американских школьных учебниках рассказываются сентиментальные вымышленные истории о «самородках-миллионерах», о людях, которые якобы собственными силами поднялись по лестнице успеха в мире бизнеса. Джон Пирпонт Морган-старший, во всяком случае, не потратил никаких усилий для подобного восхождения. Он просто, как шутят американцы, «выбрал» себе подходящего отца в лице Юниуса С. Моргана, который уже был готовым банкиром и миллионером. Юниус Морган был компаньоном банкира Джорджа Пибоди, на которого во время гражданской войны 1861—1865 годов были возложены обязанности финансового представителя правительства Соединенных Штатов в Англии. Первый банкирский дом Моргана весьма своеобразно понял задачи службы своему государству. В Лондоне моргановская агентура действовала главным образом в интересах рабовладельцев-южан и против американского правительства, от имени которого имела полномочия. Газета «Спрингфильд рипабликэн» писала в 1866 году:

«Оба (Пибоди и Морган. — **Дж. К.**) делали все, чтобы поселить в Англии полное недоверие к успеху нашего дела, и действовали больше в пользу Юга, чем в пользу нации».

Глядя на отца, который так успешно предавал свою страну при дворе английского короля, Джон Пирпонт, в то время еще юный, прилежно учился, как делать деньги из измены. Первую свою прибыльную сделку подобного рода он совершил уже в 24-летнем возрасте. Стоит рассказать о ней подробнее.

Когда вспыхнула гражданская война, у правительства США скопилось на складах большое количество старых, бракованных ружей. Их уже в течение нескольких лет продавали по цене металлического лома, по доллару — два за штуку. К началу гражданской войны в нью-йоркском арсенале их все еще оставалось около 5 тысяч.

И тут появился на сцене молодой Джон Пирпонт. Он предложил купить у правительства ружья по 3,5 доллара и заключил предварительный контракт. Затем, пока ружья еще лежали в арсенале, он отправил 5 августа 1861 года телеграмму генералу правительственных войск Фремонту, предлагая продать ему 5 тысяч «новеньких» ружей. Генерал Фремонт с радостью принял предложение и согласился на названную Морганом цену — 22 доллара за штуку. Как только был получен ответ от Фремонта, Морган покончил дело с арсеналом, выложив условленные 3,5 доллара за ружье. Потом он отправил ружья Фремонту, а себе в карман положил 92,5 тысячи чистой прибыли.

Назначенная позднее правительственная комиссия установила, что «ружья были такого плохого качества, что они могли оторвать пальцы любому солдату, который стал бы стрелять из такого ружья». Но стоило правительству отказать Моргану в уплате последнего взноса по контракту, как Джон Пирпонт потащил правительство в суд и заставил выплатить ему все до последнего цента.

Моргановские миллионы были уже многократно приумножены, когда Джон Пирпонт выступил по окончании гражданской войны на арене бешеной железнодорожной спекуляции.

Морганы, как и прочие герои спекулятивной горячки, беззастенчиво пользовались общественными средствами и государственными землями. Так, дорога Албани — Саскуэхна начала строиться на средства, предоставленные штатом Нью-Йорк, и на его землях. А когда власти штата обратились в банки за дополнительной субсидией, им было отказано, и железная дорога попала в руки банкиров. К тому времени власть Моргана была уже настолько велика, что ему не стоило большого труда заполучить дорогу в свое владение. К 1902 году Морган контролировал уже 55 тысяч миль железнодорожной сети, то есть практически весь железнодорожный транспорт США.

Новый шаг к созданию своей финансовой империи Морган сделал, основав в 1892 году монополию «Дженерал электрик», быстро подчинившую себе всю электротехническую промышленность. Но еще более крупной вехой явился для Моргана 1901 год. В этом году после острого столкновения со стальным трестом Карнеги Морган скупил все предприятия этой фирмы за 300 миллионов долларов. Это привело к созданию первой «миллиардной» американской стальной монополии — «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». Вскоре капитал этого стального гиганта составлял 1 миллиард 782 миллиона долларов.

Миллионы долларов текли, как вода, в сейфы дома Морганов. На этих деньгах были пот и кровь сотен тысяч грубо обсчитываемых рабочих. В 1908 году исследовательский институт Рассэла Сейджа сообщил в своем отчете, что рабочие сталелитейных заводов Моргана, преимущественно славяне и итальянцы, работают у домен 12 часов в сутки и 7 дней в неделю. А когда рабочие моргановских железных дорог устроили в 1894 году стачку против страшных условий труда, правительство выслало войска, и они стреляли в бастующих. То же происходило не раз уже в начале нового века. Когда же Джона Пирпонта Моргана упрекали за невыносимые условия, в которых трудились его рабочие, он отвечал своей любимой фразой: «Мне на Уолл-стрите *тоже несладко*».

Джон Пирпонт Морган-старший умер в 1913 году. На трон финансовой империи взошел его сын, Джон Пирпонт-младший. У американского сатирика Финли Питера Дэнна, создавшего бессмертный образ мистера Дулея, один ирландский народный мудрец изображает Моргана, дающего распоряжение своему приказчику: «Возьми немного мелочи из кассы — и купи для меня Европу».

Джон Пирпонт-младший на самом деле начал скупать Европу. Долгожданный час пробил, когда началась первая мировая империалистическая война. В 1915 году Морган стал уполномоченным правительств Англии и Франции по военным закупкам в Соединенных Штатах. Морган не жалел сотен миллионов для финансирования этих закупок в кредит. В марте 1917 года американский посол в Лондоне Пэйдж телеграфировал, что не может больше ручаться за моргановские займы союзникам. И месяцем позже американское правительство объявило войну Германии.

В годы, следовавшие за первой мировой войной, при поддержке Моргана был вызван к жизни итальянский фашизм, а затем, в тридцатых годах,— гитлеровский нацизм и японский милитаризм. Моргановские стальные и электрические монополии состояли в тесных картельных соглашениях с соответствующими монополиями стран «оси». Фашистская «ось» была буквально вскормлена и вспоена миллионами, которые щедро отпускали моргановские банки и корпорации.

«Моргановский человек» Томас Уотсон был первым американцем, отдавшим нацистский салют Адольфу Гитлеру и пославшим фюреру личное заверение в верности. Произошло это на конгрессе Международной торговой палаты в Берлине. Это был тот самый Уотсон, который первым начал расчищать для Эйзенхауэра тропу, ведущую в Белый дом...

* * *

Сейчас, после второй мировой войны, ни одно действие американского империализма, рассчитанное на развязывание новой войны, не обходится без самого непосредственного участия банкирского дома, находящегося на Уолл-стрите, 23. Атомная дипломатия, как и самое производство атомных бомб, — на всем этом нетрудно разглядеть и этикетку фирмы «Дж. П. Морган и К°». План Маршалла, агрессивный Атлантический союз, американские военные базы во всех концах света — все это задумано и пущено в ход Морганами в содружестве с другими левиафанами американского финансового капитала.

Запад Германии всегда был в глазах Моргана лакомым куском — достаточно вспомнить о Руре с его огромным военным потенциалом. И вот целая плеяда руководителей государственного департамента США, начиная от стального магната Стеттиниуса и продолжая Бирнсом, Маршаллом и Ачесоном, с успехом трудится над завоеванием Рура для дома Моргана. А от присвоения Рура идет прямая цепочка к плану Шумана, к созданию нового агрессивного вермахта, к боннскому «общему договору». Со всем этим, как известно, связаны имена таких верных людей Моргана, как генерал Клей, генерал Дрейпер, Макклой.

Ту же картину мы без труда можем разглядеть и в Японии. За время хозяйничания американских оккупационных властей ее посетила не одна группа американских бизнесменов. Еще в 1947 году туда прибыла «экономическая миссия», состоящая из следующих представителей интересов Моргана: Ф. К. Гарднера, вице-президента «Эбаско сервисез инкорпорейшн», строительной фирмы, обслуживающей моргановскую компанию «Электрик Бонд энд Шэйр»; Уолтера С. Файнлея-младшего, вице-президента «Д. Г. Уйат энжиниринг компани», одной из основных моргановских компаний, и Джорджа Хэмилл от подчиненной Моргану фирмы «Сандерсон энд Портер».

Основную роль в подготовке корейской авантюры играл моргановский «Нэйшнел сити бэнк». Еще во время оккупации Кореи японцами этот банк широко финансировал богатейшую японскую корпорацию, выступавшую под вывеской «Компании развития Востока» («Ориентал девелопмент компани»).

Эта фирма захватила в свои руки огромные земельные владения в Корее, как и значительную часть промышленных ресурсов страны. После разгрома Японии правительство Соединенных Штатов завладело «Ориентал девелопмент компани», переименовав ее в «Нью Кореа компани». Моргановский «Нэйшнел сити бэнк» вновь стал распорядителем этой компании. Переменилась только вывеска.

Во время японской оккупации минеральные ресурсы Кореи, особенно на Севере, контролировались «Ориентал консолидэйтед майнинг компани». В ней не последнюю роль играл некий инженер Самуэль Долбир из банка «Дилон Рид»; как только Южная Корея была оккупирована американцами, Долбир сразу стал «советником по делам горной промышленности» при марионеточном правительстве Ли Сын Мана. Надо ли говорить, что на этого «советника» была возложена определенная задача: подготовить возвращение минеральных богатств Северной Кореи моргановской «Ориентал консолидэйтед майнинг компани».

Когда войска Соединенных Штатов вторглись в Корею, мир был возмущен бесстыдным призывом американского министра военно-морского флота Фрэнсиса Мэттьюза. Он сказал:

«Мы будем выставлены перед миром истинной демократии в новом для него облике, в облике инициатора агрессивной войны. Это даст нам право называться гордым именем — «первого агрессора в интересах мира».

Мэттьюз отнюдь не являлся только министром из кабинета Трумэна. Он один из тех, кто представляет в государственном аппарате интересы Моргана. Мэттьюз — директор компании «Норс-вестерн велл телефон», подчиненной моргановской международной телефонной и телеграфной компании.

* * *

Когда в 1890 году умер Юниус С. Морган, его семья еще только создавала свою финансовую «империю». Через 23 года, когда умер Джон Пирпонт Морган-старший, созданный им финансовый спрут держал в руках почти всю американскую экономику. Но это было уже накануне общего кризиса капиталистической системы, порожденного первой мировой войной и Великой Октябрьской социалистической революцией. Когда в 1943 году умер Джон Пирпонт Морган-младший, его залитая кровью «империя» трещала по всем швам. Тогдашние союзники Моргана — нацистские и японские картели — находились в смертельном кризисе. Это было время, когда Сталинград превратился для человечества в символ надежды и лучшего будущего.

Сегодня дом Морганов и другие монополисты Уолл-стрита делают отчаянные усилия, чтобы надеть на человечество железное ярмо своей финансовой диктатуры. Но с каждым днем становится все яснее, что эра Морганов уходит. Человечество хочет мира, оно не хочет поэтому господства миллиардеров, фабрикантов смерти.

В ГОСТЯХ У МОЛНИИ

И. ДОНСКАЯ, С. ИКОННИКОВА

Фото С. Фридлянда

Щелкнул замок дверки, и легкая сетчатая кабина плавно двинулась кверху. Стальной трос, навиваясь на барабан, подтягивал ее все выше и ближе к большим металлическим шарам и пластинам... Непонятным сооружением, таящим в себе опасную силу, висят они под куполом здания. По сравнению с ними кабина выглядит маленькой и хрупкой. Достигнув нижнего ряда пластин, она остановилась.

Внутри кабины едва умещаются экспериментатор, профессор И. С. Стекольников, и аппарат, похожий на большую фотокамеру. Сквозь сетку видно: ученый окидывает еще раз взглядом всю установку, затем он отключает провод. Рвется последняя металлическая нить, протянутая к земле.

Стекольников подает команду. Торжественно звучит: «Приготовиться!» Техник кладет руку на рубильник. Привычное движение, совершенное много раз, сегодня требует усилия воли. В настороженной тишине слышно, как громко стучит сердце.

И вдруг ослепительная огненная стрела со страшным грохотом пронизывает пространство. Вырвавшись сверху, из источника искусственных молний, она обрушилась на кабину и, рассекая воздух, ударила в пол.

Оглушенные, ослепленные, люди замерли, они боялись взглянуть на кабину, где исследователь встретился с молнией. Жив он или испепелен? Ведь генератор импульсов — искусственная колесница молнии и грома — накопил заряд в несколько миллионов вольт и метнул его в кабину. По силе эта искусственная молния почти равна природной, а кому не ведома ее смертоносная сила?!

Трудно представить напряжение в несколько миллионов вольт! На многокилометровой линии электропередач ток бежит под напором в 100—200 тысяч вольт, и всякий, кто подойдет к линии, ощущает на себе его «дыхание»: на голове начинают шевелиться волосы, кончики пальцев покалывают невидимые иголки. Всюду предостерегающие знаки — череп с перекрещенными костями и надпись: «Смертельно!» Даже кроты не роют норок вблизи мачт, несущих гудящие провода.

А во время опыта незащищенный человек попал в сферу напряжения в несколько миллионов вольт, и ни толща металла, ни железобетон не стояли преградой между ним и огромным зарядом. Но вспомним птиц, щебечущей стайкой, словно ноты, сидящих на электрических проводах в то время, как по металлу мчится ток...

— Все в порядке! — раздался голос сверху.— Повторить!

И снова генератор импульсов мечет свои огненные жала.

Ни напряжение, ни ток не страшны при соблюдении одного обязательного условия: можно держаться за провод под огромным напряжением голыми руками, но... повиснув в воздухе. Малейшее соприкосновение с землей или слишком близкое приближение к ней — и смерть неизбежна.

Ежедневно нашу планету терзают своими жестокими ударами молнии, принося разрушения, убытки, вызывая жертвы. Ежесекундно в земной шар попадает сто грозовых разрядов, и, хотя распределяются они очень неравномерно, все же на каждый квадратный километр Европейской части Советского Союза приходится одна — две молнии в год.

Таким образом, любая постройка или энергетическая система, если их не защитить, могут быть поражены и частично разрушены. Задача состоит в том, чтобы даже самый сильный удар не мог принести вреда, а это значит изучить молнию, ее свойства, повадки.

Но как подобраться к ней, схватить, удержать, не пропустить тот короткий миг, когда она блеснет и тут же погаснет, увенчанная оглушительным раскатом грома? Грозе далеко не безразлично, где выпустить запасы своих зарядов. Чаще всего она грохочет во влажном, жарком климате. В безмолвных просторах Арктики ее нет, словно она боится замерзнуть от ледяного дыхания вечных снегов. Зато 220 раз в году гроза сверкает над вечно зеленым островом Явой, самой природой, казалось бы, предназначенным для лаборатории молний, но там они не изучаются.

Советские ученые сравнительно недавно заняли исходные позиции для атаки на молнию, требующей от большого коллектива, вооруженного высокой техникой, смелости, упорства, находчивости. Местом наблюдений они избрали районы Кавказа, куда примерно 60 раз в год налетает гроза.

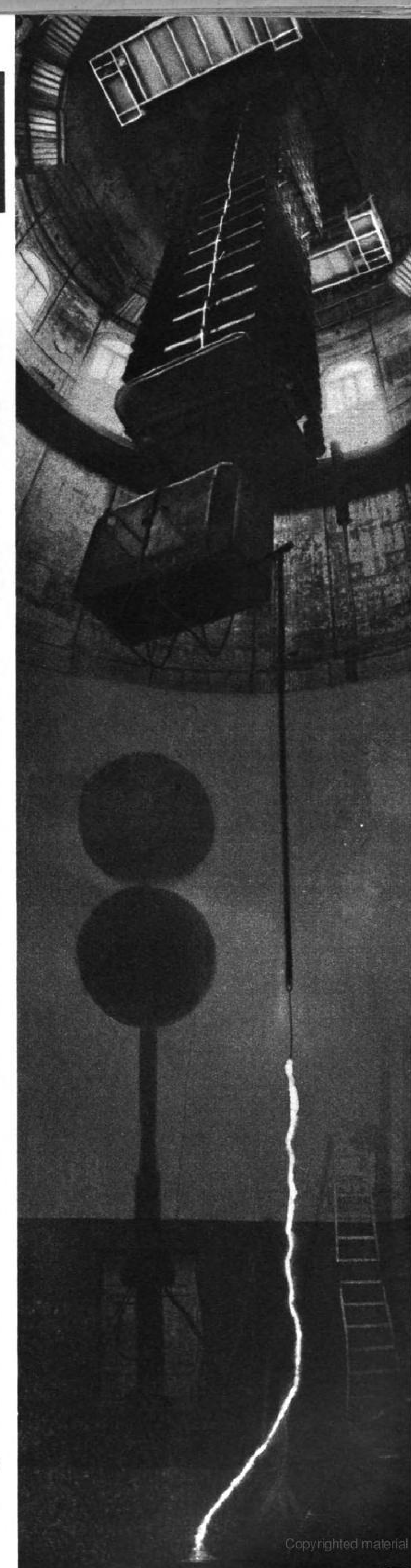
Ранней весной участники экспедиции, упаковав сложное и хрупкое оборудование, отправились из Москвы в дальнюю дорогу. Вот высоко в небе, сливаясь с облаками, повисли заснеженные вершины. На одной из станций пересадка. Паровозик узкоколейки прилежно пополз вверх, увозя в горы людей и драгоценный груз. Конечная станция, а цель еще далека. На выручку приходят волы. Они идут медленно, медленно, не считаясь с нетерпением естествоиспытателей, которые хотят скорее добраться туда, где на ровной площадке у подошвы снежных круч будет выстроена наблюдательная станция. Торопит и весна, хотя всюду еще лежит рыхлый снег. С каждым днем ярче сияет солнце, и вот-вот зажурчат быстрые, веселые ручьи. А там голубое небо заслонят белые легкие облачка, они сольются вместе, потемнеют, и огненные вспышки начнут чертить свой причудливый рисунок.

Люди возводят домик и окутывают его металлической сеткой, тщательно укрепленной в земле. Словно многопудовый якорь, удерживающий судно, сетка оберегает постройку от порывов ураганного ветра. Частокол молниеотводов защитит станцию от грозовых разрядов.

На специальных массивных подставках устанавливают круглые фотокамеры с несколькими объективами. Как многоглазые чудовища, стерегут они все небо, и ни одной молнии в пределах 10 километров не удастся во тьме ночной проскочить незамеченной.

В корпусе камеры быстро вращается фотопленка. Она-то и раскрыла ученым одну из тайн стремительного бега молнии. Каждый удар оставляет клин, очерченный двумя извилистыми линиями. Одна линия едва намечается, другая, гораздо ярче, в точности повторяет первую. Как это не похоже на ту молнию, которую мы видим простым глазом! За краткий миг своей жизни она пролетает два длинных пути: из тучи до земли и обратно к туче.

Нелегко дается это молнии! В пуховой колыбели облаков растет и крепнет ее заряд. Накопив достаточную силу, он старается проткнуть толщу воздуха. Мириады частиц — молекул — встают сомкнутым строем, почти непреодолимой преградой между зарядом и землей. Ожесточенно, стремительно протекает эта битва, названная учеными лидерной стадией развития молнии. Высылая бесчисленных разведчиков — небольшие заряды, которые

Искусственная колесница молнии и грома мечет огненные стрелы.

ищут наиболее уязвимые места в воздушной броне,— лидер дробит встреченные частицы, создает проводящий канал и стекает по нему.

Растратив запас энергии на схватку с молекулами воздуха, обессиленный лидер достигает цели, но его удар не страшен постройке, линии. Где же таится сокрушающая сила молний? Тлеющий шнур, соединенный с пороховым зарядом, сам по себе не может причинить большой беды, но он прокладывает опасный путь огня к пороху. И в момент, когда лидер коснется земли, из нее вырвется громадный заряд. Как бы приняв эстафету, он с невероятной скоростью мчится обратно к облаку по проторенному руслу, образуя основной канал.

Обладая колоссальной мощностью, этот канал раскаляет частицы воздуха до десятков тысяч градусов, и он светится, как струйка расплавленного металла. Сожженные деревья и животные — жертвы заряда молнии, летящего из земли в небо. Не сверху разит удар, а снизу.

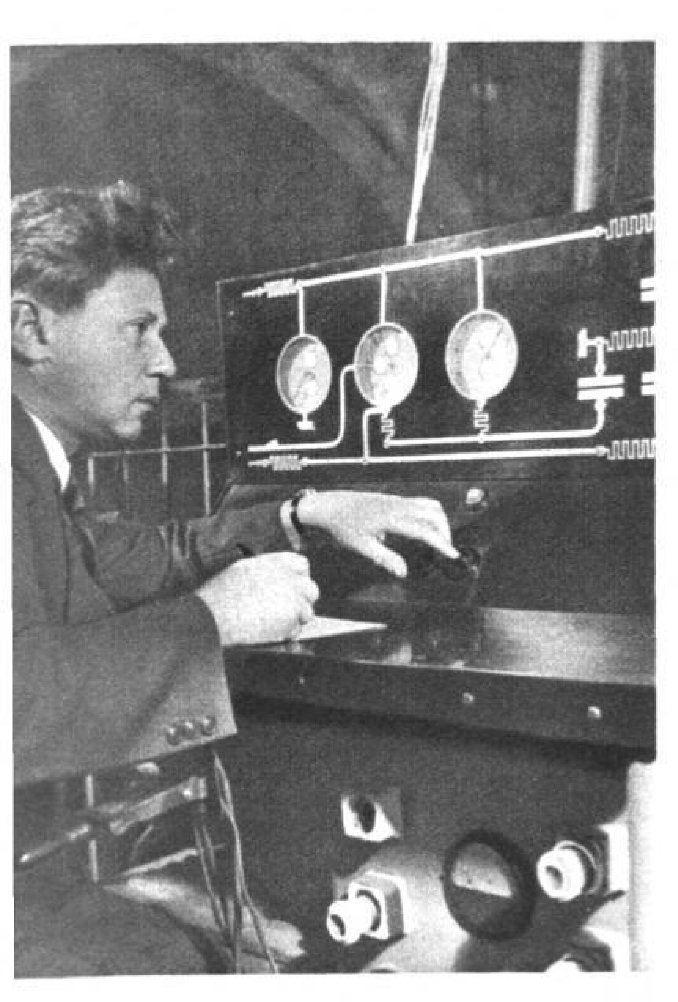
Остроумные аппараты разделили, казалось бы, неразделимое: лидер и основной канал. Сетчатка оптического глаза — вращающаяся фотопленка — сохранила оттиск молнии, которая 33 раза подряд повторяла свой путь по одному и тому же каналу.

Высокогорные экспедиции наблюдали ее в природе только со стороны. Но этого было мало. Требовалось проникнуть прибором внутрь, узнать самые сокровенные свойства молнии. Долгое время это представлялось недостижимым. Однако маленькая обыкновенная искра послужила трамплином. Если искрит выключатель, или с дуги трамвая дождем сыплются искры, или под огненной струей электросварки плавится металл,— все это миниатюрные модели небесной гостьи.

Ученые вырастили эту малютку до размеров природной. Мощный источник искусственных молний — генератор импульсов — позволил метать их в любом месте и количестве.

Осциллограф — микроскоп времени, — установленный в кабине, способен показать, что происходит за стомиллионную долю секунды. Во время смелого опыта его электронный луч, словно выжатой из тюбика краской, прочертил лидер на матовом стекле экрана.

Другие приборы замеряли скорость лидера в воздушной толще, помогали уяснить, от каких условий зависит его извилистый путь. Советские ученые, разместившись внутри молнии, впервые в науке детально изучили лидерный процесс развития молнии.

Лауреат Сталинской премии профессор И. С. Стекольников у пульта управления генератором.

Но основной канал — грозное оружие молнии — так непостижимо стремителен, что до последнего времени ускользал от исследователей. А для грозозащиты именно его изучение наиболее важно.

Вот на ночном небе неожиданно вспыхивает летящий круг световой рекламы. Огненный обруч, словно раскрученный невидимой рукой, бешено вращается в темноте. Никто не заметит, что эффект достигается последовательной вспышкой размещенных по кругу лампочек. Они загораются и гаснут так быстро, что наш глаз не в силах этого увидеть.

Оптический глаз фотоаппарата, открываясь на сотые доли секунды, наглядно показал бы этот обман зрения. Один за другим кадры пленки запечатлели бы, как зажигаются лампочки. Однако скорость прохождения заряда в основном канале превышает остроту зрения даже самого совершенного аппарата.

Доктору технических наук профессору И. С. Стекольникову удалось создать остроумное приспособление, которое как бы по частям засекло основной канал. Поставив сосуд с зеленоватой жидкостью нитробензола перед объективом, ученый заставил работать ее как затвор. В момент начала разряда генератора импульсов на миллионные доли секунды открывается доступ яркого света основного канала к фотопластинке. Тут же специальное электрическое устройство перекрывает путь свету, как бы обрубив часть канала, который продолжает свой полет в воздухе. Серия снимков позволила ученым рассмотреть основной канал, этап за этапом.

Было известно, что молния отнюдь не слепо сеет свои удары. Но почему ее стрела щадит сухое дерево, одиноко растущее на холме, а вонзается в берег речки, протекающей у его основания, оставалось нераскрытым. Ударив во влажный песок, она оставляет свой след: от высокой температуры спекаются песчинки в необыкновенные трубки — фильгуриты, — сделанные «небесным гончаром». Из двух мачт одинаковой высоты молния попадает в металлическую, минуя деревянную. Очевидно, что она поражает по выбору.

И. С. Стекольников решил в лаборатории выяснить «вкус» молнии. Прямо под генератором импульсов создали высокий песчаный холмик, а в стороне сложили холмик из глины намного ниже. Куда попадет молния? Повидимому, в ближайший: ведь она с таким трудом прокладывает путь в воздухе и, конечно, изберет наикратчайшее расстояние. Но серебристая змейка, сделав бросок, врезалась в глиняную пирамидку. Как в воздухе она ищет наиболее проходимые слои, так, и подходя к земле, она устремляется к той почве, которая лучше проводит ток.

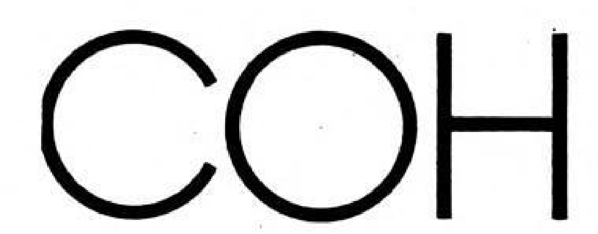
Проверив это на многих опытах и в различных условиях, И. С. Стекольников, удостоенный за свои труды Сталинской премии, создал теорию избирательной поражаемости молнией.

До недавнего времени выбор молниеотводов и их расположение не опирались на серьезные научные данные. Лишь «пригласив» молнию в лабораторию, стало возможно совершенно определенно проверять любое сооружение на грозозащиту, подвергая его макет ударам искусственных молний.

Так создается безопасность этажей высотных зданий, мостов, сотен километров трасс электрических проводов. Так будет обеспечена неуязвимость будущей высоковольтной энергетической системы, объединяющей существующие источники электрической энергии воедино, гигантов — Куйбышевской, Сталинградской, Каховской гидроэлектростанций.

Советская наука показала верный путь покорения молнии, атакованной со всех сторон. Кажется, что нет загадок в ее поведении. Однако это не так. Многое нуждается в новых исследованиях и новых теориях. Не найдено всестороннего объяснения того, как образуются и размещаются электрические заряды в грозовом облаке. Ждет своей разгадки шаровая молния, огненным мячом плывущая по воздуху, иногда залетающая в дома.

Но молния уже схвачена. На пути к земле ее подкарауливают хитроумные засады электронных и других измерительных аппаратов, жерла объективов. И недалеко то время, когда она будет полностью разгадана.

СОН

Рассказ

Из цикла «Современники»

Б. ПОЛЕВОЙ

Рисунок О. Верейского

В знойный летний день я шел по плотине, подпиравшей большое водохранилище.

Плотина эта как бы разрубала пейзаж на две равные части, полные самых вопиющих противоречий. Справа от нее, далеко, насколько доставал глаз, зыбилась на солнце зеленоватая прозрачная волна, чуть подпушенная нежнобелыми барашками. Слева, тоже до самого горизонта, простиралась плоская степь. Она лежала ниже воды, и на ее ровном тусклозеленом фоне то здесь, то там желтели незажившие рваные раны, нанесенные ковшами скреперов.

Над водой кружили чайки, то падая, то вздымаясь в ветровом потоке; вдали, подпрыгивая на волне, плавала пара чирков. Вода разливалась так широко и привольно, что, глядя на нее, невольно думалось, будто озеро это вечно плескалось здесь, отражая в своих водах неутомимо сиявшее солнце. Но стоило взглянуть в другую сторону, как сразу становилось ясно, что и волны, и чайки, и чирки, и вся эта большая вода пришли совсем недавно, и пришли не сами, а приведены созидательной волей человека.

Даже воздух и тот был здесь противоречив. Он влажен и свеж, но вместо сырости водорослей отдает терпкими ароматами полыни, чебреца и иных степных трав, растущих обычно на сухой, потрескавшейся, бедной влагой земле.

Плотина была совершенно пустынна. Белые легкие башни насосной станции, поднимавшиеся над ней в зыбком полуденном мареве, казались не настоящими, а плавающими в мираже. Лишь возле бетонного водослива, на откосе, у самой воды, темнела неподвижная человеческая фигура. Приблизившись, я рассмотрел молодого плечистого парня, с кудрявой, меднорыжей головой. Охватив руками колени, он следил за тем, как с аппетитным нарзанным шипением накатывали на берег одна за другой маленькие волны.

Возле него лежали туго набитый и аккуратно завязанный брезентовый вещевой мешок, из тех, какие солдаты называли на фронте «сидорами», пообтертый ящик патефона и новенькая, совсем еще не обмятая фетровая шляпа.

— Рыбу ловите?

Парень с явной неохотой оторвал от воды взгляд больших белесых глаз, настороженно смотревших из-за длинных, совершенно выгоревших на солнце ресниц.

-- Кто это позволит ее здесь ловить, рыбу; тут рыбу разводят.— Помолчал и точно бы для себя добавил: — Прощаюсь... Уезжаю вот, машину жду. Застряла где-то окаянная машина, чорт бы ее совсем побрал!

Он не возбуждал с первого взгляда симпатии, этот хмуроватый, плечистый, рыжий человек. Но я тоже ждал машину, которая вот-вот должна была появиться на степной дороге, и потому присел возле, на каменную облицовку откоса, нагретую солнцем.

— На новую стройку переезжаете?

— Зачем? К себе в эмтээс. Срок мой истек. Хлеба-то вон они какие, скоро убирать... Комбайнер я, понятно?

— Ну, а сюда сооружения поглядеть приезжали?

— Зачем! Нашел экскурсанта... Работал

здесь на монтаже, в бригаде товарища... Да что я вам называть буду, все равно, видать, не здешний, наших людей не знаете.

— Как же так? Комбайнер и монтажник — очень уж разные профессии.

— А вот так, как есть! Для человека с головой ни одно дело не закрыто. Была бы башка на плечах да охота — всему научиться можно. У нас вон в монтажной бригаде даже бывший парикмахер был. А я комбайнер. Тут металл, там металл, тут механика, там механика. Мне легко.

Чесанув пятерней медные свои кудри и озоровато блеснув белесым глазом, он добавил, усмехаясь:

— У нас в эмтээсе тоже вот нашлись такие-то: куда ты, мол, поедешь от своего комбайна, какой от тебя там прок?.. Ну, и прочее разное в этом роде. Тут, мол, тебе и слава, и почет, и трудодни, и девки с ума сходят, а там затеряешься, как иголка в стогу. Сиди, мол, дома, чего тебе тут не хватает? А я вот не затерялся, с двумя грамотами да с благодарностью в приказе домой вертаюсь.

— Не хотели пускать?

— А как же! Я у них там на всю зону самый что ни на есть передовой. Я им человек во как, позарез нужный. Ну, они за меня и взялись: и миром, и лихом, и уговором, и угрозой — не пустим, и все. «Там и без тебя строителей хватит, рыжих твоих вихров там не видали!» А я вполне конкретно, уперся и ни в какую: мне эта стройка так в сердце въелась, точно по девке, сохнуть начал. «Уйду, и все, жить не стану, коли там всласть не работну...» Отговаривали меня наши эмтээсовские, отговаривали, можно сказать, целым общим собранием, потом директор не устоял, плюнул: «Шут с тобой... хлеб уберешь и катись, отпускаю до будущего урожая».

Ну, он-то разрешил, это ладно, а ребята, товарищи-то мои, комбайнеры, трактористы, эти нет, ни в какую. Эти: «От ремонта бежишь, неохота с ключом под машиной лежать, пенкоед!» А один, бригадир наш, Василий Парфеныч, этот и вовсе чорт-те что заподозрил. Стал я прощаться, а он свои руки назад. «И руки тебе,— говорит,— не дам и доброго пути не хочу желать тому, кто от родного дела да за длинным рублем пускается».

Длинный рубль! А у меня вон еще позапрошлогодний хлеб лежит, на трудодни полученный. Разве все съешь? На базар тащить совестно — девать некуда... И ладно бы, какой-нибудь там барабошка это сказал, а ведь нет, старый партиец, да хоть бы один на один, а то при всей мастерской, и нарядчица наша Надя тут была... Так мне от этих слов его обидно стало. «Ладно, — говорю, — ребята, вот будущим летом к вам вернусь, море за собой в степи наши приведу, станете у меня прощенья просить, не прощу вам этого разговора». Дверью бац — и в путь.

Парень сидел, покусывая травинку. Он не смотрел в мою сторону, а куда-то вдаль, где зеленоватая вода сливалась с таким же серо-зеленым небом. Должно быть, он испытывал сейчас ту неудержимую страсть все рассказать незнакомому человеку, то властное желание с кем-то поделиться пережитым, какое приходит в иную минуту к самым замкнутым людям.

— Н-да, а ведь скажу вам по совести, чуть не сбежал с канала обратно. Да, да, вы что думаете! Это ведь в газетах читать хорошо, как смонтировали агрегат за месяц до срока, а работать тут не всякому по разуму. Я у себя и комбайнер хороший и в слесарной не последний человек, но это эмтээсовская мастерская. А тут вон оно все какое: вверх взглянешь — шапка валится. И комбайн наш — степной дредноут, как у нас в районной газете один все пишет,— он, если его со всем этим рядом поставить, букашка не букашка, а так... жучок. И обратно работа... Это ведь я так бреханул, что, мол, монтажники и комбайнер — чуть ли не соседи: там металл, тут металл... Как же, держи карман шире! Металл-то металл, а габариты разные, все равно, что хедер и серп...

Ну, в отделе кадров меня легко оформили, когда я им все свои грамоты вывалил. Благословили, как с механикой человека знакомого, прямо на монтаж в бригаду к одному тут дяде, украинцу, знаменитому человеку, который еще за Днепрострой орден Ленина имеет Вот с орденоносцем-то с этим у меня и началось. Мастерище он, верно, знаменитый, такого другого, может, и вовсе нет, но характер у него, авторитетно вам заявляю, прямо автогенный: чуть что — взрыв... А, главное, все ему на свете просто, и никак он в толк не хочет взять, что люди-то разные, по-разному, в разные сроки понятия к ним приходят. И еще он, вроде меня, и во сне стройками коммунизма грезит... Страшно переживал, когда кто хоть маленько ошибется. Так бывало, как котенка, носом и ткнет.

Ну, я терпел-терпел да и не стерпел, схватился с ним. Говорю: «Если у тебя орден, так тебе и задаваться можно!» У меня, мол, у самого трудовое знамя, только я его не ношу, я, мол, лучший комбайнер в районе и орать на себя не позволю. Как он взовьется! «Ты,— говорит,— такой-сякой, где: на стройке коммунизма, на монтаже, или в артели «Напрасный труд» примусные иголки чинишь? Тебе,— кричит,— доверие оказали, взяли сюда, а ты мне бригаду разлагаешь?» — И прямо ляпает мне:— Демагог!» «Хочешь,— говорит, — дальше работать — слушайся, учись, день учись, ночь учись, без отдыха и срока, и характер,— говорит, — свой спрячь подальше. С рыжим волосом тебя в бригаде своей стерплю, а с рыжим характером мне не надо».

И решил я, раз такое дело, в тот же день уходить. А что, действительно, каково, когда после почета да эдак-то с тобой разговаривают! Так меня потянуло назад в МТС, будто лучше и места нет на свете. Думал-думал ночью: и так нехорошо, и эдак неладно,— и, как ни прикидывал, все выходило: не иначе как на следующее утро идти к прорабу насчет увольнения. С тем и уснул.

И, понимаете ли, дело какое, сплю я и вижу во сне: являюсь будто бы к себе в мастерскую. Явно так все вижу: и Василия Парфеныча, и Надю-нарядчицу, и всех наших ребят. Вхожу я и говорю: «Здравствуйте, товарищи! По всему видать, у вас тут без меня запарка, вот на помощь к вам и прибыл». И вижу, никто что-то со мной не здоровается и все будто смотрят не на меня, а куда-то мне за спину. Оглянулся, позади дверь открыта, за дверью степь, снега синеют... Спрашиваю: «В чем дело? Куда смотрите?» А Василий Парфеныч будто интересуется: «А где же море, что ж ты его к нам не привел? Аль кишка тонка, не выдержал!» И все смеются, а Надя-нарядчица пуще всех. И такой у нее смех обидный, будто иголками меня колет...

Проснулся я в испарине, точно с банного полка свалился. Ведь пригрезится же такое! А дальше так глаз и не закрыл.

Ну, а на следующее утро отыскал я бригадира своего знаменитого, отвел его в сторонку, извинился за вчерашнее, обещал рыжий мой характер не обнаруживать и учиться обещал всему, как он укажет. «Хоть за электродами,— говорю,— в кладовку бегать, а только в бригаде оставь». Оставил, и не зря, не жалел потом... Хвалиться не стану, в первой пятерке среди монтажников был; как где что заест, бригадир туда меня: исправляй, раскумекивай. Там, у шлюза, и сейчас на почетной доске физиономия моя красуется. Да дело и не в том, не впервой мне на почетной-то доске сидеть. Главное, что со стройки к себе в МТС возвращусь с таким багажом, что этот-то багаж перед ним тьфу.

Он пренебрежительно плюнул в сторону туго набитого вещевого мешка.

— Длинный рубль! Я вернусь, покажу им длинный рубль, будут знать, как над человеком смеяться: ха-ха, хи-хи! Я им одних благодарностей четыре штуки выложу да телеграмму министра, где мое имя помянуто с положительной стороны... Длинный рубль! У нас, у комбайнеров, он, может быть, и подлиннее, да разве тут в заработке дело?..

Где-то внизу на дороге гудела сирена. Запыленная полуторка неистово сигналила явно моему собеседнику, но тот разговорился и будто не слышал ее. Тогда шофер, должно быть, обиженный таким невниманием, дал протяжный, бесконечный гудок.

— Чорт! Аккумуляторы посадит... Слышу, слышу!.. Соскучились!

Сильным рывком собеседник мой взвалил за спину мешок, подхватил патефон и на самый затылок насадил свою щегольскую велюровую шляпу.

— А море? — напомнил ему я.

— Море? Вон они, мои моря, и это, и другое, и третье... Море меня опередило. В газетах читал, будто в наш район не отсюда, а аж из самого Цимлянского вода по оросительному еще весной прошла. Не с пустыми руками возвращаюсь... Ну, бывайте здоровы!..

Пружинистым шагом сбежал он с высокого откоса туда, вниз, где стояла полуторка, седая от пыли. Внизу, у береговой кромки, где давеча сидел монтажник-комбайнер, остались следы его тяжелых кованых сапог. Зеленоватые волны, упрямо набегая, казалось, стремились их смыть, но не могли до них доплеснуть.

И я подумал, что не только волны, но и время бессильно сгладить следы таких людей.

Автор, его герои и друзья

В апреле этого года Андрэ Стиль заявил на страницах журнала «Этюд совьетик», что невозможно испытать радость, более сильную и глубокую, чем та, какую он познал, став лауреатом премии, носящей имя великого Сталина. «Вместе со мной,— сказал писатель,— Сталинскую премию получили многие люди — положительные персонажи награжденного романа «Первый удар». Ибо эти персонажи не вымышлены. В них отражены черты миллионов людей, которые повсюду вокруг нас решительно дают отпор войне... Как же не гордиться вместе со мной Сталинской премией тысячам людей, которые в самой жизни борются, подобно героям «Первого удара» — Анри и Полетте?»

Дальнейшие события показали, как глубока и прочна связь выдающегося писателя с героями и читателями его произведений — с трудящимися Франции.

Именно потому, что в творчестве Андрэ Стиля, художника и публициста, выражены чаяния и устремления широчайших масс, именно потому, что писатель вдохновенно говорит народу правду, правители Франции, которые ненавидят народ и правду, незаконно арестовали автора «Первого удара». Они, как справедливо отметил французский адвокат Норман, считают опасным талант Андрэ Стиля. Но народу дорог этот молодой, смелый, сильный талант. Народ добился освобождения писателя. И теперь, когда читаешь вторую часть трилогии «Первый удар» (опубликованную в журнале «Новый мир»), невольно рядом с героями этого романа видишь и автора: писатель Андрэ Стиль и безработный докер Анри Леруа плечом к плечу борются за мир, и если Андрэ Стиль своими произведениями вдохновляет на эту борьбу множество таких людей, как Анри, то и эти простые люди, в свою очередь, дружно встали на защиту писателя, из рук которого враги французского народа пытались вырвать его честное, правдивое, гневное перо.

В конце первой части трилогии семьи докеров переселяются из полуразрушенных лачуг в пустующее здание школы, не дав захватить его американским оккупантам. Действие второй части, начинающееся на другой день после этого события, происходит в конце декабря 1950 года. С первых же страниц писатель снова воссоздает грозовую атмосферу, в которой живет французский народ, ведущий борьбу за свободу, за родную землю. Полиция оцепляет школу, чтобы вышвырнуть семьи докеров на улицу. Но, узнав, что рабочие готовятся к большой демонстрации протеста, супрефект изменяет план действий. Полиция задумывает провокацию — взрыв американских военных материалов — с целью обвинить во взрыве коммунистов и бросить в тюрьму секретаря секции компартии Анри Леруа.

О планах полиции случайно узнает старик Андреани. Он крайне далек от рабочей среды, он никогда не видел Анри Леруа. Но он, честный француз, должен помешать этой подлой провокации. Думал ли прежде старик, что настанет день, когда он пойдет не к представителю закона, не к комиссару полиции, чтобы предупредить о готовящемся преступлении?.. Поздним вечером отправляется он к коммунисту Анри Леруа и, сообщив ему, что комиссар полиции задумал кровавое преступление, помогает разоблачить провокаторов, предотвратить взрыв и арест Анри.

В этом небольшом эпизоде, каких много в романе, не только отражена напряженность ожесточенной борьбы между передовыми людьми Франции и поджигателями войны, но и содержится точная характеристика борющихся сторон: те, кто служит оккупантам, ненавидят народ и, чтобы его предать, готовы на любые преступления, а рабочий класс отстаивает демократию, защищает интересы народа, собирает вокруг себя всех честных людей. В романе множество сюжетных линий, которые подчинены прежде всего теме партии, помогают ее глубокому раскрытию. Мы видим, какой огромной силой являются преданность партии, активность, принципиальность, моральная чистота, бдительность таких людей, как пожилой докер Жером Бувар, Анри Леруа, его дядя Эдгар; мы видим, как партия Мориса Тореза учит народ по-настоящему защищать свои права.

Для того, чтобы докеры, ведущие борьбу и с оккупантами и с нищетой, отстояли свои права на светлый, просторный дом, необходимо, говорит Анри, успешно решить главную задачу. Нужно не допустить разгрузки корабля с американским вооружением, прибытие которого в порт ожидается со дня на день. Первый удар, утверждает Анри, может оказаться решающим. Оккупантам нужен порт. Если они убедятся в том, что патриоты не позволят им использовать порт, они перестанут добиваться эвакуации гражданского населения из этого района. Тогда и докеры, и заводские рабочие, и крестьяне останутся в своих домах.

Такую тактику и осуществляют патриоты. Они бдительны, и нет такого рабочего, который опозорил бы себя, выгружая американское оружие... Первая же выгружаемая пушка оказывается на дне моря. Так патриоты наносят первый удар, о котором говорил Анри. На этом кончается вторая часть трилогии.

Франсуа Бийу писал в предисловии к «Первому удару», что читатель найдет в романе прекрасное, правдивое изображение жизни низовой организации Французской компартии. В центре этой картины типичный образ партийного работника-активиста Анри Леруа.

Один из руководителей Французской коммунистической партии, Э. Фажон, в докладе на пленуме ЦК ФКП в июне 1952 года сказал: для того, чтобы объединить самые широкие массы населения в борьбе за мир, нужно обладать «пламенным сердцем, но ясной головой и спокойными нервами». Именно так стремится поступать Анри Леруа. Он знает, что для трудящихся района он, молодой рабочий, лишь недавно начавший руководить секцией компартии, является носителем авторитета партии, ее разума. Он непрестанно, трезво проверяет и придирчиво критикует себя. Анри знает, что он сумеет объединять, воспитывать людей — коммунистов и беспартийных, рабочих, крестьян, интеллигентов и торговцев,— сумеет отвечать на все сложные вопросы и вырабатывать тактику борьбы, единственно правильную в местных условиях, лишь в том случае, если сам будет расти. Почти каждый вечер сидит Анри над книгами и журналами. Он испытывает удивительное состояние счастья в те часы, когда сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мориса Тореза помогают ему все глубже проникать «в самую суть вещей». И он несет народу это знание, указывающее верный путь.

Задушевно - лирически, с чудесным юмором рассказывая о любви и дружбе Леруа и его жены, писатель показывает, как Полетта растет вместе с Анри, становится хорошим пропагандистом.

Широко используя формы диалога и внутреннего монолога, раскрывая особенности характеров героев при помощи выразительных деталей, писатель показывает, как патриотизм передовых людей Франции, их чувство ответственности за будущее родины, их самоотверженность превращаются во все более грозную для врагов силу, как героика борьбы за мир и свободу все более входит в быт этих людей и как в них по-новому расцветают лучшие черты французского национального характера.

Андрэ Стиль в своем выступлении о путях развития французской прогрессивной литературы сказал, что она, «учась у являющейся лучшим образцом», самой передовой советской литературы, идет к расцвету. Идейные и художественные достоинства романа Андрэ Стиля как нельзя лучше подтверждают правоту писателя.

Я. ФРИД

Андрэ Стиль. История с пушкой. Роман. «Новый мир». 1952. №№ 8—9.

Патриот русского искусства

«Знаете, на каких условиях я соглашусь написать портрет Сергея Михайловича? — писал Репин основателю известнейшей картинной галереи П. М. Третьякову о портрете его брата.— Если Вы дадите мне возможность написать Ваш. Тогда я сделал бы два портрета одной величины, и Ваш портрет я сделал бы как вклад в Вашу галерею, безвозмездно».

А вот отрывок из письма Крамского:

«...единственный адрес, мне, да и всем мало-мальски думающим русским художникам, известный, один — это: Лаврушинский переулок...»

Москва, Лаврушинский переулок—это адрес картинной галереи Павла Михайловича Третьякова, переданной им в дар родному городу.

Основателю замечательного собрания отечественной живописи, скульптуры, графики посвящается книга «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве», вышедшая в издании Государственной Третьяковской галереи. Книга написана Александрой Павловной Боткиной, родной дочерью собирателя. О Третьякове много писалось в мемуарной и искусствоведческой литературе. Прекрасные страницы воспоминаний посвятил ему Нестеров, характер Третьякова-патриота и любовь к нему художников раскрываются в эпистолярном наследстве Крамского, Репина, Поленова, Верещагина. О Третьякове тепло писал Стасов. Однако книга А. П. Боткиной представляет собой первое обширное описание всей жизни выдающегося деятеля русской культуры. Автору удалось собрать и систематизировать огромное количество самого разнообразного материала (писем, дневников, воспоминаний), ранее неизвестного.

«С полной ответственностью заявляю, — говорил Нестеров на похоронах В. М. Васнецова, — что в России не было бы ни Сурикова, ни Васнецова, если бы не было Павла Михайловича Третьякова». Эти слова в значительной степени верны. Третьяков оказывал исключительную помощь художникам. Его взаимоотношения с ними не строились по принципу отношений продавца и покупателя. Все художники знали, что Третьяков лишь формально приобретает картины для себя, а на самом деле для той национальной галереи, которой уготовано великое будущее. Известны многочисленные факты, когда художники назначали за свои произведения одну цену, а для Третьякова цена была другая, меньшая. Всю свою жизнь Третьяков поддерживал в искусстве прогрессивные, демократические тенденции. Отсюда крепкая, нерушимая дружба его с передвижниками, которая подробно описывается в книге, отсюда поддержка Третьяковым еще молодых Сурикова, Васнецова, Репина, Левитана и многих, многих других.

Эстетические взгляды Третьякова совпадают с тем, что проповедовали Крамской и Стасов. Так, о пейзаже еще в 1857 году Третьяков писал: «Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес...» Вместо этого Третьяков хотел увидеть обыденную русскую природу, «... да чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника».

Книга А. П. Боткиной носит мемуарный характер. Автор ее сумел нарисовать яркие жизненные образы как самого Павла Михайловича Третьякова, так и его друзей — художников, музыкантов, писателей. Книга читается с большим интересом. И когда знакомишься с главой, где повествуется о передаче галереи городу Москве, то невольно проникаешься гордостью за человека, который еще в начале своего славного пути заявил:

«...для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу...»

Э. БРАГИН

А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. Издательство Государственной Третьяковской галереи. М. 1951. 310 стр.

Коротко о книгах

Выпускаемая Гослитиздатом литературоведческая серия вызывает законный интерес у советского читателя. За последнее время появились книги Н. Вильмонта о Гете, Ю. Данилина о Мопассане, очерки А. Пузикова о Бальзаке и В. Николаева о Гюго.

Книга М. Бобровой «Марк Твен», недавно вышедшая последней в этой серии, посвящена одному из самых замечательных критических реалистов Америки, который избрал своим оружием беспощадную политическую и социальную сатиру.

Современная буржуазия час от часу все больше страшится сатириков XVIII и XIX веков, разоблачивших буржуазное общество еще в пору его молодости: ни один из прежних пороков не исчез, напротив, они усугубились. Характерна травля, которой подвергается по сей день Джонатан Свифт, изобразивший буржуа в образе звероподобного «йэху» и объявленный за это «человеконенавистником». Комедии молодого Фильдинга объявляются «бездарными» за то, что в них великий сатирик XVIII века разоблачил бесчеловечность законов буржуазного общества.

Марк Твен (1835—1910) — один из тех писателей, вокруг творчества которых развернулась острая борьба. Книги его изымаются из американских библиотек. Не в силах предать забвению талантливого сатирика, популярного в народе, буржуазные исследователи пытаются представить его беззлобным юмористом, в лучшем случае критиком отдельных недостатков человеческой природы «вообще». Но прогрессивные писатели справедливо считают его одним из своих учителей. «В камере судьи Медины этому любимейшему из американских писателей пришлось бы туго»,— сказал о Твене прогрессивный американский журналист Самюэль Силлен.

В книге М. Бобровой собран большой материал, рисующий Марка Твена как человека из народа, оставшегося верным ему до конца своих дней. Подробный анализ романов о Томе Сойере и Гекльберри Финне раскрывает перед читателем антибуржуазную направленность раннего творчества Твена. Главы «Две Америки в романах Марка Твена 80-х годов», «Против церкви и «монархии денег», «Марк Твен — обличитель кровавого американского империализма» показывают нам, с кем был Марк Твен, кого он считал врагами американского народа.

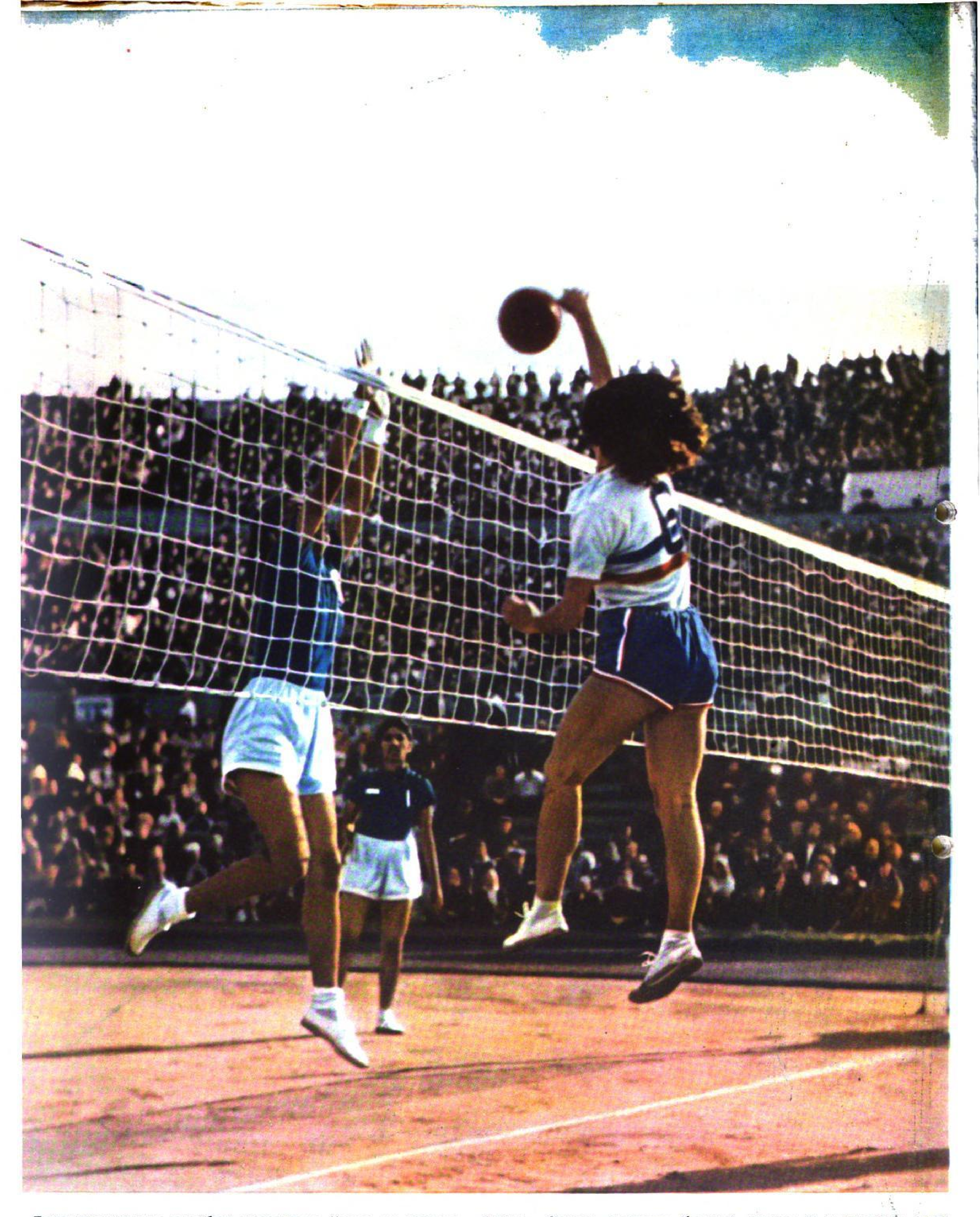
Передовые круги русского общества XIX века быстро оценили замечательного сатирика. Роман Твена и Уорнера «Позолоченный век» уже в 1874 году был напечатан в «Отечественных записках» (во главе журнала тогда стоял Салтыков-Щедрин). В предисловии говорилось, что роман «представляет такое обличение мрачных сторон американской жизни, которое могло раздражить до исступления квасной патриотизм... американцев». Сочинения Твена быстро нашли своего читателя, и имя его завоевало известность в России.

Советский читатель высоко ценит выдающегося американского сатирика. Об этом наглядно говорят большие тиражи, которыми выходят его книги.

Сборная мужская команда Советского Союза, выступая в состязаниях на первенство мира по волейболу, не имела ни одного поражения. На снимке: момент встречи советских и болгарских волейболистов. Капитан команды СССР В. Ульянов (№ 5) готов сейчас послать мяч на противоположную сторону площадки. Слева от него — М. Пименов, справа — А. Якушев.

Фото М. Боташева

Первенство мира по волейболу проходило в Москве на стадионе «Динамо». Зрители проявляли большой интерес к выступлению юной команды индианок.

На снимке: момент состязания между женскими командами Индии и Франции. Волейболистка М. Габаррюс (Франция) посылает мяч на площадку индианок.

На сцене литературные герои

А. КУЗНЕЦОВА,
директор 65-й женской школы Киевского района г. Москвы

Для людей, которым доверено трудное и благородное дело воспитания молодого поколения, незаменимым подспорьем оказываются книги, вообще занимающие чрезвычайно значительное место в жизни педагога. Когда мы видим в руках учениц том Пушкина или Некрасова, Толстого или Горького, Маяковского или Николая Островского, мы знаем: часы, проведенные с этой книгой, скажутся, они наложат неизгладимый отпечаток на характер школьницы, ее жизненные устремления. К числу таких книг относится и знаменитый роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Роман Чернышевского, которым зачитывалось не одно поколение революционеров - большевиков, был любимой книгой Владимира Ильича Ленина. О впечатляющей силе центрального образа — революционера Рахметова — с восхищением писал Георгий Димитров. Зоя Космодемьянская называла Рахметова своим любимым героем. Книга Чернышевского и сегодня способствует воспитанию в нашем юношестве стойкости, принципиальности, мужества.

В последнее время все чаще стала появляться эта книга в руках учениц нашей школы. В школьной библиотеке на нее вот уже несколько месяцев постоянный спрос. Для девятых классов это не удивительно: Чернышевского они изучают в курсе литературы. Но девятиклассницы вынуждены отвоевывать желанный том Чернышевского и у учениц 7-х и 8-х классов и у выпускниц, в прошлом году уже читавших его, а теперь вдруг снова увлекшихся судьбой Рахметова, Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны.

«Новые люди» по роману «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Постановка Государственного театра имени Ленинского комсомола. Лопухов — артист А. Бобров (справа) и Кирсанов — артист Д. Иванов.

Рахметов — артист Г. Карнович-Валуа.

Причина следующая: недавно ученицы нашей школы побывали вместе с педагогами на спектакле Театра имени Ленинского комсомола «Новые люди», представляющем собой инсценировку романа «Что делать?». После этого о спектакле и о романе много и увлеченно говорили в классах в часы обычных еженедельных собеседований с руководителями. Герои Чернышевского, получившие на сценических подмостках верное и выразительное воплощение, оказались в центре внимания почти всей школы.

Педагоги наши давно привыкли высоко ценить те возможности воспитательного воздействия, которыми обладает театральное

Финальная сцена. Рассказ Веры Павловны о своем сне.

Фото А. Гладштейна

искусство. Лучшие московские постановки произведений Грибоедова и Гоголя, Островского и Горького, новых пьес современных советских драматургов издавна стали ценнейшим средством внешкольного воспитания.

Когда театр такими спектаклями, как «Грибоедов» С. Ермолинского или «Наш современник» К. Паустовского, посвященный Пушкину, более или менее удачно знакомит молодежь с биографиями великих отечественных писателей, мы, педагоги, неизменно бываем благодарны драматургам, режиссерам, артистам. Но наша благодарность особенно велика, когда на сцене живо и наглядно воплощаются любимые образы поэзии и прозы. Разумеется, ни одна инсценировка не может претендовать на полное раскрытие характеров всех персонажей, всей проблематики поэмы, повести или романа. Но когда инсценировка силой актерского искусства сближает образы любимой книги с восприятием зрителей, она становится необычайно ценной. Возбуждая интерес к произведению в целом, к его мыслям, она придает творению писателя волнующую наглядность.

Именно эти свойства присущи новому спектаклю Театра имени Ленинского комсомола. Спектакль поэтичен, сердечен, правдив. Уже пролог его — созданная художником В. Козлинским выразительная картина заснеженного ночного Петербурга, силуэт Петропавловской крепости, где томился в заключении Чернышевский, где написал он свой вдохновенный роман, — обещает глубокое и драматичное развитие сценического действия. И театр оправдывает это ожидание. Спектакль открывает перед молодыми зрителями облик самого Чернышевского, его гордые и светлые думы о будущем родной страны, ее народа. «Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...» — звал писатель своих современников, и эти его слова звучат с особенной силой в сердцах наших юношей и девушек — будущих строителей коммунизма. Спектакль знакомит зрителей с людьми шестидесятых годов, с героями Чернышевского, верно воссоздавая атмосферу той трудной поры, когда в тайных революционных кружках выковывались мужественные характеры борцов за народную долю.

Молодая артистка В. Козловская на редкость обаятельна в роли Веры Павловны и вызывает симпатии молодых зрительниц. Пример Веры Павловны, решительно отказывающейся строить свою жизнь по обывательским обычаям и радостно отдающейся благородной деятельности по переустройству общества, — этот пример обладает особой воспитательной силой. Актриса непринужденно и просто показывает развитие характера своей героини. «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь... выходите на вольный белый свет...» — этот страстный призыв Чернышевского вывел из мрака «подвала» юную Веру к свету, к жизни. И вот прямая, честная и умная девушка на глазах зрителей превращается в умелого руководителя, в страстного пропагандиста передовых идей, горячую патриотку, верящую в счастливое будущее Родины.

Заканчивающие спектакль слова Веры Павловны, рассказывающей подругам о своем вещем сне, рождают живой и радостный отклик в сердцах молодежи.

— Снились мне, друзья мои, громадные здания, каких нет теперь и в столице...— говорит Вера Павловна...— На нивах хлеба, только не такие, как у нас, а густые, изобильные... А дальше на юг пустыня обращена в благодатнейшую землю, все зеленеет и цветет... Все народы, населяющие нашу страну, живут привольно и счастливо.

И зрители восторженно аплодируют этим словам, радуясь тому, что им выпало счастье быть современниками, а в будущем и участниками осуществления этой мечты Чернышевского. С волнением следят юноши и девушки за сценической жизнью «...тех, кто мечтал о новой жизни, боролся за нее, кто ни перед чем не останавливался, ничего не страшился: ни штормов, ни каторги, ни смерти для того, чтобы этот сон стал явью».

К большому сожалению, образ Рахметова, наиболее отвечающий этой характеристике, в спектакле получился не совсем удачно. Артист Г. Карнович-Валуа, играющий эту роль, отлично передает внешний облик молодого революционера — высокого, стройного, с открытым, волевым, мужественным лицом. Но напрасно наделяет артист своего героя некоторой напыщенностью и даже порой позерством. Рахметов Чернышевского при всей своей суровости гораздо проще, сердечней, а потому и обаятельней, чем в спектакле.

Образы Лопухова (артист А. Бобров) и Кирсанова (Д. Иванов) во многом близки героям Чернышевского своей ясно выраженной демократичностью, неподдельной искренностью, глубокой значительностью. Бобров, исполняющий роль Лопухова, особенно правдиво передает присущие этому человеку благородство, чистоту морального облика, его веру в лучшее будущее. Порою кажется, что даже внешне артист напоминает молодого Чернышевского.

Юные, но тем не менее требовательные зрители единодушно отмечают успех и некоторых других исполнителей этого спектакля — Н. Делекторской (мать Веры Павловны), Б. Плотникова (господин Н.), Е. Фадеевой (Жюли), Т. Альцевой (Дама в трауре) и актрисы А. Козловой в эпизодической, но ярко сыгранной роли Настеньки Крюковой.

Нельзя не отметить тонкой и умной работы художественного руководителя С. Гиацинтовой и режиссера И. Мурзаевой, сумевших в спектакле раскрыть внутренний мир «новых людей». Правильно поступила и драматург С. Заречная, инсценировавшая роман Чернышевского, когда назвала свою пьесу «Новые люди». Спектакль показывает лучшие качества передовых людей шестидесятых годов, которых запечатлел в своей книге великий писатель, философ и революционер. Эти черты и поныне живут и развиваются в характере нашего современника.

Спектакль зовет молодежь к подражанию, возбуждает у юных зрителей высокие патриотические чувства, новый прилив любви к могучей и родной отечественной литературе, и за все это школа от души благодарна театру.

МАСТЕРА

А. КАМЕНСКИЙ

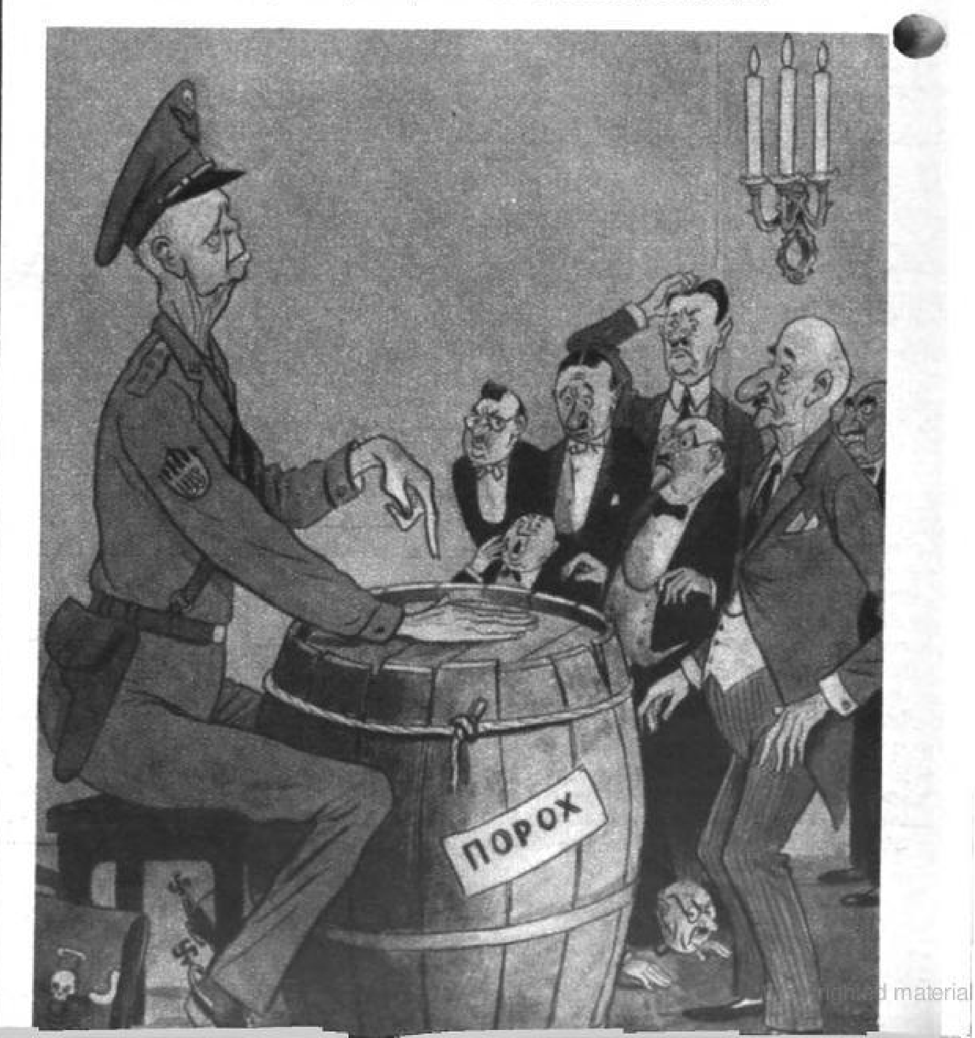
Новый художественный сезон в Москве открылся выставкой произведений мастеров советской сатиры. Художники-сатирики давно уже доказали своим творчеством, что карикатура по праву занимает место в ряду многочисленных жанров изобразительного искусства. Воодушевленные любовью к Родине, сознанием великих целей советского общества, наши карикатуристы разят оружием сатиры все отсталое, уродливое, тормозящее движение вперед. Особую остроту и действенность приобретает это оружие, когда оно обращается против поджигателей войны, против эксплуататоров, расистов, мракобесов, вставших на пути человечества к свободе и демократии.

Своеобразие приемов советских карикатуристов, острота и сила их сатирических образов не только не противоречат законам реализма, но и раздвигают рамки возможностей искусства. Лучшим доказательством этого могут служить работы выдающихся мастеров советской сатиры Кукрыниксов.

Арсенал художественных приемов Кукрыниксов богат и разнообразен. Они блестяще владеют мастерством сатирического портрета, умело и тонко пользуются в своих произведениях приемами преувеличения, контраста, фантастического перевоплощения персонажей. Изображая конкретных представителей американо-английского лагеря поджигателей войны или создавая типические их образы, Кукрыниксы с беспощадной силой и прямотой раскрывают их жестокость, тупость, надменность, цинизм. Разумеется, на рекламных фотографиях, в сотнях пропагандистских изданий империалистов заправилы Атлантического блока выглядят иначе. Но Кукрыниксы показывают именно то, что скрывается за внешним благообразием служителей доллара — бизнесменов и генералов. В создаваемых художниками сатирических портретах при всей их фантастичности и карикатурности нет никакого преувеличения: подлинная омерзительная сущность поджигателей войны раскрывается в этих рисунках почти с документальной точностью.

Кукрыниксы часто применяют один из своих излюбленных приемов: открыть в высмеиваемом персонаже нечто противное природе человека и изобразить его каким-то гибридом человека и зверя. В последних работах художников этот прием получил своеобразное развитие. Карикатура «Военный совет в американском штабе». За штабным столом расположились крысы, блохи и мухи. Зараженные смертоносными бациллами грызуны и насекомые своим обликом напоминают солдат «доблестной» армии, воюющей под флагом ООН. Сам же американский генерал-чума приобрел неотразимое сходство

А. Козюренко (УССР). «На Лиссабонском сборище».

СОВЕТСКОЙ САТИРЫ

с крысой — разносчицей заразы. Другой рисунок: теснящиеся «У корыта Уолл-стрита» буржуазные журналисты европейских стран напоминают свиней не только своим внешним обликом, но и поистине свинскими повадками и характерами.

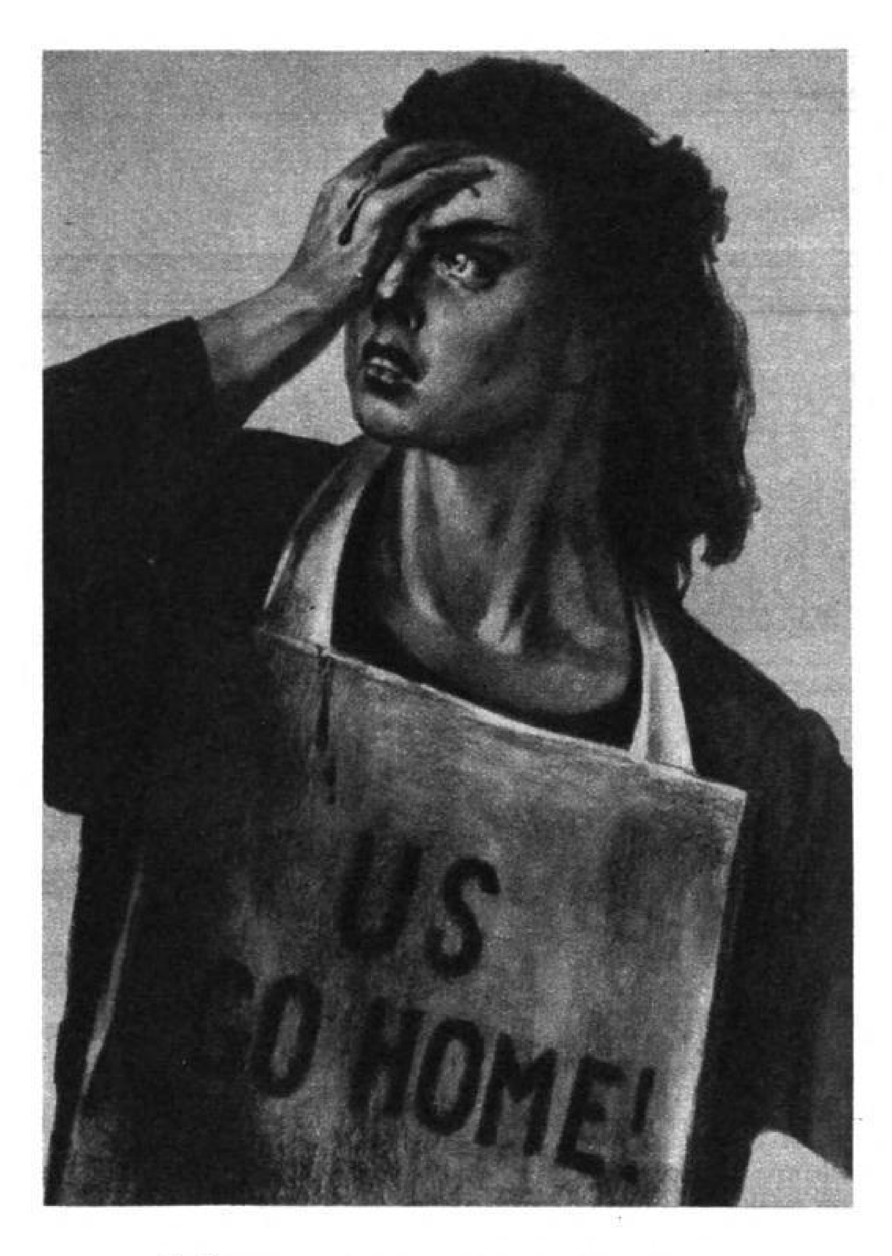
Все эти образы глубоко реалистичны. Гневное и острое мастерство «портретов-памфлетов» Кукрыниксов служит сильным оружием в борьбе с поджигателями новой войны.

Верный и меткий прицел по врагам мира и демократии и у одного из «ветеранов» советской сатиры — Бориса Ефимова. У него свой оригинальный стиль, свой неповторимый творческий почерк, который узнается зрителем быстро и безошибочно. Ефимов — художник неистощимой изобретательности, мастер сатирического сюжета. Из самого краткого, скупого

чит «хайль» своим новым фюрерам. Буфером между двумя частями этой одновременно и фантастической и столь близкой к реальности машины служат Аденауэр и Шумахер...

В награду за предоставление солдат для «атлантической» армии американцы посылают Турции в порядке военной помощи 800 мулов, и художник с едким юмором зарисовывает, как в Стамбуле «на равных началах» происходит обмен людей на животных... Рисунки выполнены просто и лаконично, четкими штрихами и контурами, в них масса язвительных деталей, суть схватывается зрителем сразу.

Из других мастеров сатиры на международные темы на этой выставке выделяется Ю. Ганф. Гневная, ярко образная карикатура Ганфа «В стране восходящего солнца. Затянувшееся затмение», показывающая, какую страшную

Б. Пророков. «Американцы, убирайтесь вон!».

И. Горбунов (Южно-Сахалинск). «Объединенная» армия».

газетного сообщения он умеет «выжать» брызжущую язвительным юмором карикатуру.

Англо-американский блок с помощью немецких реваншистов восстанавливает фашизм в Западной Германии, и вот Ефимов изображает фашистскую пушку, потрепанную и согнутую, в виде прицепа к американскому броневику; на лафете пушки возвышается гитлеровский генерал в оборванной шинели, который кри-

тень положила на всю жизнь японского народа американская оккупация, принадлежит к лучшим образцам советской сатиры. Хорошей выдумкой, острым мастерством разоблачения отличаются и другие работы художника.

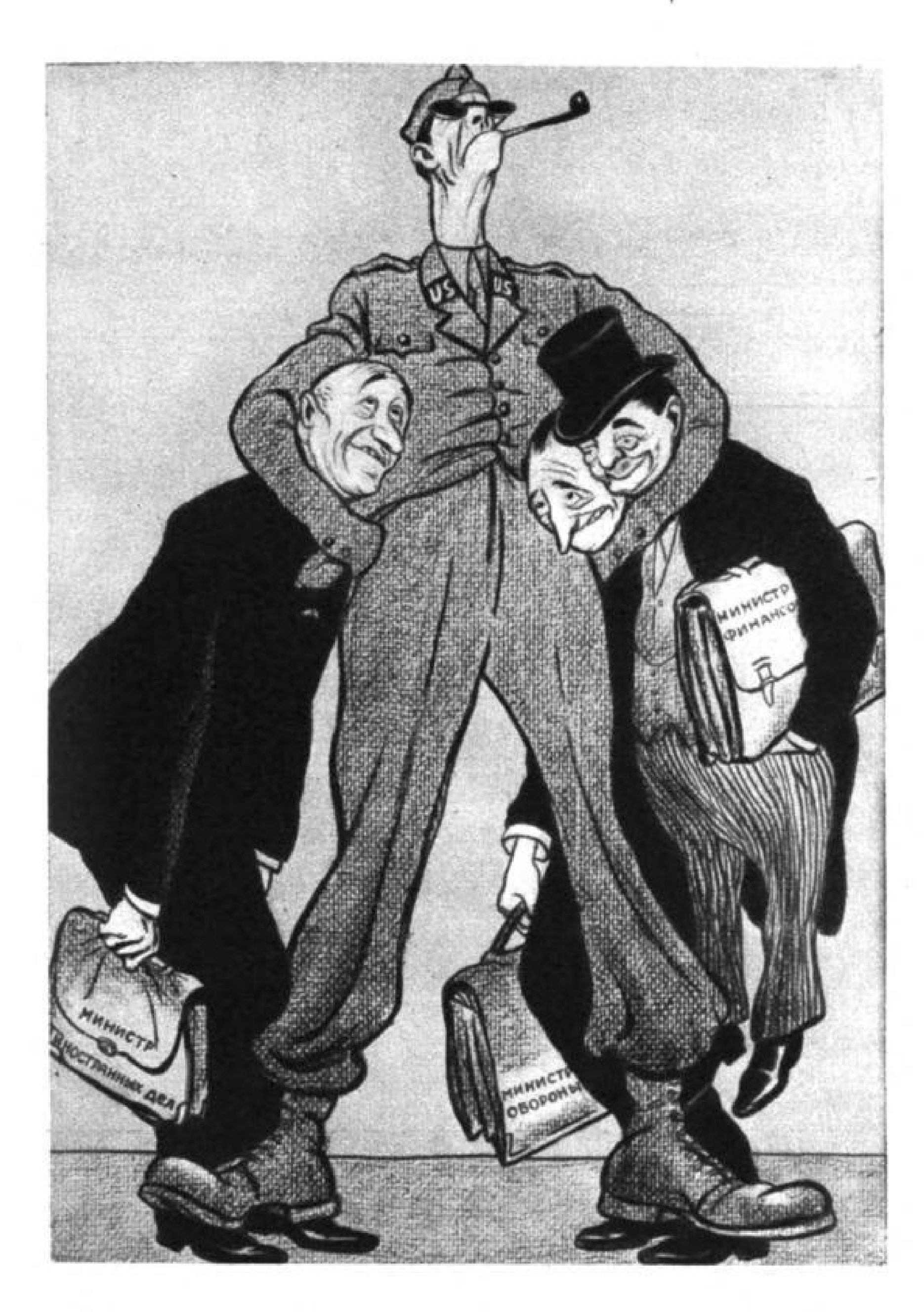
Если Кукрыниксы чаще всего прибегают к сатирической гиперболе, Б. Ефимов — к юмористической фантастике, то Л. Бродаты и Л. Сойфертис изображают боссов лагеря поджигателей войны и их

подручных, так сказать, «в быту», в конкретной, обычной для них обстановке. Применяя разнообразные приемы карикатуры, художники добиваются наглядности и жизненной убедительности своих образов.

Наши художники отлично знают, что и кто противостоит силам империалистической реакции, и убеждены, что в конечном итоге победа будет на стороне борцов за мир и свободу. Поэтому обреченным историей на гибель империалистам, поджигателям войны, фашистам всех мастей мастера советской сатиры противопоставляют тех, кому принадлежит будущее,— простых людей мира.

Один из лучших мастеров положительных образов — Борис Пророков. На выставке он представлен двумя новыми большими листами из серии «Американцы в Европе». Дыханием большого чувства согрет первый из них — «Оружие вместо масла». Перед зрителем девушка-подросток, истощенная, оборванная, должно быть, сирота или дочь безработного. Она бродила по городу в поисках какой-нибудь работы, пищи, тепла. Художник запечатлел ее в момент прозрения: зарокотали в небе военные самолеты, и девушка сухим, ненавидящим взором смотрит на них. Всей своей не по-детски серьезной душой она ощутила, где причина голода и нищеты ее самой и великого множества ей подобных.

В другом листе, «Американцы, убирайтесь вон!», мы уже встречаемся с сознательным и активным борцом. Дело, очевидно, происходит после антиамериканской демонстрации в одной из европейских стран. Девушка, на груди у которой укреплен плакат «US go home!», стоит, гордо выпрямившись и сжав кулаки. По ее лицу и руке течет кровь: она избита полицейскими за то, что требовала изгнания американских оккупантов с земли своей родины. Весь гневный, вдохновленный

Кукрыниксы. «Независимость» в рамках Атлантического пакта».

борьбой облик девушки говорит о том, что ее воля не сломлена, что она готова до конца отстаивать правое дело.

Выразительные образы борцов за мир создал и В. Горяев.

Особый раздел выставки посвящен темам внутренней жизни нашей страны. Здесь, естественно, преобладают положительные образы, много радостного, светлого юмора (работы М. Черемных, В. Горяева, В. Коновалова, Ю. Узбякова и других). Здесь мы встречаемся с откликом на всенародное торжество — «Большому урожаю — большое плавание (по Волго-Дону)» М. Черемных. Забавны полные значительного смысла сценки и шутки: «Шагающий экскаватор» В. Горяева, «Поздравляем вас, Леночка, со 175-летием» В. Коновалова и другие. Но рядом с ними есть и рисунки, зло высмеивающие и разоблачающие отрицательные типы в нашей жизни,— бюрократов, растяп, халтурщиков, подхалимов, лентяев, волокитчиков. Перед зрителем проходит целая галерея таких фигур. Вот лощеный папенькин сынок, который по окончании вуза стремится «по знакомству» устроиться в столице (В. Коновалов. «После окончания вуза»). Вот некий ответработник, уходя на другой пост, тянет за собой огромный хвост родственников и свойственников (И. Семенов. «Ответработник переходит на другую работу»). Вот подхалим-«рекордсмен»: отправившись в лес по грибы вместе с начальником, он ухитрился из предусмотрительно закупленных грибов выложить на полянке «Добро пожаловать» (Ю. Узбяков. «За грибами с начальством»).

Остро сатирические образы растяп, лентяев, растратчиков, разгильдяев создали известные карикатуристы К. Елисеев, Г. Вальк, А. Баженов, Е. Щеглов, Е. Ведерников и другие. Интересна остроумная и злая «Волокита» старейшего мастера советской карикатуры М. Черемных. И все же раздел карикатур на темы внутренней жизни не вполне удовлетворит зрителя. Многие участки борьбы нового со старым в нашей жизни остаются вне поля зрения карикатуристов, и их работам порою недостает необходимой остроты.

Столкновение передового и отсталого, прогрессивного и тормозящего движение вперед — главная тема, которую в многообразных вариациях выдвигает жизнь перед карикатуристом. Метод контраста в карикатуре должен получить несравненно большее развитие.

Отрадное новшество на нынешней выставке — многочисленные работы художников периферии. Среди них есть настоящие, серьезные мастера. Внимательно изучая опыт известных художников, они в то же время вносят много своего, оригинального в искусство карикатуры. Остро, изобретательно строит свои сюжеты А. Волков (Минск). Блестящую серию сатирических портретов японских зачинщиков бактериологической войны представил на выставку В. Павчинский (Хабаровск). Разносторонние, зрелые мастера карикатуры выросли в советской Прибалтике, особенно в Эстонии (Я. Ензен, Р. Тийтус, Л. Самойлов). Хорошо известный советским зрителям заслуженный деятель искусств Украинской ССР А. Козюренко в своих новых работах — «На Лиссабонском сборище» и «Поверхностное руководство» — демонстрирует дальнейший рост мастерства. Выделяются также произведения В. Григорьева.

Целый отряд умелых карикатуристов работает в Грузии (И. Гурро, А. Банделадзе, Д. Дони, А. Канделаки, И. Ломидзе). Кадры мастеров карикатуры пополнились художниками из Узбекистана (С. Марфин, А. Венедиктов, Д. Синицкий), Молдавии (Б. Широкорад), Свердловска (Г. Ляхин), Казани (Э. Гельмс). Даже далекий Южно-Сахалинск выдвинул отличного сатирика И. Горбунова, чьи работы «Объединенная» армия» и «Уоллчий аппетит» выполнены в традициях лучшей советской карикатуры.

Все это свидетельствует о повсеместном росте рядов карикатуристов, о широкой популярности искусства сатиры в стране.

А. Волков (Белорусская ССР). «Янки в маршаллизованной Франции».

СЛАВНОЕ НАЧАЛО

«Поют жаворонки» К. Крапивы в Белорусском государственном драматическом театре имени Я. Купалы. Сцена из 6-й картины. Настя — Л. С. Дроздова (слева) и Авдотья Захаровна — народная артистка БССР Л. И. Ржецкая.

Фото Б. Вдовенко

Комедия Кондрата Крапивы «Поют жаворонки» подкупает зрителя правдивым отражением характерных явлений в жизни современной белорусской деревни. Пьеса, поставленная на сцене республиканского театра имени Янки Купалы, вошла затем в репертуар многих других театров страны:

Роль героини пьесы Насти Вербицкой играла на белорусской сцене народная артистка БССР И. Ф. Жданович. Но скоро эту роль стала готовить недавняя выпускница Белорусского театрального института Лилия Дроздова. Молодой актрисе помогал освоиться с материалом роли весь коллектив.

Не все еще в театре знали, что судьба молодой артистки сложилась необычно и нелегко. Ее театральная жизнь началась в 1940 году, в канун войны: на сцене Большого театра в Москве, в спектакле декады белорусского искусства в детском балете выступала тринадцатилетняя Лилия, ученица Минского хореографического училища. Казалось, перед девочкой открылась ровная дорога в любимый театр.

Но все переменилось с войной. Объят дымом пожаров родной Минск. Девочка, отбившаяся от семьи, попала в детский дом в Саратове. Потом нашлись родители. Недавняя школьница стала затем медицинской сестрой...

И вот Белоруссия снова свободна. Дроздова заканчивает десятилетку в Минске. Теперь в театральный институт! Прошли годы учебы, и девушка была принята в труппу лучшего в республике театра. Мечта ее сбылась!

Крепко запомнилась зрителям в спектакле «Поют жаворонки» молодая белорусская колхозница Настя (Дроздова) с ее порывом к счастью.

Когда закрылся занавес, долго аплодировала публика правдивой развязке конфликта пьесы и успеху дебютантки.

Исполнительское мастерство молодой артистки росло с каждым спектаклем. Несколько месяцев спустя пришла весть о том, что в числе других участников спектакля «Поют жаворонки» Лилия Дроздова удостоена высокого звания лауреата Сталинской премии.

Артистка с увлечением работает над новыми ролями. Она снимается в заглавной роли фильма-спектакля по комедии Янки Купалы «Павлинка». Одновременно она готовит роли Лизы в «Горе от ума» А. С. Грибоедова и Наташи в пьесе М. Чиаурели и М. Большинцова «Октябрь».

В. ПОНОМАРЕВ

9 800 МЕТРОВ с нераскрытым парашютом

Недавно советские парашютисты совершили несколько групповых и индивидуальных затяжных прыжков днем и ночью.

Спортсменка Аминат Султанова, прыгая днем, падала 7 400 метров с нераскрытым парашютом. Рекорд, ранее принадлежавший В. Селиверстовой (6 180 метров), был побит. В то же время В. Селиверстова ночью падала с нераскрытым парашютом 8 400 метров, значительно улучшив старое достижение, принадлежавшее известной спортсменке Е. Владимирской.

Аминат Султанова.

Группа парашютистов садится на самолет для тренировочных прыжков.
Фото Ю. Коровкина

В. Селиверстова.

Замечательного рекорда добился парашютист П. Сторчиенко. Он выполнил ночной затяжной прыжок с большой высоты и находился в свободном полете 2 минуты 50 секунд.

Результаты П. Сторчиенко и В. Селиверстовой являются новыми мировыми достижениями. Ниже мы печатаем записки П. Сторчиенко о его рекордном прыжке.

Наиболее интересными прыжками с парашютом в этом году были затяжные прыжки, то есть такие, когда спортсмен падает по нескольку километров «камнем» и только у самой земли открывает парашют. Если раньше подобные прыжки были доступны лишь очень немногим парашютистам, то теперь они выполняются целыми группами.

Падая «камнем», парашютист не отдается во власть воздушной стихии, он управляет телом и по своему усмотрению может лететь лицом, спиной или боком к земле. Это возможно потому, что спортсмен, падая со скоростью 50—70 метров в секунду, испытывает сильное сопротивление набегающего потока воздуха. Балансируя руками и ногами, он может как бы «плыть» в воздухе. Здесь некоторая аналогия с плаванием в воде. Если прыгает группа, то парашютисты легко могут наблюдать друг за другом.

Мне недавно удалось установить рекорд ночного прыжка с нераскрытым парашютом. Летчик В. Кирьянов поднял меня на высоту 10 600 метров. С такой высоты мне пришлось прыгать впервые. Зимнее обмундирование (на высоте было 52 градуса мороза), кислородная аппаратура, барографы стесняли движения и создавали некоторое неудобство. Но предварительные тренировки позволили привыкнуть и к такому снаряжению.

Во время затяжного прыжка ночью не видна земля. В этом дополнительная трудность. Пришлось готовить специальные световые кусты, по которым можно было бы ориентироваться.

Отделившись от самолета, я через несколько секунд падаю лицом вниз. В стороне, внизу, вижу огни города. Но вскоре попадаю в облачность. Стараюсь падать лицом вниз. Чувствую, что меня сильно раскачивает. С трудом удается удержаться от срыва в штопор (сильное вращение при падении спиной вниз).

Условия падения ухудшились еще тем, что в облачности появилась снежная крупа. Крупинки с силой ударяли по стеклам очков, кислородной маске. Невольно подумал: скорей бы увидеть огни на земле. Кажется, что падение продолжается бесконечно долго.

И вдруг как будто кто-то сдернул покрывало, и я увидел под собой огни. Но они оказались далеко слева от меня. Плавным движением рук разворачиваюсь головой в их сторону, затем выпрямляю ноги, подбираю руки.

Этим я создал некоторый угол планирования и стал перемещаться в сторону огней.

Кисть левой руки, на которой закреплен секундомер, я плавно подвожу под луч фонарика, висящего на моем снаряжении. Смотрю: секундная стрелка заканчивала лишь первый свой круг. Падаю еще мало. Мой полет по расчету должен продолжаться около трех минут. Самочувствие прекрасное.

Но вдруг меня внезапно и резко развернуло градусов на девяносто вправо. Стало труднее наблюдать за огнями. Плавно разворачиваюсь головой в сторону огней.

Чтобы увеличить угол планирования, вновь подбираю руки, вытягиваю ноги, сразу перехожу к падению почти вертикально вниз головой. Чувствую нарастание скорости. Мне это не нужно. Тогда я возвращаюсь в исходное положение и уже падаю устойчиво.

Мое падение было настоящим полетом-планированием. Смотрю на секундомер: лечу более двух минут, скоро нужно будет открывать парашют. Характерно: в первый момент, когда посмотришь на секундную стрелку, создается впечатление, что она стоит и секундомер остановился. Но когда внимательно присмотришься, видишь, что она медленно движется.

...Огни видны уже очень хорошо, отчетливо просматриваются их контуры. Падение так устойчиво, что нет желания прерывать его. Жаль, что в полете нельзя еще осуществить радиорепортаж. Но и это мы осуществим.

Огни совсем близки. Пора открывать парашют. Рывок — и мой свободный полет прекратился. Начался плавный спуск. Мне не понадобилось давать сигнальную ракету, так как приземлился я в трехстах метрах от сигнальных огней.

Так я совершил рекордный прыжок, пролетев в свободном полете примерно 9 800 метров.

Мастер спорта
П. СТОРЧИЕНКО

Мастер спорта П. Сторчиенко (справа) и инструктор-парашютист И. Федчишин перед прыжком.

Московская футбольная команда общества «Спартак» — чемпион Советского Союза 1952 года. Слева направо: Н. Дементьев, В. Чернышев, В. Белов, Ю. Седов, И. Нетто, А. Парамонов, В. Емышев, А. Ильин, Н. Симонян, О. Тимаков, Н. Тищенко.

Фото А. Бочинина.

«Спартак» — чемпион страны

Розыгрыш первенства страны по футболу еще не закончен: проведено 90 состязаний, осталось одно.

Эта последняя встреча решит судьбы команд, оспаривающих различные места в первой пятерке турнирной таблицы, но уже не может повлиять на определение победителя чемпионата. Он определился в конце прошлого месяца, когда «Спартак» одержал победу над сильным коллективом тбилисского «Динамо» и записал на свой «личный счет» 20 очков. То была девятая победа команды. Спартаковцы не имели ни одного поражения.

Дальнейшая борьба показала, что набранные ими очки вполне обеспечивают первое место в турнире. Это обстоятельство, видимо, и подействовало на настроение игроков. Два последующих состязания чемпион провел ниже своих возможностей и проиграл «Локомотиву» и ВВС, для которых победа над «Спартаком» явилась той «соломенкой», за которую хватались «утопающие» аутсайдеры класса «А».

Цифровые показатели чемпиона таковы: 9 побед, 2 ничьих и 2 поражения. Нападающие «Спартака» 26 раз заставляли своих соперников начинать игру с центра, а вратарь В. Чернышев 12 раз вынимал мяч из сетки своих ворот (в том числе 2 раза после одиннадцатиметрового штрафного удара и однажды после того, как защитник Ю. Седов внес грудью мяч в свои ворота).

Спартаковцы в этом сезоне много раз показывали хорошую игру. Их встречи с динамовскими командами Тбилиси и Ленинграда, а также с «Зенитом», «Торпедо» и футболистами города Калинина отличались энергичными, согласованными действиями, тактической зрелостью и видимым желанием добиться победы. Нападающие понимали друг друга, неожиданно выходили на свободное место и умело передавали мяч. Полузащитники И. Нетто и О. Тимаков часто брали на себя функции атакующих игроков, но в то же время успевали возвращаться к своим воротам, когда им угрожала опасность.

Почти весь сезон неуверенно, рискованно, с ошибками играли защитники.

В современном футболе большое значение имеет физическое состояние спортсмена, умение выдержать высокий темп борьбы в течение всего соревнования. Спартаковцы оказались хорошо подготовленными. Немалую роль сыграл «возраст» команды. В этом году она моложе прошлых лет. Так, в 1949 году «средний возраст» коллектива равнялся 27,4 года, в прошлом году эта цифра снизилась до 26,5, а в нынешнем сезоне «Спартак» еще больше «помолодел», ибо в его основном составе играли совсем еще молодые футболисты А. Ильин, Н. Паршин, В. Емышев.

Омоложение команд — едва ли не решающий шаг, который привел команду «Спартак» к победе (старший тренер — В. Соколов, тренер — А. Дангулов).

Отрадно отметить, что наряду с такими мастерами футбола, как Н. Дементьев, Н. Симонян, О. Тимаков, свободно обращаются с мячом и молодые игроки.

И все же техника футбола — остановка мяча, ведение его, обводка, передача, удар, игра головой — оставляет желать лучшего. Это относится к «Спартаку» и в большей степени к другим участникам турнира.

Заметных успехов в этом сезоне добились киевские динамовцы, которые также заметно омолодили свой состав. Они набрали 17 очков и, по всей вероятности, займут второе место.

Последняя встреча динамовских команд Москвы и Ленинграда, отложенная на 23 октября, решит «задачу с четырьмя неизвестными». Оба коллектива имеют по 15 очков. Выигрыш в этой встрече даст возможность победителю догнать киевлян (по количеству очков), у которых, однако, хорошее соотношение вбитых и пропущенных мячей.

Для того, чтобы московские динамовцы заняли второе место, им нужно выиграть у ленинградцев со счетом 8 : 0, а для того, чтобы ленинградцы могли выйти на второе место, им нужно выиграть у москвичей — 6 : 0.

Кажется, киевляне могут не беспокоиться.

От исхода оставшейся встречи зависит и судьба тбилисского «Динамо», имеющего 16 очков. Его вполне устроит мирная ничья, ибо тогда три коллектива имели бы по 16 очков и места распределялись бы по соотношению мячей.

Эти расчеты лишний раз подчеркивают, что нынешний чемпионат проходил в упорной борьбе: две трети всех состязаний закончились либо ничейным итогом либо победой с перевесом в один мяч.

Далее все места заняты в таком порядке: г. Калинин, «Зенит», «Крылья Советов», «Локомотив», «Торпедо», ВВС. За чертой класса «А» остались: «Даугава», «Шахтер», «Динамо» (Минск). Они на будущий год будут выступать в классе «Б».

В то же время класс «А» пополняется новыми коллективами: «Локомотив» (Харьков), «Спартак» (Вильнюс). Третий претендент еще не определился.

Таковы краткие итоги Всесоюзного футбольного чемпионата 1952 года.

М. МЕРЖАНОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В турнире участвуют представители тринадцати стран. Во время обеда можно слышать беседы на многих языках: английском, французском, чешском, немецком, венгерском, шведском... Наиболее популярен среди шахматистов всего мира русский язык. В турнирном помещении можно купить советскую шахматную литературу. Иностранные шахматисты не могут обойтись без знания русского языка. Им жизненно важно изучить каждое новое теоретическое исследование советских шахматистов. Хорошо знает русский язык венгерский гроссмейстер Сабо. Прекрасно говорит порусски чешский мастер Пахман. Немало русских слов знает англичанин Голомбек. Президенту ФИДЕ доктору Рогарду часто приходится поздравлять советских шахматистов, поэтому он также хорошо знаком с русским языком. Один из судей турнира, Андерсен, старается разговаривать с советскими шахматистами на их родном языке. На официальных бумагах обязательно печатается и русский текст, который является одним из официальных языков Всемирной шахматной федерации.

За шахматными досками идут напряженные бои, но отношения между участниками дружественные, часто возникают веселые ситуации, интересная игра слов. Так, например, оказалось, что русское слово «позор» на чешском языке означает «внимание». Трудно зачастую бывает договориться двум представителям Американского континента: Стейнеру и Санчесу. Санчес из Колумбии и говорит только по-испански. Конечно, не удивительно, что Стейнер не знает испанского языка. Но более странно, что на вопрос: какой город является столицей Колумбии,— американский мастер покачал головой и ответил, что у него другие заботы!

В Сальтшебадене теперь уже не через день, а почти ежедневно идет дождик.

Некоторые иностранные шахматисты не любят или даже боятся числа «тринадцать». Это прежде всего англичане. Голомбеку повезло: в тринадцатом туре он был свободен и не мог проиграть. Советские шахматисты, конечно, не верят ни в какие предрассудки, и в тринадцатом туре они добились очередных успехов. В одной из самых содержательных и напряженных партий турнира Котов, продолжая наступление, выиграл у югославского мастера Матановича. Этот тур игрался в воскресенье, и около столика, за которым шведский гроссмейстер Штальберг сражался с Геллером, было много зрителей, волновавшихся за судьбу своего фаворита. Но советский гроссмейстер весьма энергично провел партию. Несколько неожиданных ударов — и Штальберг в безвыходном положении... Около столика стало свободнее. В этот же день Петросян уверенно выиграл партию у Барца.

Четырнадцатый тур был «черным днем» для югославских и шведских шахматистов. Одной из лучших партий всего состязания стала партия чемпиона Ленинграда Тайманова. Далеко рассчитанной комбинацией — жертвой ладьи — он уже на тридцатом ходу заматовал Матановича. Матанович за пять ходов до этого мог свободно сдаться, но говорят, что югославский мастер хотел подчеркнуть значение своей фамилии Матанович и поэтому играл до самого мата. Второй представитель Югославии, Глигорич, проиграл Унцикеру. Котов преодолел остроумную защиту Санчеса и добился очередной победы. Вплотную приближается к группе лидеров и Авербах, убедительно победивший Штольца.

Пятнадцатый тур состоялся в самом Стокгольме. В помещении городской ратуши собралось солидное количество зрителей — около пятисот человек. Они пришли посмотреть в основном на игру советских шахматистов.

Котов встречался со Штальбергом, и естественно, что около них собралось особенно много болельщиков. Трудно было рассчитывать, что Штальберг проиграет третью партию подряд, поскольку он вообще довольно редко проигрывает. С другой стороны, Котов, пожалуй, немного «устал выигрывать»... Гроссмейстерская схватка после интересной борьбы закончилась вничью. Положение Котова в турнире настолько прочное, что в данной ситуации ничья для него — почти то же самое, что выигрыш.

В шестнадцатом туре ряд партий быстро закончился вничью. Геллер попал в жестокий цейтнот и в выигрышной позиции умудрился проиграть гроссмейстеру Сабо.

Котов оторвался на 2,5 очка от ближайшего противника и практически обеспечил себе первое место в турнире. За ним идут Геллер, Петросян и Тайманов. Очень острой, повидимому, будет на финише борьба за пятое место, за которое борются Авербах, Сабо, Штальберг и другие.

В момент, когда наблюдатель «Огонька» передает по телефону эти строки, в зале доигрываются отложенные партии. Советские шахматисты «дожимают» очередных своих противников.

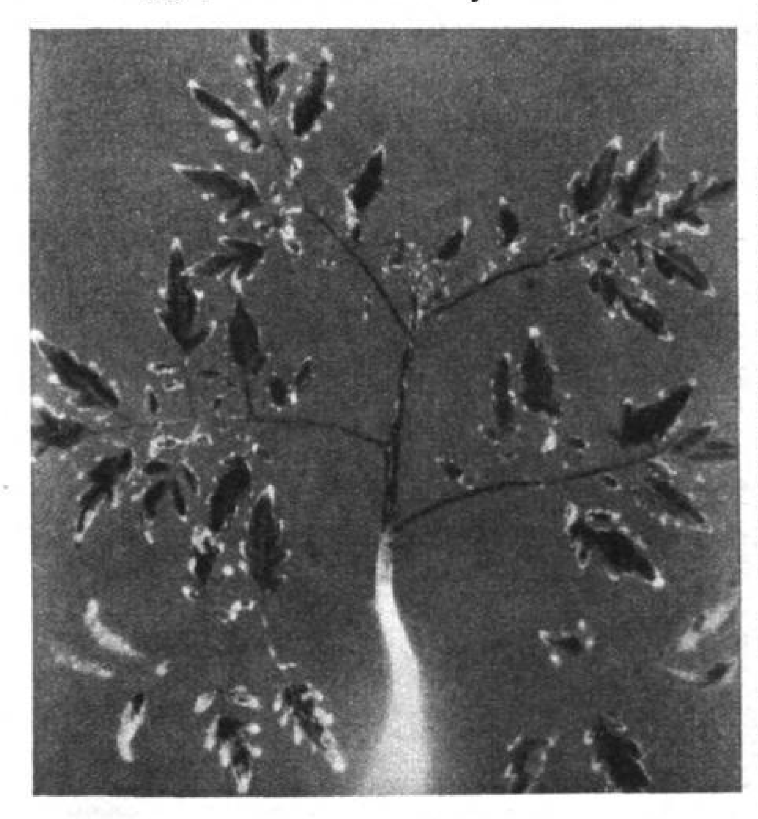
САЛО ФЛОР

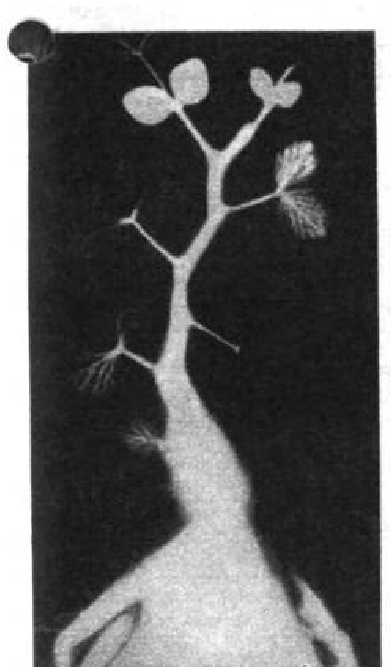
Стокгольм. 11 октября.

Дружеский шарж Н. Лисогорского

Радиосвечение растений

Перед нами две фотографии растений: тридцатидневного гороха и полуторамесячного томата. Они выглядят необычайно. Их стебли, особенно нижняя часть томата и кончики его листьев, как будто излучают серебристый свет. Молодые листья и усики гороха «светятся» целиком, а у нижних, более старых, серебрятся только жилки и едва вырисовываются контуры листочков на светлых черешках.

Эти фотографии сделаны учеными Академии наук СССР в полной темноте. Растения были положены на особую пленку и «сами себя изобразили» на ней благодаря невидимому для наших глаз, но непрерывно происходящему естественному радиоизлучению, присущему всем растениям и животным организмам.

Новейшие достижения советской науки позволили фиксировать на особо чувствительных к радиоизлучению пленках процессы, происходящие даже в глубине тканей и отдельных клеток живого растения. Это открывает широкие пути к дальнейшему изучению и познанию сложнейших процессов, происходящих в теле живых организмов.

На заре научного познания жизни растений, когда были начаты первые определения химического состава растений и того, что нужно для их нормального роста и развития, считалось необходимым наличие десяти химических элементов, входящих в состав каждого растения: неметаллы — углерод, водород, кислород, азот, сера, фосфор и металлы — железо, калий, кальций и магний.

Эти вещества составляют почти 99 процентов веса каждого организма.

Позднее было установлено, что, помимо перечисленных важнейших элементов, в каждом растении содержатся: медь, марганец, цинк, алюминий, бром, иод и другие. Но их наличие измеряется тысячными и десятитысячными долями процента, а количество таких микроэлементов возросло до 60—65.

Наконец, в самое недавнее время ученые открыли, что в состав всех живых организмов входят почти все известные нам элементы, в том числе золото, радий, уран, торий и полоний.

По мере совершенствования техники тончайших химических анализов выяснилось, что в растениях присутствуют не только общеизвестные радиоактивные элементы, как радий и уран, но и такие, как радиоактивные фосфор, калий, углерод и так называемые радиоактивные изотопы других элементов, тоже дающие радиоизлучение. Изотопами называют атомы одного и того же элемента, имеющие различные атомные веса, но почти не отличающиеся друг от друга своими химическими и физическими свойствами.

Эти радиоактивные вещества присутствуют в растениях в миллионных и миллиардных долях процента. И все-таки наука получила возможность не только выявлять их наличие, но и учитывать количество, следить, когда и куда проникают радиоактивные вещества по живым тканям растений.

Радиофотографирование показало, что радиоактивные вещества, всосанные корнями, быстро перемещаются по растению и через 5—8 часов сосредоточиваются в наиболее молодых, растущих участках листьев, особенно в цветках, а также в корнях и в стеблях.

Но этого мало! Сейчас наука может не только видеть невидимое радиоизлучение, но и слышать его.

Сконструированы особые камеры с усилителями и вращающимися отметчиками, как у газовых и электрических счетчиков. Мы слышим характерное потрескивание, вызываемое вылетающими из радиоактивных веществ частицами, и видим, что каждое из них отмечается счетчиком.

Ученые стали искусственно создавать радиоактивные изотопы (например, радиофосфор), растворять их в воде и изучать, как они продвигаются по растению, начиная от всасывания их корневыми волосками до формирующихся бутонов и цветков.

Применение искусственного радиоактивного фосфора дало возможность подтвердить правильность научных взглядов И. В. Мичурина о взаимном обмене пластическими веществами между привоем и подвоем и разрушить антинаучные утверждения генетиков-морганистов о невозможности вегетативной гибридизации растений. Многочисленные опыты доказали это с полной очевидностью.

Значение радиоактивных элементов для жизни растений еще не изучено, но оно, несомненно, очень велико.

Известно, что все радиоактивные вещества непрерывно выделяют из себя особое излучение — огромную внутриатомную энергию в виде так называемых альфа-, бета- и гамма-частиц, или лучей.

Альфа-частицы обладают наибольшей силой. Каждая из них способна разбить на своем пути в растении до 250 тысяч нейтральных молекул вещества, превращая их в положительно или отрицательно заряженные частицы! Такое излучение происходит непрерывно, как в течение всей жизни растения, так зачастую и после его смерти.

В будущем электронные сверхмикроскопы позволят увеличивать клетки живых растений в десятки миллионов раз. Тогда перед взорами ученых откроются величественные картины возникновения живого вещества, белковых молекул из миллиардов атомов десятков элементов неживой природы.

Н. СЕРГЕЕВ

НА ПУЛКОВСКОМ МЕРИДИАНЕ

Пулково! Еще недавно здесь лежали груды камней да торчали обуглившиеся стволы деревьев. Фашисты до основания разрушили всемирно прославленное научное учреждение — Пулковскую обсерваторию.

Советское правительство отпустило на восстановление Пулкова более ста миллионов рублей. Пулково переживает сейчас второе рождение. Широко раскинулся научный городок с новыми павильонами, башнями, звездными «особняками», жилыми домами астрономов, гостиницей.

Со многих зданий еще не сняты леса, но здесь уже ведутся научные наблюдения за звездами, движением земных полюсов, изучается поверхность Солнца.

В Пулкове.
Фото Б. Уткина

Оздоровление природы

Во Всесоюзный научно-исследовательский институт малярии недавно доставили письмо. Рабочие Орехово-Зуевских торфяных разработок благодарили ученых за помощь, оказанную им в победе над малярией.

«С малярийным комаром анофелесом покончено, — говорилось в письме, — помогите нам одолеть другого врага — мошкару... Гнус одолевает, не дает возможности людям отдыхать и работать...»

Такие же сигналы были получены из других мест. Институт снарядил в различные районы страны экспедиции. Ученые выехали в Подмосковье, в Сталинградскую область, в район Куйбышева...

Раннее летнее утро... Зеркальный плес Волги в окрестностях Куйбышева. Вдруг тишину нарушил гул, напоминающий раскаты грома. Он доносился с баржи, медленно плывущей вдоль берега. На барже был виден большой, громоздкий аппарат. Из его широкого жерла вылетало молочно-белое облако тумана. Серебряные нити окутывали высокий, поросший густой зеленью берег, клочьями повисали на кустах и деревьях.

Но вот баржа уплыла. Высоко в небо поднялось солнце, лес наполнился щебетанием птиц — словно ничего и не произошло в природе. Однако изменилось многое. Еще накануне вечером юноши и девушки, катавшиеся по Волге на лодке, вынуждены были спасаться от мошкары, закрываясь марлевыми сетками, а на берегу разводить дымные костры. Сегодня им этого не потребуется. Мошкара на площади в несколько десятков квадратных километров уничтожена туманом. Этот смертоносный для насекомых туман состоит из сильно действующего препарата ДДТ.

Сотрудники института, проделавшие под руководством доктора медицинских наук лауреата Сталинской премии В. А. Набокова этот опыт, внимательно исследовали берег реки, осмотрели садки, расставленные в различных местах. Все контрольные насекомые в садках были мертвы.

Интересный аппарат — генератор тумана — испытали также на автомашинах и на самолетах. Самолет гражданской авиации, снабженный специальным распылителем, в течение нескольких секунд очищает от насекомых многие гектары лесов, полей, болот.

А. АЛЕКСАНДРОВ

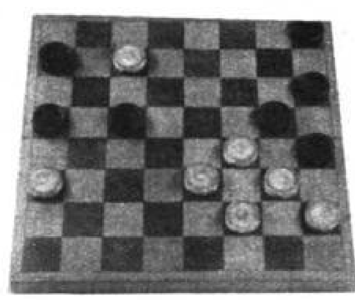
ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

Концовка и этюд Г. Д. Маркосова

(Кисловодск)

КОНЦОВКА

Белые начинают и выигрывают.

В позиции, показанной на доске, белые достигают выигрыша оригинальной и тщательно замаскированной комбинацией:

1. c7—b8	. . .

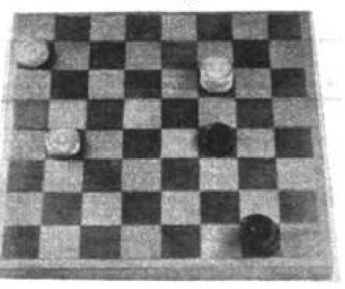
Интересно, что лучший, казалось бы, ход 1. c7—d8, парирующий угрозу черных пройти в дамки путем 1. ... c5—d4, ведет не к выигрышу, а к проигрышу. На самом деле после 1. c7—d8 черные отвечают не 1. ... c5—d4, что проигрывает из-за 2. e3 : c5 g5 : g1 3. g3—f4 g1 : b6 4. h2—g3 h4 : f2 5. f4—g5 h6 : f4 6. a3—b4 a5 : c3 7. d8 : e5 и т. д., а 1. ... h8—g7, и белые проигрывают! Теперь на 2. f4—e5 последует 2... g5—f4 3. e3 : g5 h6 : d6, уничтожая следующим ходом 4. ... g7—f6 дамку и оставаясь с лишней шашкой. Если же белые сыграют 2. d8—c7, то после 2. ... c5—d4 3. e3 : c5 g5 : g1 черные, оставаясь с двумя лишними шашками, легко добиваются победы.

1. ...	c5—d4

На любой другой ход последует 2. b8—e5 с выигрышем.

2. e3 : c5	g5 : g1
3. g3—f4!	g1 : b6
4. h2—g3	h4 : f2
5. a3—b4	a5 : c3
6. f4—g5	h6 : f4
7. b8 : c7 и выигрывают.	

ЭТЮД

Белые начинают и выигрывают.

На всероссийском конкурсе 1951 года этот этюд получил похвальный отзыв.

Из почты «Огонька»

Журка

Мои соседи поймали на покосе журавля. Птицы переходили через дорогу с болота на болото — два взрослых журавля и два молодых. Альма — дальняя родственница немецкой овчарки — заметила их и подняла лай. Молодые еще не летали, и семиклассник Генка, изрядно погонявшись, поймал одного. Во дворе журавля извлекли из мешка и помогли подняться. Покачиваясь на своих хворостинах-ногах, он широко открывал клюв, издавая шипящий звук, и норовил клюнуть, когда к нему протягивали руки.

...Ребята налили в железную ванну воды и пошли ловить лягушек. Журка, оставшись один, сунул клюв в воду и, закидывая вверх голову, напился. Потом, осторожно переставляя лапы, вошел в ванну и, изогнув шею, задумался: наверное, вспомнил родное болото...

Лягушек величиной с наперсток Журка, к восторгу ребят, отправлял в глотку с изумительной быстротой и ловкостью. Затем он облюбовал себе место в дровяничке без крыши, что стоял в углу двора, и устроился там на жительство.

Вечером пришел из стада шестимесячный бычок Тимошка. Он, как обычно, обнюхивал все во дворе в надежде чем-нибудь поживиться. Сунулся в дровянничок и замер. Хребет у бычка стал медленно прогибаться, а шерсть поднялась дыбом: от роду он не видал такого чуда! Но любопытство пересилило — потянулся обнюхать незнакомое существо. И тут — то ли журавль его клюнул, то ли просто пошевелился — Тимошка, на редкость ленивый и флегматичный бычишка, брыкнул задними ногами и, задрав хвост, галопом со двора!

Через несколько дней Журка перестал дичиться людей и, медленно переставляя ноги, поблескивая горошинами черных глаз, часами разгуливал по двору. Голодный, он поднимал пронзительный писк, а наевшись, тихонько верещал, словно в горле у него перекатывались звонкие колечки.

Особое внимание Журке оказывала тетя Клаша — страстная любительница всякой живности. Она его кормила мелкой рыбешкой, хлебом, бобами, разговаривала с питомцем, называя его ласково: «Журочка». Вскоре Журка, кроме тети Клаши, никого не признавал; он ходил за нею по пятам, отзывался на кличку. Когда во дворе появлялся посторонний человек, журавль жался к ногам женщины и вопросительно смотрел на незнакомца. Такая привязанность умиляла тетю Клашу, и дружба между ними росла. Собакам, живущим во дворе, журавль внушил к себе должное уважение. Некоторое время не унималась Кнопка — игривая собачонка-щенок. Ей не терпелось поиграть с птицей; она делала стремительные круги, приседала, готовилась к прыжку. Но Журка был начеку. Пригнув голову на длинной шее, он выбирал удобный момент и острым твердым клювом бил точно в подушечку носа. Кнопка с визгом катилась от него кувырком и потом усердно терла лапой нос.

Журка не выходил за ворота. Но однажды, когда тетя Клаша пошла по воду на речку, Журка увязался за нею. На речке он долго и тревожно оглядывался, потом стал копаться в тине. Когда же тетя Клаша пошла домой, журавль поспешно, помогая себе крыльями, побежал за своим другом. С тех пор они часто вместе ходят на речку.

Нам всем очень хотелось, чтобы журавль начал скорее летать. Ведь это красиво, когда такая большая птица вьется над домом! Но Журка на полет оказался ленивым. Как-то его погнали с горки ребята, он оторвался от дороги и пролетел несколько метров невысоко над землей. А когда его посадили на крышу, то он не пожелал слететь сам, а пищал до тех пор, пока его не сняли.

Наступила осень. Улетит Журка или нет?

Пока Журка спокойно ходит по двору, выпрашивает на кухне куски и изредка устраивает купание в ванне.

Вот и сейчас: я пишу, а Журка забрался на завалинку и заглядывает с любопытством в мое окно. Его голова со следами коричневого пуха на затылке и желтоватым длинным клювом покачивается на уровне нижнего стекла.

Я смеюсь, говорю ему: «Журка, дурашка, ведь зима не за горами. Ты думаешь лететь в Африку или нет?»

— Пи-нить, пи-нить,— отвечает он мне, и как понять, что это означает на его птичьем языке?

Вадим ИВАНОВ

Томская область,
Калтайский леспромхоз.

Только факты

ЯНКИ В ГЕРМАНИИ

Американские монополисты, навязавшие народу Западной Германии кабальный боннский договор, считают эту страну своей вотчиной. Солдаты оккупационных армий США, нигде не стесняющие свое поведение какими-либо нормами, здесь особенно распоясались.

Вот несколько примеров, взятых из сообщения немецкого телеграфного агентства АДН только за один день.

◆ На Лоренцтрассе в Нюрнберге американский солдат приказал остановиться немецкому мотоциклисту и потребовал у него кошелек. Когда немец отказался выполнить это, американец сбил его с ног, отобрал мотоцикл и уехал.

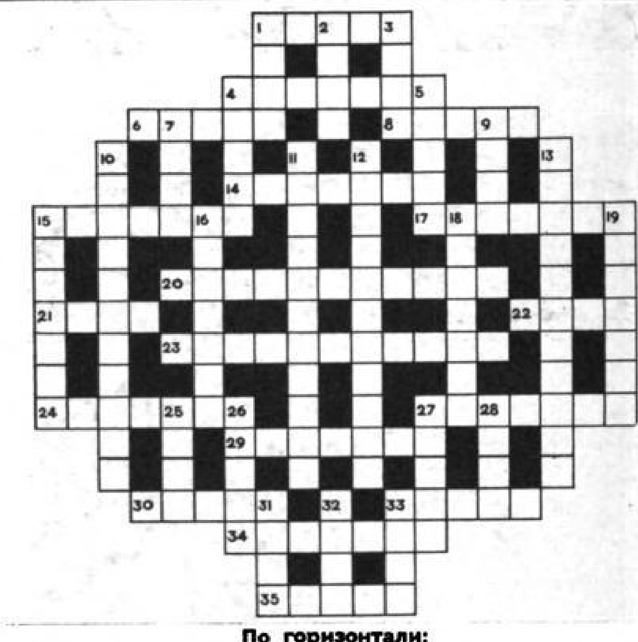
◆ Двадцатидвухлетний прохожий был избит на Лейпцигерштрассе двумя солдатами американской армии. Немцу были нанесены такие тяжелые увечья, что он потерял трудоспособность.

◆ На улице Петера Хенлейта в Нюрнберге американский солдат напал на немецкого пешехода и так ударил его кулаком в лицо, что пострадавший вынужден был обратиться за помощью в больницу.

Вместо того, чтобы заплатить за проезд, американский солдат на Вейсенбургской улице в Гамбурге снял сапог и избил им шофера немецкого такси.

В этом номере помещены четыре страницы репродукций картин А. К. Саврасова и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Краткое изречение, выражающее руководящую идею. 4. Показатель, примета. 6. Командир в романе «Белая береза» М. Бубеннова. 8. Помещение на судне. 14. Луговое травянистое растение. 15. Действие с целью добиться успеха. 17. Бабочка. 20. Учебное заведение. 21. Минеральная краска. 22. Французский композитор. 23. Восстановление вещества. 24. Расстояние от определенного меридиана. 27. Колесо, регулирующее движение механизма. 29. Форма для отливки типографских литер. 30. Юный участник кружка по изучению природы. 33. Вдувание воздуха мехами или особыми машинами. 34. Высшая степень развития. 35. Степень нагрева.

По вертикали:

1. Верхний слой почвы, заросший травой. 2. Сплетение смежных букв в один сложный знак. 3. Вид растения. 4. Хвойное дерево. 5. Напиток. 7. Развитие. 9. Растение, семена которого употребляются как приправа. 10. Главное действующее лицо в романе Ч. Диккенса. 11. Убежденность, непоколебимость. 12. Изображение, поясняющее текст. 13. Определение разности высот нескольких точек земной поверхности. 15. Судно. 16. Публичное исполнение музыкальных и других произведений. 18. Сельскохозяйственное растение. 19. Мостовое сооружение. 25. Созвездие. 26. Сельскохозяйственное строение. 27. Нефтяные остатки при перегонке нефти. 28. Крестьянин из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 31. Метрическая музыкальная единица. 32. Два сельскохозяйственных орудия, соединенных вместе. 33. Железнодорожное здание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

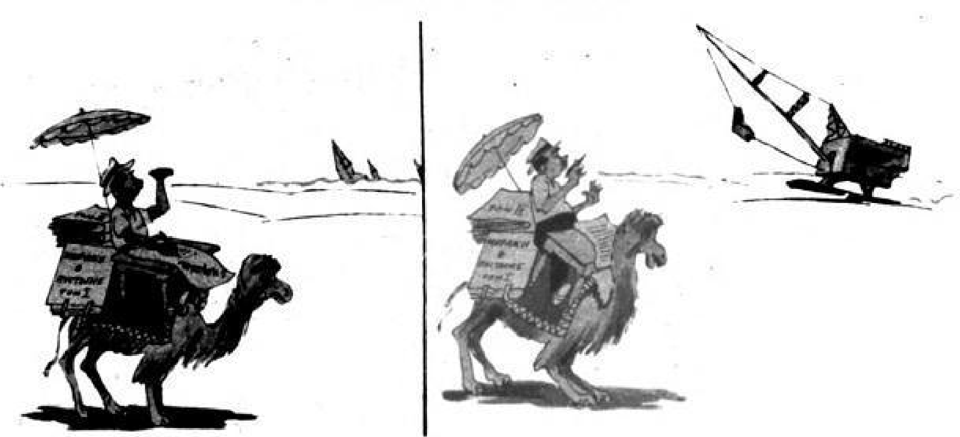
По горизонтали:

5. Легенда. 9. Кутузов. 10. Бандура. 11. Капелла. 12. Беседка. 13. Коми. 14. Караджале. 16. Трас. 18. Донбасс. 23. Реостат. 25. Аллегория. 26. Шелк. 27. Сочи. 28. Кустарник. 29. Пантера. 31. Анданте. 35. Тали. 37. Вахтангов. 40. Риск. 42. Лансере. 43. Кашалот. 44. Пианино. 45. Варвара. 46. Вавилов.

По вертикали:

1. Лекало. 2. Березина. 3. Мужество. 4. «Москва». 6. Абакан. 7. «Унита». 8. Фураж. 9. Кабель. 13. Кронштадт. 15. Диаграмма. 17. Статистик. 19. Балет. 20. Сайка. 21. Клест. 22. Грань. 23. Ряска. 24. Стопа. 30. Единство. 32. Державин. 33. «Мазепа». 34. Волков. 36. Ананас. 38. Товар. 39. Налим. 41. Способ.

СОВРЕМЕННЫЕ «МИРАЖИ».

СЛУЧАЙ С ГЕОГРАФОМ В ПУСТЫНЕ.

Рис. Ю. Черепанова

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 04494. Подп. к печ. 17/X 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 836. Заказ № 2312. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МОДЫ

2

3

4

(Осень 1952 года)

Модели московских ателье индивидуального пошива треста «Мосиндодежда».

1. Платье из шерстяного крепа, отрезное по талии. Рукава покроя реглан, полудлинные, с отворотами. Воротник в виде шарфа, отделан вышивкой. Юбка расклешенная, с встречной складкой спереди и прорезными карманами по линии боковых швов.

2. Платье из шерстяной ткани, отрезное по талии. Широкий воротник пристегивается спереди, как клапаны к карманам. По линии проймы заложены мягкие складки, заменяющие вытачки. Юбка прямая, четырехшовная. Бока юбки вверху подрезаны и отвернуты в виде клапанов карманов. От талии до конца карманов втачиваются отдельно выкроенные куски ткани. Карманы на лифе и юбке отстрочены двойной строчкой. Ателье № 39. Автор моделей — А. М. Кирина.

3. Костюм из новой шелковой ткани «креп московский». Спинка жакета поперечная, цельнокроенная с рукавами. Спереди рукава — реглан. По линии реглана сделаны внутренние карманы. Перед жакета долевой; бока, слегка собранные по талии, поперечные, подкроенные от спинки. Юбка прямая, с одной складкой в боковом шве. Ателье № 35. Автор модели — В. П. Бутусова.

4. Легкий костюм из шерстяной ткани. Жакет полуприлегающий, с вытачками спереди по талии, складками по линии пройм и разрезами внизу в боковых швах. Прорезные карманы с клапанами отстрочены по форме накладных. Юбка прямая, трехшовная. Ателье № 39. Автор модели — М. М. Панкратова.

Цена номера 3 руб.

